

А. Гертсос, И.Н. Нужнов, А.С. Тарасов

ЛАМБРОС КАЦОНИС:

**КАК СОЗДАЮТСЯ
и РУШАТСЯ
МИФЫ**

УДК 355.469
ББК 63.3 (2) 622.11
Б 908

Б 908 А. Гертсос, И.Н. Нужнов, А.С. Тарасов.
Ламброс Кацонис: как создаются и рушатся мифы. СПб,
2015. – 184 с.

В брошюре рассматриваются многочисленные ошибки и целенаправленные искажения исторической действительности, допущенные в книге Г.А. Гребенщиковой «Российские флотилии в Средиземном море и морская политика России при Екатерине II». Работа дополняет ранее опубликованную брошюру А. Гертсоса, И. Николопулоса и Ю.Д. Пряхина «Ради установления истины», в которой рассматривались аналогичные ошибки, допущенные Г.А. Гребенщиковой при ранее предпринятых ею попытках исказить деятельность российского офицера Ламброса Кацониса во время Русско-турецкой войны 1787–1791 годов.

© А. Гертсос, И.Н. Нужнов, А.С. Тарасов, 2015

В сентябре 2014 г. была опубликована работа Г.А. Гребенщиковой «Российские флотилии в Средиземном море и морская политика России при Екатерине II», представленная автором, как дополнение к ее двухтомнику «Черноморский флот в период правления Екатерины II», вышедшей в свет в 2012 г. Удивительно, но в аннотации и в тексте названное дополнение подается уже как монография (!). Несмотря на претенциозное название, посвящена книжка преимущественно очернительству российского полковника и кавалера, национального героя Греции Ламброса Кацониса. К этой теме Г.А. Гребенщикова обращается с настойчивостью, достойной лучшего применения. Ранее она пыталась дискредитировать Л. Кацониса в упомянутом двухтомнике «Черноморский флот в период правления Екатерины II», преподносимом в качестве монографии. При этом было допущено множество ошибок, имели место и факты фальсификации событий и сведений из документов. Причем, при описании не только действий известного греческого воина, но и других лиц. В ноябре 2013 г. журнал «Вопросы истории» опубликовал статью Г.А. Гребенщиковой «Военно-политические события в Эгейском море и в Адриатике в 1788–1792 гг.». Данная публикация, также в основном посвящена попыткам на-

Ламброс Кацонис

рисовать негативный образ Л. Кацониса. При этом, содержание ее весьма далеко от достоверного описания затронутых событий. Автор нередко фантазирует, зачастую преподносит собственные измышления как доказательную базу, чтобы дискредитировать российского офицера — грека.

К сожалению, несмотря на большое число ошибок, допущенных Г.А. Гребенщиковой в упомянутых публикациях, ее работы многие месяцы не подвергались глубокому научному анализу, не получали должной оценки. Ложные, зачастую оскорбительные обобщения и выводы не рассматривались специалистами, а потому раз за разом избегали обоснованной, профессиональной критики. Более того, появлялись хвалебные, надо полагать, заказные отзывы, причем, зачастую со стороны лиц, не занимающихся профессионально историей флота. Лишь позднее, по сути, случайно, вопиющие искажения истины в работах доктора исторических наук, профессора Г.А. Гребенщиковой были все же замечены и получили закономерную оценку, доказательный научный отпор. Так, в ноябре 2013 г. появилась рецензия кандидата исторических наук А.А. Лебедева в журнале «Гангут» № 72, а в сентябре 2014 г. увидела свет брошюра докторов наук: А. Гертсоса, И. Николопулоса и Ю.Д. Пряхина «Ради установления истины». В них рассматривалась и анализировалась некоторые, наиболее грубые ошибки и изъяны в повествовании Г.А. Гребенщиковой о Л. Кацонисе. Судя по ее ответной реакции, выразившейся в публикации рассматриваемого «дополнения-монографии», брошюру она все же заметила, и, видимо, даже пролистала, но, чувствуется, внимательно и вдумчиво не прочитала. Об этом можно судить по отсутствию у автора отчетливого представления о замечаниях и пожеланиях, которые ей высказали коллеги-специалисты по содержанию ее монографии (2012 года). Действительно, вместо того, чтобы осмыслить критику и учесть ее в своей дальнейшей работе, она предпочла перейти в контрнаступление. Результат его, 220-страничная книжка, на деле, оказался обескураживающим. За исключением оскорблений в адрес оппонентов, она в «дополнении-монографии», во всем его тексте, ничего принципиально нового по Л. Кацонису читателю предложить так и не смогла. Более того, количество различных ошибок, а также, целенаправленных искажений истины существенно возросло.

Это можно заключить по результатам далеко не самого глубокого и полного анализа текста «дополнения-монографии», предла-

гаемого в данной брошюре, который затрагивает лишь часть недостатков упомянутой публикации профессора Г.А. Гребенщиковой (2014 года). Так, она утверждает, будто Ю.Д. Пряхин и его соавторы «отрицают обнаруженные в российских архивах документы» («Российские флотилии в Средиземном море и морская политика России при Екатерине II», с. 6), однако свое обвинение при этом не обосновывает. Между тем, никакого «отрицания документов» в брошюре греческих и российского авторов просто нет. На самом деле, в ряде случаев, авторы высказывают лишь обоснованные сомнения в идентификации, публикуемых Г.А. Гребенщиковой документов. А также нередко указывают на попытки выдать за свои архивные находки документы, опубликованные еще в XIX веке. В брошюре вполне обоснованно подчеркивается, что стремление судить о деятельности Л. Кацониса и кораблей его флотилии, исключительно по жалобам судовладельцев и купцов, подданных Османской империи или торговавших с нею граждан других стран, интересы которых пострадали, не дают полной и объективной картины.

Что касается жалоб Г.А. Гребенщиковой на необоснованные обвинения ее в фальсификации, то изложенные в брошюре Ю.Д. Пряхина и его соавторов аргументы вполне убедительны. Отрицать их можно, рассчитывая лишь на весьма нетребовательного читателя, не склонного к самостоятельному анализу написанного. Поэтому, оспаривать справедливо сказанное в ее адрес, она аргументировано даже и не пытается. Вместо этого ею предпринимаются попытки как-то дискредитировать критиков. Так, она утверждает, будто Ю.Д. Пряхин «историей русского дореволюционного флота... никогда не занимался, и специальных исследований по этим вопросам у него нет» («Российские флотилии...», с. 6). Однако если речь идет о действиях укомплектованной, в подавляющем большинстве, греками каперской флотилии Л. Кацониса в Средиземном море, то исследователю нет нужды «заниматься историей русского дореволюционного флота», к которому эта флотилия имеет лишь косвенное отношение. В данном случае автору достаточно было глубоко изучить и хорошо знать материалы, касающиеся непосредственно затрагиваемого предмета.

Весьма странно звучит в устах Г.А. Гребенщиковой утверждение, что «исторические документы нужно подавать не избирательно» («Российские флотилии...», с. 6). Так как именно этим, создавая нужную ей доказательную базу, она постоянно и занимается, прибегая к выборочному цитированию или вовсе не упоминая те

или иные документы, которые свидетельствуют в пользу Л. Кацониса, при этом, все исходящие от него самого донесения и письма голословно объявляя лживыми.

Весьма двусмысленно выглядит утверждение Г.А. Гребенщиковой, что если в архивах обнаружены материалы о человеке, который «состоял на службе у российской императрицы в российском флоте, то ученый имеет полное право обнародовать эти материалы и сделать иные выводы, нежели те, что сложились в традиционной историографии» («Российские флотилии...», с. 7). Прежде всего, непонятен термин «традиционная историография». Очевидно, подразумевается вся, предшествовавшая, не отвечающая измышлениям Г.А. Гребенщиковой. Однако если вся 200-летняя, в том числе и зарубежная, серьезная историография приходит к иным выводам, чем она, то возникают серьезные сомнения в научной достоверности личной позиции профессора Г.А. Гребенщиковой, в обоснованности ее обобщений, выводов и оценок, а также, в уровне научной подготовленности и, просто, в объективности автора – доктора наук при рассмотрении данной, конкретной темы. Нужно заметить, что у пропагандируемой ею точки зрения, также есть достаточно продолжительная история в литературе. Ведь образ «Кацониса-пирата» на протяжении многих десятилетий усердно выписывают беллетристы. Примечательно, что одним из первых на этом поприще отметился Д. Байрон с поэмой «Корсар». Хорошо известен также и исторический очерк «Пират-витязь» Спиридона Александровича Качиони, правнука героя-моряка, и другие литературные произведения.

Не совсем понятно упорное стремление Г.А. Гребенщиковой непременно «прийти к иным выводам», чем ее предшественники-историки. При этом ею не принимается во внимание то, что ее выводы и оценки, научно не обоснованные, порочат не только Л. Кацониса, но и императрицу Екатерину II, Павла I, ближайших к ним высших должностных лиц и советников, российские Вооруженные силы, их командование, а в итоге и Россию, ее политику, на что ей указывалось Ю.Д. Пряхиным и его соавторами.

Такая настойчивость в навязывании читателю порочащих страну ошибочных утверждений, тем более ввиду псевдопатриотической риторики самой Г.А. Гребенщиковой и ее ссылки на слова президента В.В. Путина о необходимости «отстаивать достоинство и интересы России», выглядит, мягко говоря, странно.

Как нам представляется, ученый должен стремиться к исти-

не, а стало быть, изучить и проанализировать как можно больший объем материалов, чтобы прийти к обоснованным выводам. И, конечно, не следует строить свои концепции исключительно на документах, заведомо исходящих от лиц, по тем или иным причинам негативно воспринимавших и негативно оценивавших деятельность Л. Кацониса. При этом автору, исходя из требований исторической науки, обязательно нужно было бы учитывать военно-политическую обстановку на театре боевых действий, характер и методы вооруженной борьбы на море, сроки доставки сведений и обмена информацией. А также учитывать возможности парусных судов того времени, особенности их вооружения и уровень обеспечения всем необходимым для боевого похода, поиска противника, его уничтожения или захвата.

При анализе результатов боевых действий на морских коммуникациях, исследователю также необходимо было бы исходить из имевшейся системы боевого управления и командной (управленческой) связи, из реальных возможностей и времени доставки важной оперативной информации и разведывательных данных. Важно было бы, также, тщательнее учитывать человеческий фактор, боевую готовность и моральное состояние экипажей судов, межличностные отношения, сложившиеся между начальниками и подчиненными всех уровней, и прежде всего, в верхнем и среднем эшелоне власти в регионе, и многие другие обстоятельства и особенности, влияющие на результаты боевых действий на море. При этом нельзя забывать особую роль и значение консульского корпуса в регионе, направлявшего своему руководству донесения, которые составлялись, как правило, на основе слухов, и имели содержание нередко отвечающие только их личным взглядам и представлениям, материальным и карьерным интересам, симпатиям и антипатиям к персоналиям докладов.

Таким образом, только комплексный, аналитический подход к исследованию, объективный учет всего вышесказанного, дает возможность исследователю более-менее достоверно показать ход и итоги боевых действий, реально оценивать заслуги экипажей кораблей и их непосредственных начальников. Именно такой подход дает возможность избежать искажений, воссоздать правдивую картину боевых действий на море, их реальные результаты, избежать надуманных оценок экипажей судов, входивших в состав флотилий, оценить объективно роль и заслуги их командующих.

Не совсем отвечает истине заявление автора, будто Л. Кацонис

«состоял на службе... в российском флоте», так как он до и во время событий 1787–1791 гг. являлся по штатному расписанию офицером Греческого пехотного полка, а во флот официально был переведен лишь в 1797 г., да и то, всего лишь на несколько месяцев и фактически на полученной должности не служил.

Искажает истину и утверждение Г.А. Гребенщиковой, будто со стороны ее критиков имеет место «стремление скрывать или намеренно замалчивать неудобные отдельным лицам или группе лиц документы» («Российские флотилии...», с. 7). Судя по всему, здесь подразумеваются работы Ю.Д. Пряхина. Однако фактов «замалчивания» им каких-либо документов Г.А. Гребенщикова не приводит, и, учитывая интегрированное в монографию Ю.Д. Пряхина «Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов», приложение из 165 архивных материалов, формирующих источниковую базу исследования, оснований для таких утверждений нет. Все документы, с которыми Ю.Д. Пряхин работал, в его исследованиях учтены, обвинять же в «замалчивании» документов, с которыми он не работал, нелепо. Собственные же работы Г.А. Гребенщиковой, напротив, характеризуется, как раз, бросающейся в глаза избирательностью – масса документов, прежде всего уже опубликованных, ею не учитывается и не упоминается, хотя сами издания указаны в списке использованной ею литературы. Впрочем, нельзя исключить, что Г.А. Гребенщикова внесла в список источников своего издания, названия публикаций, которые она заимствовала

Офицер Балаклавского греческого батальона, ранее — Греческого полка.

из работ других исследователей.

возможно и то, что она, может быть, и держала в руках иные издания, но должным образом с ними не работала, так как лишь невнимательностью трудно объяснить хроническое замалчивание ею важных, уже опубликованных фактов, событий и документов, фигурирующих в изданиях, которые внесены в перечень использованных ею источников и литературы.

В связи с этим трудно понять высказанный Г.А. Гребенщиковой в адрес Ю.Д. Пряхина упрек, будто он не отреагировал на предложение «провести открытую научную дискуссию» («Российские флотилии...», с. 7). Бессмысленно дискутировать, когда с одной стороны имеет место научное исследование, быть может, и не лишённое некоторых недостатков, а с другой – тенденциозное сочинение, рисующее фальшивый образ Л. Кацониса. Тем более странно заявлять, что подобное сочинение, на деле к науке отношения не имеющее, достойно серьёзной научной дискуссии.

Учитывая то, что Г.А. Гребенщикова должным образом не знакома с работами предшественников, поэтому и не имеет должного представления о том, какие именно вопросы ими исследовались и какие проблемы разрешены. В этом плане, весьма нелепо звучат ее слова о том, будто бы ею в книге «Черноморский флот в период правления Екатерины II» были «раскрыты проблемы внутренней, внешней, морской, финансовой, судостроительной и государственной политики» («Российские флотилии...», с. 5). Какие именно «проблемы», не затронутые предшественниками, «раскрыла» Г.А. Гребенщикова, непонятно? Более того, складывается впечатление, что автор и те вопросы, которые были поставлены и исследованы до нее, в частности, Г.Л. Аршем или Ю.Д. Пряхиным, должным образом не осмыслила и на них в своей публикации не указала.

Последнее в полной мере относится и к ее «дополнению-монографии» «Российские флотилии в Средиземном море и морская политика России при Екатерине II». Трудно всерьез воспринимать слова Г.А. Гребенщиковой о том, будто профессор Ю.Д. Пряхин и некие «неспециалисты-историки», рассматривают и оценивают ее измышления, основываясь лишь «на узкой подборке уже известных опубликованных источников». Между тем, в упоминавшейся монографии Ю.Д. Пряхина «Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов» было опубликовано, в том числе и впервые в отечественной историографии, значительное

число и впервые в отечественной историографии, значительное

число документов по исследуемой теме. Удивительно, но Г.А. Гребенщикова постоянно делает вид, будто впервые вводит в научный оборот документы, хотя в действительности они изданы, отчасти уже более столетия тому назад, и хорошо известны не только отечественным, но и зарубежным историкам.

Примечательно, что в «дополнении-монографии» Г.А. Гребенщикова упорно искажает название упомянутой книги Ю.Д. Пряхина, опуская слова «документы архивов» и изменяя фигурирующее там имя Ламброса Кацониса («Российские флотилии...», с. 10). Учитывая, что Г.А. Гребенщикова, прямо указывает на «приложение книги Ю.Д. Пряхина» («Российские флотилии...», с. 9), можно считать, что она знакома с его содержанием, а это значит, что мы имеем дело с заведомым и целенаправленным искажением названия книги.

Аналогичное искажение имеет место при упоминании работы О. Кацарди-Херинг («Российские флотилии...», с. 10). Прежде всего, ему подверглось название, которое Г.А. Гребенщикова передает как «Мифы и легенды о финансировании Кацониса», тогда как в переводе на русский оно звучит иначе – «Миф и история. Ламброс Кацонис, финансисты и политическая тактика». Написана работа с опорой на финансовую документацию и жалобы купцов и судовладельцев, хранящиеся в австрийских архивах, а потому лишь частично отражает и однобоко характеризует деятельность Ламброса Кацониса, не затрагивая, по сути, ее боевую сторону, боевые заслуги грека-командующего.

Упоминаемые Г.А. Гребенщиконой «положительные отклики и рецензии в ведущих отечественных научных журналах специалистов-историков флота и специалистов, занимающихся вопросами внешней политики России XVIII века» («Российские флотилии...», с. 5), поступившие на ее двухтомник «Черноморский флот в период правления Екатерины II», особенно учитывая появившуюся в интернете копию положительного отзыва, за подписью профессора Г.А. Санина, наводят на мысль, что в нашей стране ощущается острый недостаток квалифицированных «специалистов-историков флота и специалистов, занимающихся вопросами внешней политики России XVIII века», так как положительно оценить измышления Г.А. Гребенщиконой можно лишь не располагая соответствующими знаниями, либо поступаясь принципами или профессиональной репутацией ради целей, далеких от исторической науки.

Достаточно указать на то, что Г.А. Гребенщикова и в «допол-

нении-монографии» продолжает демонстрировать совершенно недопустимый для дипломированного историка непрофессионализм. В частности, уже во введении она показывает полную неспособность осознать и исправить грубейшую ошибку, связанную с ложной атрибуцией документа. Примечательно, что в брошюре Ю.Д. Пряхина и его соавторов эта ошибка была разобрана детально (См. Гертсос А., Николопулос И., Пряхин Ю.Д. «Ради установления истины...», с. 12), и доказано, что доктор исторических наук Г.А. Гребенщикова не только искажает датировку документа – письма генерал-поручика И.А. Заборовского, но и указывает другого адресата, коим является не генерал-фельдмаршал Г.А. Потемкин, а президент Коллегии иностранных дел граф А.А. Безбородко, что специалисту-историку должно быть понятно по титулованию этого лица «Сиятельнейшим графом». Более того, правильно атрибутированный документ опубликован в «Материалах для истории русского флота» (Ч. XIII. С. 508) еще в 1890 году, что, опять же, должно быть известно специалисту и чего, как мы видим, не знает профессор Г.А. Гребенщикова, хотя соответствующая часть МИРФ и указана ею в списке использованной литературы. Однако самое важное в данном случае то, что в «дополнении-монографии» она уверенно утверждает («Российские флотилии...», с. 9), будто допущенная ею «техническая ошибка» не имеет значения, тогда как именно датировка цитируемого письма определяет рассказ о боевых действиях Ламброса Кацониса и Гульельма Лоренца.

В частности, в книге «Черноморский флот в период правления Екатерины II», процитировав ошибочно атрибутированное письмо, Г.А. Гребенщиконой пишет: «Таким образом, Кацони и принятый в русскую службу Гвильермо Лоренцо имели совершенно четкие инструкции, как им действовать в Архипелаге – соединиться, следовать к Дарданеллам и осуществлять блокаду...» («Черноморский флот...», с. 110), а на следующей странице сказано: «Как же поступил Кацони? Он не стал соединяться с Лоренцо...» и т.д. Однако в действительности весной 1788 г. генерала И.А. Заборовского не было еще на Средиземном море, а Г. Лоренцо не был «принят в русскую службу», не существовало и казенной флотилии, и не было соответствующих предписаний. Таким образом, Л. Кацонис ничего не нарушал. Поэтому обвинения Г.А. Гребенщиконой создают ложную картину событий боевой кампании 1788 г. Учитывая это, заявление автора, будто «эта техническая ошибка вообще не повлияла на последующую цепь событий и тем более на доказа-

Морской устав

тельную базу исследования», можно признать сознательным искажением подлинного положения дел, неуклюжей попыткой оправдать, затушевать свою грубейшую ошибку, исказившую боевые кампании не только 1788, но и 1789 годов.

Не соответствует действительности утверждение, будто действия Кацониса «регламентировались единым законодательством, введенным Петром I – Морским Уставом» («Российские флотилии...», с. 8). Действия каперов Морским Уставом не регламентировались. Ни в Петровском уставе 1702 года, ни в более поздних редакциях нет статей о правах и обязанностях каперов. Они официально были определены и введены «Правилами для партикулярных корсеров», о которых в своей книгах и статьях не раз упоминает, и даже цитирует их Г.А. Гребенщикова. Стало быть, хорошо зная это, профессор сознательно идет на искажения. Важно также отметить, что и в «Правилах для партикулярных корсеров» нет указания, что каперы должны руководствоваться статьями Морского Устава. Следует подчеркнуть, что Ламброс Кацонис не подпадал под нормы Морского Устава еще и потому, что не являлся,

по своему служебному положению, флотским офицером – он официально числился по Греческому пехотному полку.

Вполне целенаправленно уклоняется Г.А. Гребенщикова от истины, когда упоминает и некое «следственное разбирательство по делу Кацониса» («Российские флотилии...», с. 9), хотя такого «разбирательства» не существовало на самом деле. Об этом она сама и проговаривается, правда, лишь единожды, подтверждая, что Комиссия «учреждалась с целью “свидетельства щетов и рассмотрения претензий по флотилии бывшей в Средиземном море в последнюю с турками войну”» («Российские флотилии...», с. 9), а вовсе не для «разбирательства по делу Кацониса». Комиссия собирала все отчетные финансовые документы, прошения моряков и сухопутных чинов, воевавших в Средиземном море, по выплате им жалованья, а также жалобы купцов и судовладельцев, считавших себя несправедливо пострадавшими или понесшими убытки при субсидировании обеих флотилий. В фонде Комиссии (РГАВМФ Ф. 150) собраны материалы, касающиеся деятельности контр-адмирала С.С. Гибса, капитана генерал-майорского ранга А.К. Псаро, подполковника Г. Лоренцо, полковника Л. Кацониса и других должностных лиц морских соединений, хотя, по вполне понятным причинам, преобладают бумаги, касающиеся флотилии Л. Кацониса. Прежде всего, потому, что флотилия была разгромлена, ее личный состав потерял все имущество и оказался без средств к существованию. Поэтому основной массив дел составляют документы, заведенные по прошениям моряков этой флотилии о выплате им жалования. То обстоятельство, что Г.А. Гребенщикова в очередной раз позволяет себе вводить читателя в заблуждение, относительно цели Комиссии и состава ее дел показывает, что она, с легкостью, необоснованно обвиняя своих оппонентов чуть ли не во всех смертных грехах, на деле сама широко практикует ложные, надуманные утверждения в своих работах.

Оставляя далее за рамками все, сказанное Г.А. Гребенщико-вой по поводу тех, кто указал на ее многочисленные ошибки и сознательные искажения действительности, обратимся непосредственно к содержанию текста «дополнения-монографии» «Российские флотилии в Средиземном море и морская политика России при Екатерине II». Как и следовало ожидать, его анализ вскрывает массу изъянов, заставляет ставить вопросы почти на каждой странице, иногда по несколько раз, так что материалы анализа могли бы многократно превысить объем рассматриваемого текста (вклю-

чая «введение» и «постскрипtum» – 212 страниц). Поэтому ограничимся анализом лишь наиболее значительных искажений, ошибок и фальсификаций и сделаем некоторые, явно напрашивающиеся, замечания и рекомендации автору.

Уже первые строки первой главы, на наш взгляд, показывают весьма поверхностный подход профессора Г.А. Гребенщикова к тем вопросам, которых она касается. Так, она пишет, что «в первой половине царствования Екатерины II Россия не имела выхода к Черному и Средиземному морям» («Российские флотилии...», с. 13).

Однако это утверждение является ошибкой и не делает чести историку – доктору наук, объявившему себя специалистом по истории флотов. Действительно, прямого выхода к берегам Средиземного моря Россия не имела никогда (если не считать недолго просуществовавшую в годы Русско-турецкой войны 1768–1774 г. «Архипелагскую губернию»), однако путь туда через Балтийское море не был для нее закрыт и до Екатерины II. Затем, нельзя забывать, что понятие о «первой половине царствования» в данном случае слишком расплывчато. Екатерина II царствовала с 1762 по 1796 год, середина этого периода приходится на 1779 год, однако к этому времени Россия уже имела выход к Черному морю. Более того, и прежде она имела такой выход через Азовское море, хотя его и нельзя было назвать свободным, но с 1772 г., по условиям соглашения с крымским ханом, Россия приобретала порт Еникале и право торговли, а со-

Императрица Екатерина II

ответственно, и захода торговых судов во все крымские порты, включая черноморские.

С 1774 же года, согласно 11 статье Кючук-Кайнарджийского мирного трактата, Россия юридически имела и выход к Средиземному морю через Черное море, о чем должна была бы знать Г.А. Гребенщикова», по ее словам, «почти двадцать лет профессионально занимавшаяся историей Российского флота». Причем, свое право Россия реализовывала на практике, о чем пишет и, упоминавшийся выше, доктор исторических наук Г.А. Санин. Он указывает, что «в 1777 г. в Константинополе уже действовала «Российская контора Сиднева со товарищи»», чей торговый корабль «Св. Николай» ходил «и в турецкие порты южнее Проливов» («Россия и Черноморские проливы». М., 1999. С. 71). О плаваниях в 1779 году российских торговых судов, с проходом черноморских проливов, в частности, из Таганрога в Смирну, а также во Францию, говорится в коллективной работе «Под флагом России» (М., 1995, С. 125). Подобные сведения можно найти и в сборнике документов «Присоединение Крыма к России», публикации, которая, к тому же, фигурирует в списке использованной Г.А. Гребенщиконой литературы («Российские флотилии...», с. 221).

Вместе с тем, в том же первом предложении Г.А. Гребенщикова пишет, что «русское купечество не могло пользоваться теми преимуществами в торговле, какими обладали итальянские, английские и французские купцы». Однако читателю остается догадываться, о каких «преимуществах» идет речь – о тех, которые предоставлялись иностранным купцам в портах стран Средиземного моря, или в турецких портах, или говорится о преимуществах торговли через Черное и Средиземное моря сравнительно с Балтийским морем, или о чем-то ином. Мы уже не говорим о том, насколько были востребованы российскими купцами какие-либо преимущества, учитывая неразвитость производства и отечественной торговли в черноморском регионе в те времена.

Порассуждав о закрытости для России «стратегически важных проливов Босфор и Дарданеллы», Г.А. Гребенщикова переходит к принятой, якобы, в январе 1764 г. «военной доктрине» («Российские флотилии...», с. 13–14). Не подчеркивая, что такое название является крайне спорным, по отношению к документам XVIII в., достаточно указать на слова Г.А. Гребенщиконой о том, что «в принятом документе не отразилась позиция России по отношению к Оттоманской Порте», чтобы усомниться в целесообразности упо-

минания об этой «доктрине» в «дополнении-монографии». Тем более, что в ее тексте не указывается, в каком именно документе эта «доктрина» изложена и что она из себя представляет.

Вызывает удивление утверждение профессора Г.А. Гребенщиковой о том, что «через три года, выполняя достигнутые с Турцией политические договоренности, Россия вывела войска из Крыма» («Российские флотилии...», с. 14). Так как, выше по тексту, речь идет о 1776 годе, то читатель может сделать вывод о том, что в 1779 г. все российские войска покинули Крым. Однако такой, напрашивающийся из текста, вывод неверен. На территории Крыма, в районе Керчи и Еникале «с их уездами и пристанями», отошедшими к России, согласно 3 статье Кючук-Кайнарджийского трактата, оставались российские войска, на эти порты также базировалась Азовская флотилия. Заметим, что через Керчь и Еникале отчасти осуществлялась и морская торговля с Константинополем и странами Средиземноморья.

Утверждение автора, будто «18 мая 1781 года Австрия и Россия подписали союзный договор» («Российские флотилии...», с. 14–16) не вполне соответствует действительности. Если обратиться ко 2 тому «Собрания трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами» (СПб, 1875), а это издание фигурирует у Г.А. Гребенщиковой в «Списке источников и литературы», то можно увидеть, что 18 мая 1781 г. австрийский император Иосиф II подписал письмо, адресованное императрице Екатерине II. Однако, по словам Ф.Ф. Мартенса: «...В другом собственноручном ниже напечатанном письме Иосифа II от 20-го мая 1789 г. возобновляющем силу вышерассмотренного союза, говорится, что союз действительно был заключен письмом его от 21-го мая 1781 г.» («Собрание трактатов...», т. 2, с. 107). Таким образом, имело место не «подписание договора», а заключение союза путем обмена письмами, причем, одна из сторон австрийская – указывала на иную дату фактического вступления данного союза в силу.

Согласно же опубликованному в «Собрании трактатов» первому письму Иосифа II от 18 мая, он обещал Екатерине II «выставить вспомогательный корпус в десять тысяч пехоты и две тысячи кавалерии» («Собрание трактатов...», т. 2, с. 109). А о боевом флоте, из-за практического отсутствия такового у Австрии на тот момент, речи не шло. Поэтому утверждение Г.А. Гребенщиковой, будто «Австрия выставляла одинаковое с Россией количество сухопутных и морских сил» («Российские флотилии...», с. 16) – надуманно и ис-

кажает смысл соглашения. Такая формулировка представляется тем более странной, что на той же странице, далее, Г.А. Гребенщикова сама отмечает, что «Австрия принадлежала к числу держав континентальных и почти не имела военного флота» («Российские флотилии...», с. 16). Очевидно, что Г.А. Гребенщикова с текстом соглашения знакома поверхностно, и указанные выше утверждения изложены ею без должного обоснования, с искажениями.

Император Иосиф II

На следующей странице текста Г.А. Гребенщикова отрывочно цитирует донесение Я.И. Булгакова Екатерине II от 1/12 февраля 1783 г., ссылаясь на материалы АВПРИ (Архива внешней политики Российской империи), однако это донесение опубликовано в «Сборнике Императорского русского исторического общества» (т. 47, с. 58–60). Здесь, как это уже неоднократно отмечалось в брошюре Ю.Д. Пряхина и соавторов, Г.А. Гребенщикова вновь наводит читателей-историков на мысль, что она либо плохо знает опубликованные источники, или просто пренебрегает огромной работой предшественников по введению ими в научный оборот документов внешней политики. Наряду с этим, можно, также, предположить, что она сознательно дезориентирует читателя, создавая видимость, что именно она впервые вводит в научный оборот большое число ранее не известных источников, является их первооткрывателем.

Трудно понять, что имеет в виду Г.А. Гребенщикова, когда пишет о «глобализации Греческого проекта Екатерины II» («Российские флотилии...», с. 18). Очевидно, здесь, как и в ряде других мест, например, при использовании термина «геополитический

проект» в рассказе о сближении России и Австрии («Российские флотилии...», с. 14), мы имеем дело с неосмысленным употреблением термина, стремлением «пустить пыль в глаза» неподготовленному читателю.

Далее, выявляется неточное определение термина «casus foederis», который трактуется Г.А. Гребенщиковой как «выполнение обязательств по союзному договору» («Российские флотилии...», с. 16), тогда как речь идет о «событии, которое по условиям союзного договора требует от сторон определенных действий», в данном, конкретном случае – объявление войны державе, напавшей на союзника – австрийского императора «во время содействия его в войне турецкой».

Вызывают сомнение рассуждения автора о «наступательной военной доктрине» («Российские флотилии...», с. 18–19), утвержденной Екатериной II в январе 1783 г. о «стратегической концепции новой доктрины». И в этом случае следует отметить, что Г.А. Гребенщикова пользуется терминами без должного их осмысления.

Описывая внешнюю политику России в начале 1780-х годов, Г.А. Гребенщикова много рассуждает о «греческом проекте». В том числе и о впечатлении, которое производили сведения, просачивавшиеся о нем в столицы европейских стран, а также и в Константинополь. Вместе с тем, автор совершенно умалчивает о действиях властей Османской Порты, о многочисленных нарушениях турками ранее подписанных соглашений с Россией. Об активных попытках турецких властей влиять на события в Крыму и на Тамани, направляя их непосредственно против России. Таким образом, картина событий в данном регионе рисуется совершенно искаженной. Перед читателем предстает лишь «агрессивная Россия», мечтавшая о завоеваниях за счет Турции, а последняя же скромно остается в тени рассуждений автора «дополнения-монографии».

При цитировании ордера Г.А. Потемкина адмиралу Ф.А. Клокачеву, со ссылкой на материалы РГАВМФ («Российские флотилии...», с. 22), который опубликован в «Записках Одесского общества истории и древностей» (т. 12, с. 259), автор, вновь или проявляет слабое знание уже опубликованных источников по теме публикации, или сознательно замалчивает тот факт, что указанный документ давно уже опубликован, известен и введен в научный оборот.

Утверждение профессора Г.А. Гребенщиковой, будто «проведенная Россией акция по присоединению Крыма с прилегающими областями и крайне негативная реакция на это Турции и большей части мусульманского населения Крыма побудили руководство России поторопиться с практической реализацией плана наступательной войны и захвата Черноморских проливов» («Российские флотилии...», с. 22). Данную позицию доктора наук можно считать антироссийским искажением исторической действительности. Прежде всего, «акция по присоединению Крыма» была проведена не по инициативе России, как можно представить, читая слова Г.А. Гребенщиковой, а в силу того, что, изначально, Екатерина II и ее правительство пытались создать «пророссийский Крым» под управлением хана Шагин-Гирея. Однако в силу интриг Порты, всячески поддерживавшей силы, стремившиеся свергнуть Шагин-Гирея и, в конце концов, принудивших хана бежать в Керчь, а вскоре фактически отказаться от престола в пользу Екатерины II, Россия была вынуждена взять стратегически важный полуостров под свой контроль. Выражение автора «практическая реализация плана наступательной войны» означает ни что другое, как начало войны. Однако очередную русско-турецкую войну начала не Россия, а Османская Порта.

Столь же антироссийским духом проникнуто изложение события и на следующей странице текста «дополнения-монографии», где повествуется о том, что «в Зимнем дворце спланировали операцию другого рода... Целями секретных миссий являлись

Вице-адмирал Ф.А. Клокачев

поднятие мятежа египетских беев против Турции...» («Российские флотилии...», с. 23). Текст построен таким образом, что из него следует, будто Россия только и делала, что планировала антитурецкие акции, в то время как об антироссийских шагах Турции фактически ничего не говорится.

Примечательно, что рассказывая почти исключительно о подготовке России к войне с Турцией, о планируемых «в Зимнем дворце» «операциях», Г.А. Гребенщикова создает устойчивое впечатление, будто это Россия проявляла агрессию, вела дело к войне. Однако затем она пишет об «объявлении Турцией войны России», что, в таком контексте, воспринимается читателем как вполне оправданная реакция на российские военные приготовления. Вольно или невольно, но Г.А. Гребенщикова рисует Россию агрессивной державой, целенаправленно готовившей новую, очередную войну с Турцией.

Между тем, уверенное утверждение автора, будто «в Зимнем дворце понимали: вторая война с Османской Портой неизбежна, поэтому к “дальнему вояжу в Средиземное море” в Кронштадте начали готовить балтийскую эскадру из 15 линейных кораблей, шести фрегатов, двух бомбардирских и нескольких транспортных судов» («Российские флотилии...», с. 23), абсолютно не соответствует истине. В тот период, когда война с Портой еще не началась, в Кронштадте, действительно, готовились к выходу в море два соединения, носивших тогда название «эскадра», это – экспедиция капитана 1 ранга Г.И. Муловского, а также учебная эскадра контр-адмирала Т.Г. Козлянинова, назначенная «для экзерциции» (для практического обучения в море). Однако ни одна из них не нацеливалась и не предназначалась для войны с турками.

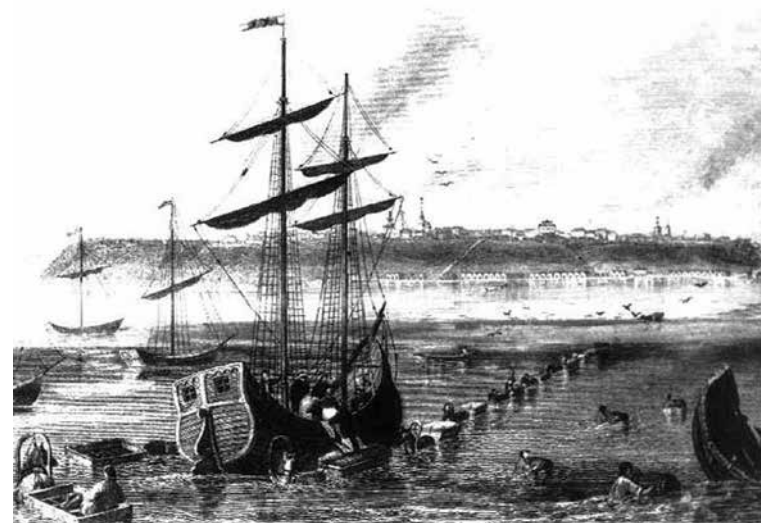
Очевидно, доктору исторических наук Г.А. Гребенщиковой, по ее собственному утверждению, «почти двадцать лет профессионально занимающейся историей Российского флота», следовало бы заглянуть в соответствующий том «Материалов для истории русского флота», чтобы узнать, что Высочайший указ Адмиралтейств-коллегии, который гласил: «Для отправления в Средиземное море повелеваем: 1) приготовить и вооружить из флота нашего кораблей 100 пушечных три, 74 пушечных семь, 66 пушечных пять...» и т.д. (МИРФ Т. XIII. С. 195) был датирован 20 октября 1787 года. Таким образом, он был издан уже после начала боевых действий, развернутых турками в августе данного года. Из многочисленных документов видно, что до момента вышеназванного указа Екатерины II,

никакой подготовки боевых кораблей к плаванию в Средиземное море не производилось.

Сведения Г.А. Гребенщиковой о том, как российский министр в Тоскане граф Д. Моцениго решил привлечь к «поднятию мятежа египетских беев» и к «нанесению урона турецкой торговле путем нарушения коммуникаций в Леванте», как это можно заключить из текста, опираются на утверждения «жителя Таганрога грека Христудуло (Христофора Георговича) Сапунцоглу, который долгое время ходил в Средиземном море на собственном судне под российским купеческим флагом» («Российские флотилии...», с. 23).

Заметим, что ссылка на данные жителя г. Таганрога, «долгое время» ходившего в Средиземном море «под российским купеческим флагом», должна вызвать у внимательного читателя закономерное удивление. Ведь ранее профессор утверждала, что Россия не имела выхода в Средиземное море. Возникает вопрос, как же тогда русский купец, грек по национальности, неоднократно попадал туда из порта Азовского моря, да еще и «под российским купеческим флагом», как об этом повествует автор?

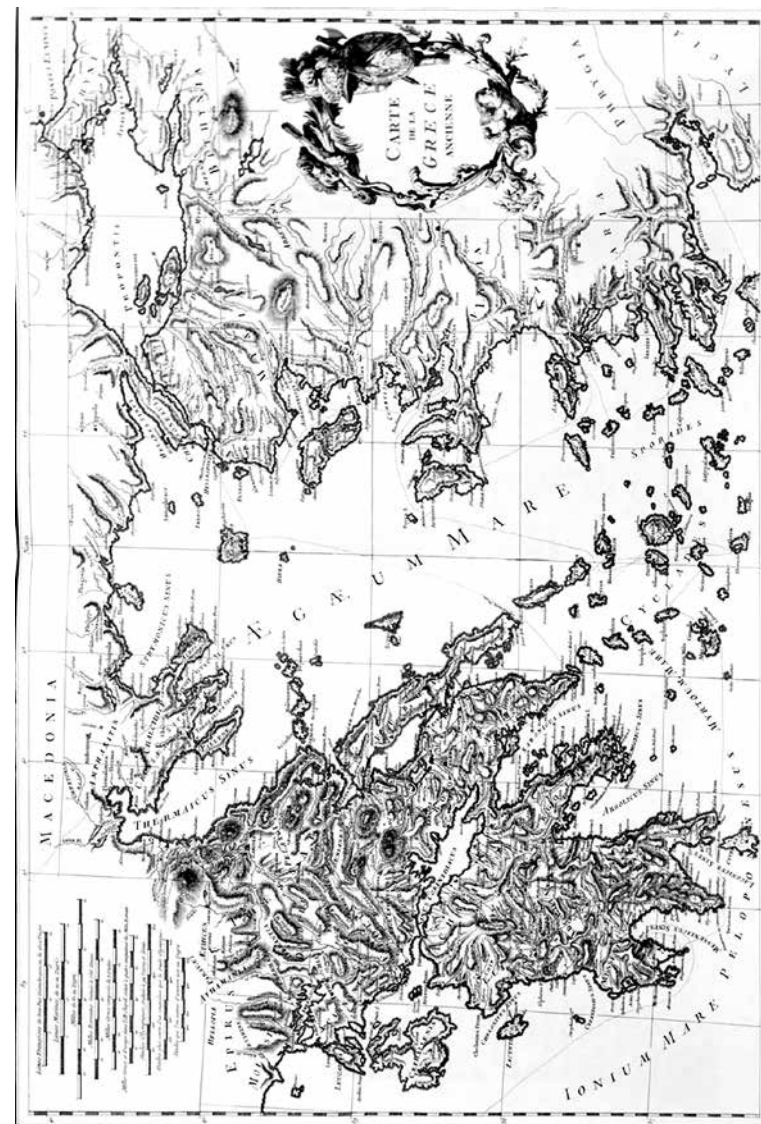
Однако важнее другое, это утверждение, будто Д. Моцениго выдал Сапунцоглу «за несколько месяцев до объявления Турцией

Таганрог

войны России, в январе 1787 года» инструкцию, в которой «разрешал Сапунцоглу останавливать в водах Архипелага турецкие военные и торговые суда, отбирать груз и даже их топить» («Российские флотилии...», с. 24). Это утверждение целиком укладывается в концепцию «агрессивной России», разжигающей войны, так как турки начали боевые действия лишь в августе 1787 года. Правда, здесь возникают сомнения в правильности датировки инструкции, подписанной Д. Моцениго. Возможно, речь идет о январе 1788 г., когда война уже шла несколько месяцев. Seriously сомневаться заставляет и утверждение Г.А. Гребенщиковой, что «находясь в Италии, в Пизе, 1 (12) января 1789 года подполковник Конрад Тонус уведомлял, что еще не нашел Христодуло Георговича Сапунцоглу» («Российские флотилии...», с. 26). Между тем, в книге «Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой» (М., 2011) указывается, что К. Тонус выезжал из Египта осенью 1787 г. и прибыл в Ливорно 15 ноября 1787 г. («Россия в Средиземноморье...», с. 734). Оттуда он ездил в Россию, а уже по возвращению в Италию, летом 1788 г. отправился в Египет. Как утверждает исследователь И.М. Смилянская, К. Тонус прибыл в Египет в августе 1788 г. и с этого момента находился там неотлучно до момента ареста и заключения в крепость, из которой уже не вышел, так как был казнен («Россия в Средиземноморье...», с. 741–744). Таким образом, он не мог быть «в Пизе, 1 (12) января 1789 года». Здесь, очевидно, что Г.А. Гребенщикова опять неправильно трактует или неверно датирует документы.

Учитывая, что документы РГАВМФ, упоминаемые в книге Р.В. Кондратенко («Ламброс Кацонис и российские каперы на Средиземном море в 1788–1792 годах». СПб, 2014. С. 84), а именно: «Опись № 10» и «Экстракт, учиненный лоцманом Егором Франковичем...», указывают, что их авторы являлись моряками, входившими в состав экипажа судна Х. Сапунцоглу и вполне определенно указывали, что плавание данного корабля началось в конце марта или начале апреля 1788 года. Поэтому сомнение в датировке инструкции Д. Моцениго, равно как и в последовательности описываемых Г.А. Гребенщиковой дальнейших событий, усиливается. Не исключено, что до того, как судно Сапунцоглу было приобретено в казну, т.е. до 22 октября 1787 г., граф Моцениго никаких инструкций греку не давал. Как указывает Р.В. Кондратенко, в архивном деле инструкция «от 25 января 1787 г.» подшита между копией контракта от 22 октября 1787 г. и письмом Д. Моцениго

Карта Греции

И.А. Заборовскому от 1/12 января 1789 г. Логично предположить, что на самом деле называемая инструкция была составлена в январе 1788 года.

Рассказывая далее о деятельности Х. Сапунцоглу, Г.А. Гребенщикова упоминает о том, что он «в Цефалонии (венецианском владении) принял на свое судно преступника – некоего Ривардопуло “с изгнанниками, которые умертвили голландцев в Аржантзере, требуемых назад венецианским правительством”. В Мессине ... “вошел в связи с турками, коих принял на корабль, и, выходя из Мессины, в противность своих наставлений выставил императорский флаг. Товаров он никому не отдал для того, чтоб их присвоить себе, и выдумал починки своего корабля, который был вычинен и совершенно приведен в самое лучшее состояние”... В дальнейшем, “Вместо того, чтобы приступить к исполнению своей комиссии, он остановился в Теаки и в противность своей комиссии атаковал грека, уроженца из Идры”» («Российские флотилии...», с. 26–27).

Однако содержание фраз из цитируемого Г.А. Гребенщикова донесения Д. Моцениго, указывающих на противозаконные действия Х. Сапунцоглу, не привлекают ее внимания, и она их не комментирует. Вместо этого Г.А. Гребенщикова переходит к рассказу о том, что «15 июня 1788 года они захватили греческое судно с шелком и хлопком. Капитан этого судна оказался знакомым Сапунцоглу, поэтому ему удалось откупиться, и Сапунцоглу его отпустил. Однако этому капитану не повезло: три дня спустя его встретил другой российский корсар – Ламбро Кацони, который захватил его и отвел в Триест как турецкого военнопленного. Обратим внимание: Кацони захватил не турка, а своего же соотечественника грека» («Российские флотилии...», с. 27).

Эти слова особо удивляют. Прежде всего, тем, что Г.А. Гребенщикова старается не замечать, что первым «своего же соотечественника грека» захватил как раз Сапунцоглу, который отпустил задержанного, да и то, лишь после выкупа и потому, что тот оказался его знакомым. Во-вторых, как свидетельствуют документы, отпущенный капитан попался «другому корсару, Осипу Ламбро, который его захватил и отвел в Триест» (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 87). Заметим, что о личности Осипа Ламбро нам ничего не известно, однако отождествлять его с «Ламбро Кацони» нет оснований. Прежде всего, потому, что в указанную Г.А. Гребенщиковой дату – 15 июня 1788 г. – Л. Кацонис со своей флотилией находился на пути к острову Каstellоризо, который

расположен близ берегов Анатолии. Там он 24 или, по другим данным, 23 июня атаковал и захватил небольшую крепость Каstell Россо. Между тем, судя по архивным документам, захват «своего же соотечественника грека» Сапунцоглу осуществил 4/15 июня. Осипу Ламбро отпущенный капитан попался «спустя три дня», т.е. 7/19 июня. Судно Сапунцоглу в тот момент находилось где-то на пути от о. Санторини к некоему пункту «Тенаке», а откуда оно направилось к Басре. То есть, суда Сапунцоглу и Ламброса Кацониса шли расходящимися курсами. Отряд Кацониса после взятия Каstellоризо не сразу направился в Триест. По пути имел столкновение с турецкими боевыми кораблями, действовал в Архипелаге, заходил на о. Закинф, где имел непродолжительную стоянку и, после 8-месячного боевого похода, в октябре, вернулся в Триест. Поэтому, названный приз ранее данного срока, как безапелляционно утверждает профессор Гребенщикова, Ламброс Кацонис в Триест не приводил, также как и не захватывал. Достаточно подробное рассмотрение данного раздела «дополнения-монографии» дает возможность показать необузданные фантазии ее автора, стремление любыми путями обвинить, очернить героя греческой нации.

Рассматривая историю поездки консула К. Тонуса в Египет, Г.А. Гребенщикова демонстрирует явное незнание всех ее обстоятельств. Так, она не уточняет, какие именно «мальтийские арматоры» предоставили консулу фрегат («Российские флотилии...», с. 29), хотя и в источниках, и в литературе достаточно упоминаний о том, что речь идет о Г. Лоренцо. К слову, фрегат мальтийца в большинстве источников и отчасти в литературе фигурирует как 50–54-пушечный, а не 44-пушечный, как пишет Г.А. Гребенщикова («Российские флотилии...», с. 29), насколько можно понять, опираясь на донесения «осведомителя в Константинополе Пьетро Александро».

Показательно, что она абсолютно не задается вопросом о достоверности, приводимых ею донесений. Причем, даже если в них приводятся иные сведения и данные, чем фигурирующие в цитируемых ею же самой архивных документах, как, например, о количестве пушек на фрегате Гульельмо Лоренцо. Главное, чтобы содержание документа отвечало ее упорному стремлению дискредитировать Ламброса Кацониса. Так, абсолютно доверяя документам, хранящимся в АВПРИ (Архиве внешней политики Российской империи), она, например, упорно пишет о 44-пушечном фрегате «La Fama» («Российские флотилии...», с. 31, 78, 145,

149), но тут же приводит и сохранившиеся в РГАВМФ сведения контр-адмирала С.С. Гибса, согласно которым этот фрегат имел 50 пушек, да еще и 12 фалконетов («Российские флотилии...», с. 116). Между тем, С.С. Гибс непосредственно общался с Г. Лоренцо и своими глазами видел его фрегат. И, несомненно, данные опытного моряка, более достоверны, чем сообщения дипломатов, пользовавшихся, в основном, чужими оценками и слухами. Но явные нестыковки, часто выявляющиеся в тексте «дополнения-монографии», видимо, автора не волнуют.

По утверждению Г.А. Гребенщиковой, после того, как египетские беи заключили Тонуса в тюрьму, его «через некоторое время... освободили, и он выехал в Италию» («Российские флотилии...», с. 30). Однако исследователи, специально занимавшиеся деятельностью данного дипломата, об освобождении консула Тонуса после ареста не пишут, подчеркивая, что он был казнен после заключения. Например, об этом можно прочитать в статье Д.В. Фрумина «Миссия барона Тонуса» («Восточный архив». 2009, № 1 (19), с. 13), в монографии «Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой» (см. о казни Тонуса на С. 744). Получается, что Г.А. Гребенщикова не брезгует вымыслом.

Далее Г.А. Гребенщикова рассматривает события 1787 г., включая «положение Османской империи» и обстановку на Балканском полуострове, причем, пишет она обо всем этом, ссылаясь только на архивные источники, словно ранее никто из историков этих вопросов не касался, что не соответствует действительности. Такое пренебрежение к трудам предшественников, постоянно демонстрируемое Г.А. Гребенщиковой, тем более странно потому, что она в «списке источников и литературы» к рассматриваемой публикации («Российские флотилии...», с. 221–222), и в соответствующем списке к книге «Черноморский флот в период правления Екатерины II» («Черноморский флот...», с. 543–549) указывает на множество работ, посвященных описываемому ею времени. В числе них, например, можно назвать труды А.Г. Брикнера («Разрыв между Россией и Турцией в 1787 году» // Журнал Министерства народного просвещения. Т. 168); А.Н. Петрова («Вторая турецкая война в царствование Екатерины II». Т. 1) и многие другие. Думается, что приводимые автором обширные списки использованной литературы, на деле ею не изученной, больше предназначены для того, чтобы произвести впечатление на поверхностного читателя, создать видимость глубины и всесторонности исследования темы.

Так, например, список литературы, якобы, использованной при написании книги «Черноморский флот в период правления Екатерины II» вызывает определенное сомнение и уже вызвал вопросы у специалистов. В нем, в числе «использованных» трудов, фигурирует «Дубровин Н.Ф. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1881» («Черноморский флот...», с. 544), а далее «Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II». Т. 1–2. СПб, 1880 («Черноморский флот...», с. 546). В действительности же в первом случае речь идет о рецензии известного военного историка, генерал-майора Н.Ф. Дубровина на двухтомник полковника А.Н. Петрова, что у Г.А. Гребенщиковой в «списке источников и литературы» никак не отражено. Разумеется, обширная, 49-страничная рецензия непременно должна приниматься в расчет исследователями, однако ее, как минимум, следовало бы указать в ином разделе «списка», соответственно и обозначив. Иначе, у неподготовленного читателя складывается превратное представление об историографии Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., а у подготовленного – серьезное подозрение, что «список» в книге Г.А. Гребенщиковой составлен без должного знакомства с упоминаемой в нем литературой.

Возвращаясь непосредственно к анализу «дополнения-монографии», нельзя не отметить того, что ее автор, справедливо отмечая, что «с точки зрения европейского морского права Г. Лоренцо поступал незаконно, беря в призы турецкие купеческие суда, не будучи в состоянии войны с Турцией» («Российские флотилии...», с. 31), тем не менее, всячески пытается оправдать своего «героя» – мальтийского пирата, Г.А. Гребенщикова заявляет, что «он исходил из того, что мальтийских, венецианских, французских и купцов других национальностей нещадно грабили – также в мирное время – подданные турецкого султана и его союзники» (?!). Такой подход доктора исторических наук выглядит особо странным на фоне ее дальнейших обвинений в пиратстве Л. Кацониса, который действовал преимущественно в военное время, по прямому указанию как контр-адмирала Н.С. Мордвинова, генерал-поручика И.А. Заборовского, так и главнокомандующего генерал-фельдмаршала, Г.А. Потемкина-Таврического и располагал каперским патентом, собственноручно подписанным светлейшим князем. И стремился, в рамках полученных указаний и документов, брать в призы торговые суда Оттоманской Порты, а также и граждан дру-

гих государств, пытавшихся доставлять туркам различные грузы, обеспечивавшие их снабжение в ходе войны с Россией.

Примечательно признание Г.А. Гребенщиковой, что «военную помощь турецкому султану для операций в Эгейском море оказывали ... архипелагские греки с островов Идро, Негропонт, Родос и других» («Российские флотилии...», с. 32), объясняя это тем, что «они шли на сотрудничество с Портой в основном из-за боязни суровых карательных мер, к которым прибегали турки в отношении христианских подданных султана, а греческий Архипелаг входил в состав Османской империи». Однако, не ясно, на каком основании автором сделан вывод о том, что те «архипелагские греки с островов Идро, Негропонт, Родос и других», которые «шли на сотрудничество с Портой», делали это «в основном из-за боязни суровых карательных мер», а не по иным причинам? Однако попыток обосновать какими-либо архивными документами данное заключение автор не предпринимает. Между тем, «боязнь суровых карательных мер» можно объяснить и действия подавляющего большинства турецкого населения, так как многие из них отнюдь не стремились воевать, но все же подчинялись властям. С другой стороны, именно грекам с острова Идро сотрудничество с турками, давало определенные льготы, приносило немалые выгоды. Известно, что идриоты занимали в это время одно из ведущих мест в судостроении и в морской торговле Оттоманской империи, всегда верно служили турецким властям, что подтверждено многими историческими фактами, множеством документов.

Удивительно, но Г.А. Гребенщикова уверенно заявляет о том, что «большинство российских историков совершенно верно убеждены в том, что в царствование Екатерины II греческой национально-освободительной борьбы и движения сопротивления против Османского господства еще не существовало» («Российские флотилии...», с. 32). Однако данное серьезное утверждение ею должным образом не обосновано. Почему Г.А. Гребенщикова пришла к выводу, что «большинство российских историков убеждены» в отсутствии национально-освободительной борьбы греков во времена Екатерины II, непонятно? В «дополнении-монографии» на этот счет ничего не сказано, нет даже простого перечня фамилий «убежденных историков», не говоря о каком-либо, хотя бы самом поверхностном изложении, тем более об анализе данной позиции в отечественной историографии. Впрочем, так как на протяжении многих месяцев после публикации книг Г.А. Гребенщиковой мно-

гие «российские историки» практически не отреагировали на ее ошибочные высказывания и фантазии, а некоторые, даже, положительно оценивали данные публикации, видимо, особо не вникая в содержание ее текстов и, думается, просто выполняя просьбу-заказ коллеги, то надо полагать, они солидаризируются с ее высказываниями. К сожалению, подобные «российские историки», на наш взгляд, обеспечивают появление в отечественной историографии псевдонаучных работ, только имитирующих монографические исследования, а на деле не соответствующих докторскому уровню.

Весьма странно в публикации звучит утверждение о том, что «местное население островов Архипелага давно ассимилировалось с турецким» («Российские флотилии...», с. 33). Хотя, возможно, подобное и имело место, но все же данная позиция автора вызывает серьезное сомнение. Ибо она, также, ничем и никак Г.А. Гребенщиковой не обоснована, да и не объясняется. При этом не указывается, в каком именно смысле употреблен в тексте термин «ассимиляция». Неясно, идет ли речь о полной этнической ассимиляции, или только о достижении определенного уровня взаимопонимания и способности ужиться с «турецким населением». Не уточняется, что автор понимает под «турецким населением», не рассматривая при этом его этническую принадлежность, не учитывая многонациональность населения Оттоманской Порты.

Рынок в Афинах. Начало XIX в.

Столь же странно звучит утверждение, будто греческое население Архипелага «занималось торговлей, ремеслами, разводило скот и не помышляло о вооруженной борьбе – их самосознание еще не дошло до понимания такой необходимости» («Российские флотилии...», с. 33). Следует заметить, что любое население, в массе своей, если оно не поставлено на грань выживания, «не доходит до понимания необходимости вооруженной борьбы», тем более, что большинство людей во все времена предпочитало бежать от опасности, а не сражаться. Указывать на статистическое большинство обывателей, примирившихся с турецким господством, утверждая, будто их поведение служит доказательством «отсутствия понимания необходимости вооруженной борьбы», на наш взгляд, с научной точки зрения недопустимо.

В этом контексте не совсем доказанным представляется утверждение, будто «в 1770 году островные греки вовсе не ждали прихода русского флота». Возможно, что в определенной степени это так и было. Хотя, к этому времени Россия уже в течение ряда лет рассылала своих эмиссаров по греческим и славянским землям. Однако достигнутые результаты этой деятельности сейчас оценить трудно. Естественно, что эмиссары не могли знать детально планов российского руководства и даты их реализации. Так, например, сам замысел Архипелагской экспедиции возник незадолго до обозначенного автором 1770 года, и о дате возможного прихода в Средиземное море русского флота знал весьма ограниченный круг людей. Вместе с тем, о степени готовности греков Архипелага принять русский флот говорит тот факт, что вскоре после его появления население около двадцати, далеко не самых мелких, островов массово изъявило желание стать российскими подданными, то есть добровольно пожелали признать над собой власть Екатерины II. Образовалась так называемая Архипелагская губерния, исправно служившая опорным пунктом русского флота всю войну.

Весьма странным для профессионального историка представляется вывод, будто то обстоятельство, что «не зафиксированы случаи участия греков в Чесменском сражении», является существенным показателем, дающим возможность определить степень участия греков в борьбе с морскими перевозками и турецкими судами. Она не учитывает, что за те неполные пять месяцев, которые прошли со времени появления первой эскадры адмирала Г.А. Спиридова у греческих берегов (в середине февраля 1770 г.) до Чесменского сражения (24 июня 1770 г.), греки не могли составить

сколько-нибудь ясное представление о боевом взаимодействии, о том, чем они реально могут помочь боевым кораблям императорского флота. Малые и сравнительно слабо вооруженные суда греков, очевидно, лишь помешали бы русским боевым кораблям в сражении с турецким флотом. Вместе с тем, отсутствие упоминания о греческих судах в журналах русских боевых, и прежде всего линейных кораблей, все же не служит доказательством того, что греков и греческих судов тогда вовсе не было при российских эскадрах. Наконец, исходя из сохранившихся документов, можно заключить, что греческие суда широко использовались командованием, как: крейсерские, разведывательные и транспортные средства. Поэтому судить об их роли следует по степени участия, прежде всего, в крейсерских и разведывательных действиях, различных перевозках, в интересах российского флота.

Странно для историка звучит напоминание Г.А. Гребенщиковой о том, что ранее, еще в ее книге «Балтийский флот в период правления Екатерины II», ею «полностью приведены подлинные приказы и ордера адмирала Г.А. Спиридова» («Российские флотилии...», с. 36). Следует заметить, что сохранившиеся до нашего времени документы все же не исчерпывающе передают «приказы и ордера», издававшиеся русским морским начальством в Архипелаге, и судить по ним обо всех распоряжениях было бы опрометчиво. К тому же, следует сказать, что в упомянутой книге эти самые сохранившиеся «приказы и ордера» опубликованы не полностью, так что судить о том, насколько верно автор передает содержание и смысл всех этих документов, читатель не в состоянии. Наконец, сами по себе «приказы и ордера» не позволяют определить реальную обстановку и обстоятельства, дающие возможность всесторонне и объективно оценить, «понять поступки адмирала за время пребывания в маневренной базе флота на острове Парос», так как понимание этого требует более широкого контекста. Поэтому, как минимум, автору следовало бы достаточно полно изучить личность адмирала, его отношения с высшим начальством и другими флагманами, военно-политическую обстановку на театре боевых действий флота. Этого автором в книге «Балтийский флот в период правления Екатерины II», в свое время, в должном объеме сделано не было, что, несомненно, сказалось на ее содержании.

Рассуждения Г.А. Гребенщиковой о том, что «авторы, которые не занимаются военной историей», будто бы, чего-то не понимают – спорно. Тем более по отношению к вопросам, выходящим

за рамки тактики и вооружения, прежде всего, – политическим. В этом легко убедиться, взяв, например, некоторые надуманные утверждения Г.А. Гребенщиковой. Так, ложным является утверждение, будто «островные греки, несмотря на воззвания, так и не присоединились к российским силам» («Российские флотилии...», с. 36). Уже один факт признания 18 островами власти российской императрицы опровергает это утверждение. Но само присоединение отнюдь не означает, и не может означать, что все население островов поднимет оружие против турок. Следовало бы указать, хотя бы приблизительно, какое число судов, снаряженных греками Архипелага, так или иначе помогало русскому флоту, но «доктор наук» до таких деталей не снисходит. Между тем, известный историк флота Ф.Ф. Веселаго («Краткая история русского флота». СПб, 1893. С. 150) сообщал о «11 поляках и шебеках», составлявших около четверти российских морских сил по состоянию на лето 1771 г. Это ли не «присоединение к российским силам»?

Удивляет в тексте странное замечание Гребенщиковой, что «всеобщего восстания не произошло» («Российские флотилии...», с. 36). Однако с трудом можно себе представить квалифицированного историка, всерьез полагающего, будто в той сложившейся обстановке следовало ожидать «всеобщего восстания». Как представляется, в данном случае автору следовало привести хотя бы пару примеров того, как при подобных обстоятельствах вспыхивали «всеобщие» или «частичные» восстания поработенных народов, чтобы можно было бы оценить «пассивность греков», однако этого в «дополнении-монографии» нет.

Далее Г.А. Гребенщикова пишет о «сотрудничестве с турками», «двойном шпионаже», «пиратстве на море», «саботаже приказов российского командования», «договорах с французскими купцами о нелегальном подвозе продовольствия противнику России, Турции» со стороны греков («Российские флотилии...», с. 36). Надо полагать, этот перечень призван показать нравственное несовершенство греков, отсутствие желания бороться с угнетателями. Однако не только историка, но и любого взрослого человека перечисленные поступки не могут шокировать. К сожалению, человек нередко слаб, и у всех народов есть как герои, так и преступники. Более того, то, что кажется Г.А. Гребенщиковой преступлением, например, «двойной шпионаж», или «договоры с французскими купцами о нелегальном подвозе продовольствия, противнику России», в действительности таковым не являлось, с точки зрения отдель-

ных греков. Ведь им приходилось содержать семью, выживать в то суровое время. Для некоторых русский флот, по сути дела, был не бесспорным избавителем, а во многом даже обузой, к тому же, грозившей в будущем репрессиями со стороны турок – ведь Россия не граничила с греческими землями и не могла обеспечить им защиты, подлинной независимости. Пренебрежение, проявляемое Г.А. Гребенщиковой к морально-боевым качествам, к повседневным интересам греков, которые следовало бы учесть при вынесении категорических суждений, для историка, на наш взгляд, недопустимо и показывает недостаточный профессиональный уровень автора.

Г.А. Гребенщикова упоминает и анализирует некие «факты, связанные с незаконным использованием греческими судовладельцами российского флага» («Российские флотилии...», с. 37). При этом приводит в пример задержание неким «российским крейсером» греческого судна, принадлежавшего «Дмитрию Мирофору», который «занимался захватом судов нейтральных стран и брал в призы товары и груз. Причем действовал, маскируясь под русский крейсер и под российским флагом». Правда, Гребенщикова тут же уточняет, что «Дмитрий Мирофор оказался уроженцем острова Специи, жители которого не приняли российского подданства и платили Турции ежегодные подати», а далее пишет, что русские моряки объяснили капитану захваченного греком французского судна, что «тот флаг, который поднимал грек – «белый с синим крестом прямым внутри» российские корабли «при флоте не имеют», и к тому же этот флаг слишком больших размеров» («Российские флотилии...», с. 37–38). Другими словами, приведенный пример никак не может характеризовать отношение всех греков к русскому флоту, к борьбе с турками, более того, он не имеет отношения и к «использованию русского флага», так как названный грек его, как выяснилось, не поднимал. Этот упрек в адрес грека надуман.

Примечательно, что, несмотря на то, что этим греком «смертного убийства никому не учинено» было, его по приказанию адмирала Спиридова «повесили на ноке рея», а «сообщники его 25 человек сечены нещадно кошками». После этого приказали их «при Адмиралтействе заклепать в шейные ожерельки и содержать в каторге вечно. Трое же малолетних биты батогами и определены на кают юнги на корабль “Трех Святителей”». Едва ли можно сомневаться, что подобные суровые меры, действительно, не создавали российскому флоту ореола «освободителей греков от турецкого ига».

Адмирал Г.А. Спиридов

Примечательно, что далее Г.А. Гребенщикова пишет о проведенном адмиралом Спиридовым «ряде вынужденных мероприятий в условиях военного времени», включая «десятичную подать с местного населения (приматов) на 22 островах, попытку сформировать вооруженные отряды самообороны греков и ряд официальных обращений к ним с призывами начать борьбу вместе с россиянами против ига агарянского» («Российские флотилии...», с. 39). Однако те меры, которые со стороны адмирала Спиридова

признаются автором вынужденными в условиях войны, подобные же, правда, значительно более мягкие, объявляются далее по тексту произволом со стороны Ламброса Качониса. Налицо двойные стандарты.

Без комментариев цитируется Г.А. Гребенщикова письмо графа А.Г. Орлова Н.И. Панину от 24 августа 1772 г. Между тем, это письмо противоречит ее утверждению, будто вынудить турок пойти на мирные переговоры «кабинет Екатерины II намеревался теперь главным образом за счет блокады Дарданелл и набегов на турецкие острова, с обстрелами и высадкой десантов, уничтожая турецкие стапелы, арсеналы и продовольственные склады» («Российские флотилии...», с. 40). В своем письме А.Г. Орлов прямо пишет, что блокада Дарданелл не дала существенных результатов, да и не могла существенно помешать подвозу продовольствия в Константинополь. Более того, по словам Орлова, «вследствие системы о свободном нейтральных судов пропуске, не предвижу я в пребывании здесь флота дальнейшей надобности», прямо указывая на большое значение нейтрального судоходства для снабжения турецкой столицы. Фактически, это означает, что, не затрагивая перевозок на судах нейтральных государств, не осуществляя досмотра и конфискации запрещенных грузов, невозможно было решить тех задач, которые были поставлены российским морским силам в Средиземном море.

Пытаясь дать краткий очерк внешнеполитической обстановки, Г.А. Гребенщикова рисует картину, которая во многом не стыкуется с известными на данный момент выводами специалистов по истории внешней политики России и данными опубликованных источников. Например, не соответствует фактам утверждение, будто в канун войны 1787–1791 гг. Россия оказалась с Англией «на грани войны из-за провозглашенной в 1780 году политики Вооруженного морского нейтралитета» («Российские флотилии...», с. 43). Вместе с тем, известный специалист по международному праву Ф.Ф. Мартенс, излагая обстоятельства переговоров о заключении коммерческого трактата между Россией и Англией, ссылается на отказ английского короля Георга III принять «правила Вооруженного нейтралитета». Он указывал на неоднократно высказывавшееся английским правительством недовольство этими правилами, однако ни о какой «границе войны» даже не упоминал. Более того, Мартенс писал, что лишь «в продолжение начатой в 1787 году новой войны России с Оттоманскою Империею враждебность Лондонского правительства обнаружилась совершенно явным образом» («Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами». Т. IX (X). СПб, 1892. С. 337). Ранее же, англичане явной враждебности не проявляли. Другими словами, согласно Ф.Ф. Мартенсу, до начала войны с Турцией у России не было повода считать себя «на грани войны» с Англией.

Наблюдения Ф.Ф. Мартенса подтверждают и письма российского министра в Лондоне, графа С.Р. Воронцова вице-канцлеру, графу А.А. Безбородко, за август 1786 – октябрь 1787 гг. В данной переписке, до начала Русско-турецкой войны, никаких следов напряженных отношений между Россией и Англией нет. Лишь в письме от 1/12 сентября 1787 г., т.е. уже после начала боевых действий, С.Р. Воронцов пишет: «...Не вижу, что Англия может выиграть, поссорясь с нами...» («Архив князя Воронцова». Т. 16. СПб, 1880. С. 209). Даже в октябре, когда Русско-турецкая война уже, вовсю, полыхала, граф Воронцов писал: «Здесь, хотя вооружаются с великим жаром, но кажется, что мир останется неразрывен...» («Архив князя Воронцова». Т. 16. С. 212).

Наконец, В.А. Бильбасов, в статье «Россия и Англия в XVIII веке» довольно убедительно показал, что, несмотря на охлаждение отношений с Россией, особенно после заключения союза с Пруссией в 1785 г., Англия лишь в конце 1790 г. стала готовиться к разрыву с Россией, хотя ряд неприязненных мер приняла еще в начале

Русско-турецкой войны («Исторические монографии». Т. 2. СПб, 1901. С. 295–296).

Таким образом, заявление Г.А. Гребенщиковой, будто еще до начала Русско-турецкой войны Россия находилась «на грани войны» с Англией не соответствует действительности. Отношения между двумя державами, хотя и не отличались теплотой, но были далеки от разрыва. Более того, как показало время, и в ходе войны с Турцией Россия не столкнулась с непосредственным вооруженным противодействием Англии. А производившуюся с конца 1790 г. подготовку британского флота С.Р. Воронцову удалось сорвать, и Англия так и не выступила против России. Таким образом, налицо, очередная фантазия доктора наук, вводящая читателя в заблуждение.

Касаясь отношений России с Францией, Г.А. Гребенщикова, ссылаясь на некий архивный документ, без уточнения его содержания и характеризующих данных, утверждает, будто Екатерина II «намеревалась заключить с Францией оборонительный союз. В лице французского короля она рассчитывала получить гаранта свободы действиям своего флота в Леванте и Архипелаге и союзника на случай войны с Англией» («Российские флотилии...», с. 43). Однако если обратиться к уже упоминавшейся работе Ф.Ф. Мартенса, становится понятным, что в то время как российские представители приняли участие в работе Версальского конгресса 1783 г., на котором произошло примирение Англии с Францией и Испанией, возникли осложнения в отношениях России и Турции из-за Крыма. Именно это, согласно мнению Мартенса, заставило Екатерину II искать «содействия Версальского двора, который все еще сохранял большое влияние при дворе турецкого султана». Вместе с тем, императрица «наотрез отказалась допустить формальное посредничество Версальского двора» («Собрание трактатов...», т. XIII. С. 194).

Как отмечает Ф.Ф. Мартенс: «Понятно, что Императрица Екатерина II совсем не разделяла точку зрения графа Вержень на русско-турецкое столкновение. Она не думала отказываться от своего права заводить свой флот на Черном море и никогда не помышляла о воцарении в Крыму нового турецкого принца... не могла не относиться подозрительно к обещанным добрым услугам Версальского двора». Однако «Франция оказала России большую услугу при заключении Константинопольской конвенции 1784 года, которою было утверждено окончательное присоединение Крыма к русским

владениям», правда, речь шла о самовольстве французского посла в Константинополе графа Сен-При, а не о политике Версаля («Собрание трактатов...» Т. XIII. С. 195). И произошедшее с весны 1785 г. «некоторое сближение» России и Франции Ф.Ф. Мартенс относит на счет французского посланника в Петербурге графа Сегюра. Именно Сегюру довелось благополучно провести переговоры о заключении первого российско-французского коммерческого трактата, подписанного 31 декабря 1786 / 11 января 1787 г. Как пишет Ф.Ф. Мартенс, Екатерина II, предоставив французам льготы при торговле в российских черноморских портах, рассчитывала «на действительную помощь Франции в случае новых политических осложнений», и расчет оказался в целом верным («Собрание трактатов...», т. XIII. С. 235).

Однако Ф.Ф. Мартенс подчеркивает, что с началом войны сколько-нибудь серьезной помощи России Франция не оказала; «как в турецком, так и в шведском вопросах Версальский двор обнаруживал и бессилие, и двуличие. Поэтому в глазах Императрицы Екатерины II Франция все более лишалась значения в делах европейской политики» («Собрание трактатов...», т. XIII. С. 236). Таким образом, сказанное Г.А. Гребенщиковой о планах Екатерины II не соответствует положениям, высказанным Ф.Ф. Мартенсом, и как минимум требует уточнений, без которых, несмотря на ссылку на некий, причем, единственный архивный документ, остается весьма голословным и сомнительным. В целом, описание Г.А. Гребенщиковой внешнеполитической обстановки в канун Русско-турецкой войны является неточным, во многом надуманным и не позволяет верно оценить положение России и понять последующие дей-

Ф.Ф. Мартенс

ствия ее правительства. Кроме того, неточное описание динамики изменения отношений с Англией не позволяет всесторонне оценить деятельность С.С. Гибса – англичанина по национальности, а это имеет существенное значение для оценки событий на Средиземном море.

Когда Г.А. Гребенщикова заводит речь о позиции Рагузской республики, она пишет, что «по отношению к России Рагуза заняла дружественную позицию» («Российские флотилии...», с. 44), но умалчивает о тех обстоятельствах, которые могли побудить последнюю занять такую позицию, т.е. об австро-русском союзе, которого не было в предыдущую Русско-турецкую войну. Между тем, реальная политика, вынужденно проводимая Рагузой, никак не позволяет говорить о ее «дружественности», что заставляет сомневаться в искренности заявлений рагузских властей и достоверности их уверений относительно строгости своего нейтралитета.

Утверждая, будто о позиции Рагузы «кабинет Екатерины II поставил в известность всех арматоров, которым от ее имени выдавали патенты на право поднимать российский флаг» (с. 44), Г.А. Гребенщикова дает ссылку на первый том «Архива Государственного Совета». Однако по указанному ею адресу ни о Рагузе, ни о каперах не говорится. К слову, публикация «Архива Государственного Совета» осуществлена с разделением текста по столбцам, а не по страницам, как можно понять из указаний Г.А. Гребенщиконой. В действительности же, на 505–510 столбцах пересказываются журналы заседаний Совета 18 ноября 1787 г., посвященного обсуждению «плана на настоящую с Турками войну», и 22 ноября, на котором обсуждалась записка Г.А. Потемкина к А.А. Безбородко о предполагаемых действиях. Таким образом, ссылка Г.А. Гребенщиконой не имеет отношения к излагаемому ею вопросу. Спрашивается, сама ли она читала «Архив Государственного Совета», или же неудачно заимствовала ссылку из работы другого автора? Это неясно, но опять очевидна ее авторская, научная небрежность.

Рассуждения Г.А. Гребенщиконой о том, что «ведущие морские державы, в отличие от России, четко разграничивали» понятия «арматор» и «корсар», не подкреплены какими-либо ссылками на литературу или архивные источники. Утверждение, будто «в Англии и Франции под корсарами понимали пиратов», расходится, например, с положениями работы Д.Н. Копелева «Раздел океана в XVI–XVIII веках: Истоки и эволюция пиратства» (СПб, 2013). Согласно Д.Н. Копелеву, во Франции для обозначения пирата ис-

пользовались слова «forban», «pillard» или «écumeur», называли их также «буканьерами» и «флибустьерами» («Раздел океана...», с. 124–144). Что касается французского же понятия «корсар» или английского «приватир», то они имеют отношение как раз к узаконенному государством захвату призов. Д.Н. Копелев отмечает: «В авантюрно-приключенческой литературе часто понятия “корсар” и “пират” не различают и называют корсарами разбойников, охотившихся в южных морях. Немало путаницы привносит тонкая грань, разделяющая термины. Так, например, знаменитые французские корсары эпохи Людовика XIV были каперами» («Раздел океана...», с. 157). Д.Н. Копелев относит к одной категории: каперов, приватиров и корсаров («Раздел океана...», с. 159). Учитывая, что работа Д.Н. Копелева уже была издана, когда Г.А. Гребенщиконой взялась писать свое «дополнение-монографию», ей бы, видимо, следовало учесть положения, высказанные профессиональным историком, специалистом по данной теме. Или, по крайней мере, как-то обосновать свои утверждения, чем она пренебрегла. В связи с этим недоумение вызывает тот обстоятельство, что фамилия Д.Н. Копелева фигурирует среди рецензентов книги Г.А. Гребенщиконой. Означает ли это, что Д.Н. Копелев пересмотрел свои взгляды, или же он попросту не читал рецензируемой книги, а поддержал коллегу «вслепую»? Неясно.

Вызывают вопросы и утверждения Г.А. Гребенщиконой, будто Екатерина II опасалась, что возможные действия каперов против нейтрального судоходства «спровоцируют военное столкновение России с другими державами» («Российские флотилии...», с. 44). Как и во многих других случаях, Г.А. Гребенщиконой не обосновывает свои утверждения позициями из соответствующих документов или работ историков, поэтому они выглядят голословными. Вспоминая и анализируя реакцию французского правительства на захваты российскими кораблями французских торговых судов, еще во время Первой Архипелагской экспедиции, она пишет, что, несмотря на то, что «Франция неоднократно предъявляла России ноты протеста против действий российских крейсеров, а французские купцы выставляли многочисленные претензии о причиненных убытках и требовали компенсаций» («Российские флотилии...», с. 45) захваты продолжались. Однако, несмотря на серьезные опасения, все же никакого «военного столкновения» с Францией не произошло.

Продолжая рассуждать о возможном ущербе от действий ка-

перов, Г.А. Гребенщикова совершает массу подтасовок. Так, она цитирует, якобы, слова Екатерина II: «В прошедшую войну турецкую, когда еще и правила сии признаны не были, самовольные поступки арматоров заплачены знатными суммами, и восставшие от того хлопоты с Версальским двором не в давнем времени приведены к окончанию» («Российские флотилии...», с. 45). Однако ее утверждение не соответствует истине. Приведенная цитата, не является словами императрицы, а взята из постановления Совета при Высочайшем Дворе в заседании 25 ноября 1787 г. (Архив Государственного Совета. Т. 1. Стлб. 512–513). Утверждение Г.А. Гребенщиковой, что «в Зимнем дворце постановили: “Для рассматривания правильности делаемых арматорами захватов и предъявляемых на них жалоб учредить особый суд”» («Российские флотилии...», с. 45), однако и в этом случае речь идет о цитате из постановления названного выше Совета (Архив Государственного Совета. Т. 1. Стлб. 513), хотя здесь текст построен так, что читатель может приписать процитированные слова лично императрице. Непонятно, зачем подобное передергивание, свойственное любителям, автору – доктору наук?

Сразу за указанными словами Г.А. Гребенщикова утверждает, будто вместе с решением об учреждении суда «в Зимнем дворце постановили» «выдачу патентов не производить до прибытия флота в Средиземное море». При этом не приводит содержания предшествующей части журнала заседания Государственного Совета, в которой упоминается депеша «находящегося в Генуе поверенного в делах Лизакевича о присланных из Херсона к английскому купцу Патриджу патентах для раздачи арматорам» (Архив Государственного Совета. Т. 1. Стлб. 512). Умолчав об этом, профессор Г.А. Гребенщикова, по сути дела, создает впечатление, будто патенты «до прибытия флота в Средиземное море» туда не доставлялись и не раздавались. Однако, по утверждениям генерал-майора (до 14 апреля 1789 г., когда он был произведен в контр-адмиралы) С.С. Гибса, «купец Патридж» выдал несколько патентов, впрочем, «оныя по раздаче возвращены ему» (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 72). Другими словами, пусть и на короткое время, но несколько патентов (точное число исследователям пока неизвестно) все же попали в руки арматоров, т.е. лиц, пожелавших вооружить судно и действовать в море, несмотря на постановления Государственного Совета. Таким образом, как и в длинном ряде других случаев, реальная ситуация, в дан-

ном случае – с патентами, отличается от той, которую описывает профессор в своей работе.

Процитировав «Правила для партикулярных корсеров», Г.А. Гребенщикова упоминает вооружение турками фрегата «для истребления мальтийского капитана Гвилгелма Лоренция» («Российские флотилии...», с. 48), называя последнего «мальтийским офицером». Однако в литературе и доступных нам документах Лоренцо фигурирует как «мальтийский пират» или «мальтийский корсар», о нем пишут как о «донате», т.е. члене Мальтийского ордена низшего разряда, которому гроссмейстер пожаловал «полкреста» (half-cross) – отличие, характерное также для сержантов. Никаких упоминаний о наличии у Лоренцо офицерского чина, до его присвоения при поступлении на русскую службу, не приводится. То обстоятельство, что Лоренцо был известен как пират, отчасти объясняет и причины его обращения к российскому правительству именно за каперским патентом. Можно предположить, что причиной такого обращения стали какие-то трения с мальтийскими властями.

Утверждение Г.А. Гребенщиковой, будто Ю.Д. Пряхин «все заслуги в борьбе с турецкими и союзными им морскими силами... отдал исключительно Л. Кацони» («Российские флотилии...», с. 48), – не отвечает истине. В действительности речь идет о том, что вклад Л. Кацониса существенно выше вклада Г. Лоренцо, на что и указывает Ю.Д. Пряхин. Неправда и утверждение Гребенщиковой, будто взгляд Ю.Д. Пряхина «не подтверждается архивными источниками». В действительности, дело обстоит диаметрально противоположным образом. Архивные документы, и прежде всего исходящие от С.С. Гибса, начальствовавшего над казенной флотилией, показывают, что данная флотилия, когда ее ненадолго вверили Г. Лоренцо, так и отдельные отряды, действовавшие под его командованием, находились в море не столь продолжительное время (всего три – четыре месяца) и добились меньших успехов, нежели флотилия Л. Кацониса.

Наконец, бросается в глаза необоснованное преувеличение заслуг «подвигов Лоренцо», которого Г.А. Гребенщикова превозносит явно в противовес Л. Кацонису, не замечая, что «подвиги» этот пират совершал до начала Русско-турецкой войны, причем, в обстановке, когда Мальта не находилась в состоянии открытой войны с Портой. То есть, если исходить из выдвигаемых Г.А. Гребенщиковой положений, то речь идет как раз о банальном пиратстве,

что она старательно замалчивает. Можно также предположить, что искать покровительства России Г. Лоренцо заставила перспектива преследования за те или иные действия самими мальтийскими властями. На эту мысль наводят позднейшие осложнения в отношении с этими властями соратника Г. Лоренцо – капера А. Франчески.

Заметим, что сам факт найма пиратов российским правительством для действий против неприятелей не представляет собой исключения – такова была практика того времени. Однако, чаще всего, такого рода наемники не оправдывали возлагавшихся на них надежд. Это, например, подтверждается опытом нахождения на русской службе П. Джонса, так и результатами деятельности Г. Лоренцо, который лучше всего проявил себя именно как пират, думавший, прежде всего, о наживе, что можно заключить даже из текстов самой Г.А. Гребенщиковой, если, разумеется, вдуматься и осмыслить излагаемые ею факты.

Рассуждает Г.А. Гребенщикова и о вооружении каперских судов австрийцами, а также об «отрядах венецианских судов и эскадре Мальтийского ордена» («Российские флотилии...», с. 49). Причем, судя по приводимым ею в обоснование своих тезисов цитатам, австрийцы вооружили всего несколько судов (в Фиуме два, в Сени два и в Триесте четыре). Однако нет уверенности, что австрийские суда предназначались для каперских действий «в водах греческого Архипелага» («Российские флотилии...», с. 48), как это бездоказательно утверждает Г.А. Гребенщикова. Они вполне могли предназначаться для плавания в пределах Адриатического моря. Во всяком случае, затронутый вопрос требует, как минимум, ссылок на имеющуюся литературу либо дополнительного исследования и, во всяком случае, не голословных заявлений, а опоры на документы.

Пол Джонс

Упоминание Г.А. Гребенщиковой «полученного в Петербурге» 20 мая 1788 г. «известия с острова Мальта», что «Алжирцы в помощь Порте приготавливают три или четыре шамбеки, и для крейсирования противу сих судов выслана орденская эскадра» («Российские флотилии...», с. 49) сопровождается ссылкой на архивный документ, причем, читателю не поясняется, что это за документ. Однако, судя по всему, речь идет о протоколе заседания Совета при Высочайшем дворе 22 мая 1788 г., где говорилось: «...Из Мальты, что Алжирцы, в помощь Порте, приготавливают три или четыре шамбеки, и что для крейсирования противу сих судов выслана орденская эскадра». Документ этот опубликован (Архив Государственного Совета. Т. 1. Стлб. 563), поэтому ссылка автора на архивный документ, а не на его публикацию, представляется необоснованной.

Рассказ о военных планах российского правительства Г.А. Гребенщикова ведет, делая упор на задачи, ставившиеся перед эскадрой адмирала С.К. Грейга, хотя существует и давно опубликована инструкция генерал-поручику И.А. Заборовскому, назначенному командующим сухопутными силами экспедиции. Тем не менее, даже то, что излагает Г.А. Гребенщикова, имеет существенное значение, тем более, что она не замечает, как подрывает собственную же концепцию «Кацониса-пирата».

Так, отмечая, что Совет признал – «арматорские патенты для Черного моря, где не могут встречены быть иные суда, кроме неприятельских, суть весьма полезны» («Российские флотилии...», с. 51). Однако Г.А. Гребенщикова либо не знает, либо скрывает от читателя, что «неприятельскими» торговыми судами на Черном море являлись, в значительной степени, греческие. Более того, известно, что с началом войны в российских портах Черного моря было задержано немало судов греков – турецких подданных, число которых вполне сопоставимо с числом греческих судов, задержанных в Средиземном море Л. Кацонисом.

На странице 51 текста Г.А. Гребенщикова отмечает, что адмиралу С.К. Грейгу «разрешалось брать с населения разумную контрибуцию, “не позволяя, однако же, делать грабежи и притеснения”» («Российские флотилии...», с. 51). Однако профессор явно не задается вопросом, что даже «разумные» контрибуции с греков – подданных Порты как раз и означают, в глазах самого этого населения, «грабеж и притеснения». Особенно в случае, когда после таких контрибуций может опять восстановиться власть Порты,

как это и произошло в действительности, после ухода российского флота, а население, как и опасались многие, обвинят еще и в помощи врагу, за что подвергнут репрессиям.

Там же Г.А. Гребенщикова в очередной раз подчеркивает, что предполагалось «тем арматорам, которым выдадут патенты, строго предписать соблюдать правила морского нейтралитета и Правила о партикулярных корсарах» («Российские флотилии...», с. 51). К сожалению, она в очередной раз забывает уточнить, что это решение принималось в Петербурге и никак не могло быть известно тем арматорам, в частности и Л. Кацонису, которые к тому времени, с начала кампании 1788 года, уже находились в Средиземном море и действовали на морских коммуникациях противника.

Разумеется, и в данном случае Г.А. Гребенщикова не отказывает себе в удовольствии сослаться на архивный документ (протокол Совета от 10 января 1788 г.) при рассказе о том, что Совет «постановил: арматорские патенты для Черного моря, “где не могут встречены быть иные суда, кроме неприятельских, суть весьма полезны”. В Средиземном же море находятся не только суда противника, но и нейтральных держав, поэтому “дальнейшее снабжение такими патентами предоставлено начальствующему над посылаемым туда флотом нашим” адмиралу Грейгу» («Российские флотилии...», с. 51). Между тем, если обратиться к публикации «Архива Государственного Совета» (Т. 1. СПб, 1869), то там, в столбце 523, без труда можно найти тот же самый протокол, с теми же словами, которые относятся к мерам, принятым главнокомандующим Г.А. Потемкиным: «...Учиненные им распоряжения, касающиеся до арматорских патентов в Черном море, где не могут встречены быть иные суда, кроме неприятельских, суть весьма приличны и полезны, в Средиземном же море дальнейшее снабжение такими патентами, купно с составленным здесь для тамошних корсеров наказом, предоставлено начальствующему над посылаемым туда флотом нашим».

То же самое относится и к дальнейшему изложению на этой странице. По-прежнему, ссылки даются на архивные документы, тогда как цитируемые Г.А. Гребенщиконой протоколы Совета при высочайшем дворе давно опубликованы. Причем, если в первой сноске она указывает, что цитируется протокол от 10 января 1788 г., то в последующих сносках такого указания нет, и читатель может подумать, что все цитаты относятся к одному документу и все указанные вопросы обсуждались в одном заседании Совета. Хотя во

второй сноске цитируется протокол заседания 31 января. Более того, Г.А. Гребенщикова пишет: «Совет напутствовал Грейга: “По выходе из Гибралтарского залива можно не останавливаться нигде в Средиземном море, но продолжать путь прямо к Сицилии, где для собрания флота может быть порт Сиракузский”» («Российские флотилии...», с. 51). Однако, автор здесь опять неточен, искажает действительность, проще говоря, путает. Она излагает не «напутствие Совета», а предварительные «рассуждения», в результате которых и было затем решено: «В даваемом главнокомандующему наставлении, изъяснить причины, побуждающие к отправлению отсюда вверяемого ему флота, и те предметы, к достижению которых должно устремлено быть все его старание, избрание же и употребление удобнейших к тому средств надлежит предоставить на его благоусмотрение» и т.д. (Архив Государственного Совета. Т. 1. Стлб. 532). Другими словами, выбор маршрута предоставлялся адмиралу С.К. Грейгу. Характерно, что Г.А. Гребенщикова далее и сама признает, что «Совет постановил предоставить главнокомандующему полную свободу действий в достижении главных стратегических целей» («Российские флотилии...», с. 51), не замечая при этом противоречий в собственном же тексте и, разумеется, вновь ссылаясь на архивный документ, а не на его публикацию.

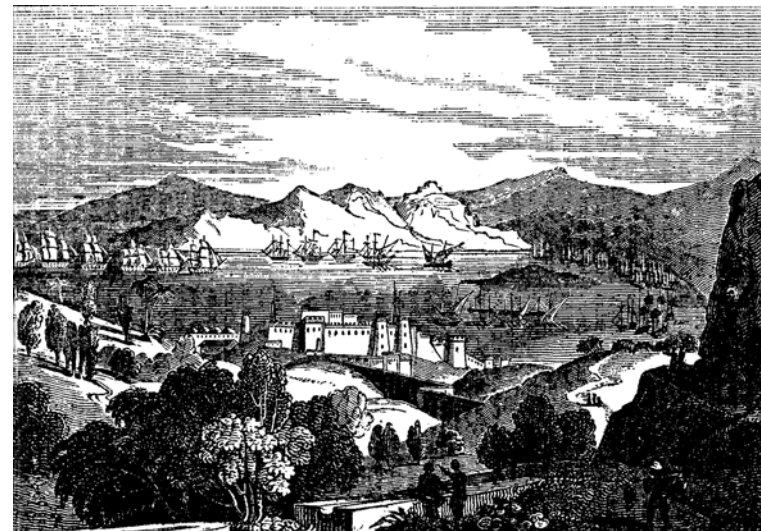
Странно выглядит утверждение Г.А. Гребенщиконой, будто «Отдельным решением» кабинет Екатерины II предписал адмиралу, чтобы военные действия он вел «не иначе, как по правилам порядочной войны, свойственной просвещенным народам» («Российские флотилии...», с. 51). Хотя, процитированные ею слова относятся к тому же протоколу заседания 31 января 1788 г., цитаты из которого она уже приводила несколькими строчками выше. Действительно, если обратиться к тексту этого протокола, то легко убедиться, что в нем указано, «чтоб военные действия производимы были не иначе, как по правилам порядочной войны, свойственной просвещенным народам» и относится эта позиция к тому же обсуждавшемуся проекту «наставления», т.е. инструкции адмиралу Грейгу, как и процитированные выше положения, а не к мифическому «отдельному решению». Нельзя не заметить, что автор и здесь, при ссылках на источники, снова отсылает читателя не к опубликованным протоколам Совета, а к архивным документам.

Рассуждая о предоставлении Советом широких полномочий С.К. Грейгу, Г.А. Гребенщикова цитирует очередной протокол: «Совет также подчеркнул, что “на содержание набираемого в Гре-

ции войска положена быть такая же сумма, как и в прошедшую войну, то есть по 25 000 червонных венецианских на месяц» («Российские флотилии...», с. 52) и опять ссылается на архивный документ. Но здесь также целесообразнее было бы опираться на опубликованный «Архив Государственного Совета», где приводится решение: «Может на содержание набираемого в Греции войска положена быть такая же сумма, как и в прошедшую войну, то есть по 25.000 червонных венецианских на месяц» (Архив Государственного Совета. Т. 1. Стлб. 530). Причем, опустив всего одно слово «может», автор предположение Совета превратила в утверждение. А если обратиться к этой публикации, то можно уточнить, что речь идет все о том же заседании Совета 31 января 1788 г., но об этом трудно догадаться из текста Г.А. Гребенщиковой. Соответственно, и следующие цитаты также можно найти в публикации протоколов Совета. Так что, никаких новых, неизвестных, документов при изложении этого важного вопроса Г.А. Гребенщикова нам не предоставила.

К этому, можно прибавить и сомнения в необходимости отсылки читателя к документам АВПРИ, когда речь заходит о составе российских и турецких сил. Тем более, что Г.А. Гребенщикова одновременно дает ссылку и на книгу А.Н. Петрова «Влияние турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства». Таким образом, казалось бы, что на нескольких подряд страницах ее книги должны были бы преобладать ссылки на уже опубликованные документы, с указанием на давно проведенную исследовательскую работу и ее результаты, но этого не делается. Ибо профессор Г.А. Гребенщикова давно и упорно стремится представить себя «первооткрывательницей», постоянно создавая видимость введения в научный оборот большого числа ранее, якобы, не известных документов.

Когда же Г.А. Гребенщикова начинает формировать у читателя мнение, будто «морейские греки проявили к российским морякам враждебность и агрессию» без каких-либо оснований («Российские флотилии...», с. 56), то целенаправленно обостряет проблему. Почему-то она забывает при этом упомянуть, что в ходе Первой Архипелагской экспедиции, после того, как российский флот свернул свои действия на Пелопоннесе, там, в ходе турецких репрессий, погибли несколько десятков тысяч греков. Такая забывчивость тем более странна, что в числе работ, якобы использованных Г.А. Гребенщиконой при написании «дополнения-монографии»,

Крепость Наварин. Западное побережье Мореи

числится и труд В.А. Уляницкого «Дарданеллы, Босфор и Черное море», где, между прочим, сказано: «В Морею по удалении русских избито было турками до 30 000 греков» («Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке». СПб, 1883. С. 129). И, понятно, что исходя из трагического опыта, население проявляло заметную настороженность и серьезные опасения за свое будущее, опасаясь повторения кровавых актов мщения со стороны турецких властей.

На пяти страницах текста Г.А. Гребенщиконой достаточно подробно расписывает случай с крушением линейного корабля «Родос», как представляется, лишь только для того, чтобы в очередной раз нарисовать образ «воров майнотов», разграбивших севший на мель корабль, и тем самым вызвать неприязнь читателя к грекам, к их морально- нравственным и боевым качествам. Исходя, из излагаемых Г.А. Гребенщиконой подходов и оценок, если уж греки столь плохи, ей, видимо, следовало бы приветствовать всякий случай реквизиции Л. Кацонисом их судов с запрещенными грузами, тогда как она ставит это в вину командующему, называя грабежом своих соотечественников.

Удивляет заявление Г.А. Гребенщиконой о том, что «прозрачность перед Европой целей в области глубокой стратегии, постав-

ленных Петербургом, свидетельствовала о политической недалекости Екатерины» («Российские флотилии...», с. 61). Заметим, что в этом случае, как и в ряде других, применяемая Г.А. Гребенщиковой надуманная терминология вызывает недоумение. Так, в частности, нуждается в расшифровке ее термин «глубокая стратегия», так как непонятно, чем она отличается, например, от «широкой стратегии» или «мелкой стратегии». Чувствуется, что автор сама не понимает смысла употребленного ею термина.

Кроме того, в проанализированном выше тексте ничего не говорится о каких-либо объявленных Европе стратегических целях России и вообще не указывается на появление каких-то серьезных последствий для империи из-за обнародования Екатериной II мифических «стратегических» планов. Насколько можно понять, Г.А. Гребенщикова подвергает критике императрицу за обращение российского правительства к правительствам европейских стран по поводу предстоящей отправки эскадры Балтийского флота в Средиземное море. Причем, сравнивает она эту меру с присоединением Крыма, якобы заранее готовившимся в глубокой тайне от Европы.

Однако в действительности присоединение Крыма заранее не готовилось, а было произведено спонтанно и вынужденно, ввиду татарского восстания, осуществленного с турецкой помощью против пророссийски настроенного хана Шагин-Гирея. Что же касается отправки эскадры, то Г.А. Гребенщиковой, затрагивавшей тему первой Архипелагской экспедиции в книге о Балтийском флоте при Екатерине II, следовало бы сравнить уровень дипломатического обеспечения той экспедиции с тем, которое проводилось в связи с предполагавшейся отсылкой эскадры в Средиземное море в 1788 г. В этом случае нелепость ее заявления стала бы очевидной – посылать десятки боевых кораблей за тысячи миль от родных берегов, не убедившись в том, что державы, контролирующие путь, и прежде всего проливы – Балтийские, Ламанш, Гибралтарский, а также акваторию Средиземного моря, не станут чинить препятствий, попросту невозможно. Поэтому дальнейшие рассуждения Г.А. Гребенщиковой о том, что уведомление держав, якобы, позволило им помешать экспедиции, бессмысленны. Более того, в случае, если бы Швеция выступила против России уже после отхода эскадры адмирала С.К. Грейга с Балтики, положение на этом театре военных действий осложнилось бы, и эскадру, скорее всего, пришлось бы возвращать обратно мимо берегов все тех же держав.

Утверждение Г.А. Гребенщиковой, будто «в тот период С.Р. Воронцов активно боролся за предотвращение войны России с Англией» («Российские флотилии...», с. 62), применительно к 1788 г., о котором уже шла речь в предшествующем тексте, совершенно не соответствует действительности. В тот период отношения между державами оставались хотя и прохладными, но достаточно равными, несмотря на попытки Англии склонить Россию к заключению мира с Портой и Швецией. Более того, как писал Ф.Ф. Мартенс, в конце 1788 г., ввиду «явных признаков умопомешательства» Георга III и предполагаемого учреждения временного регентства, Екатерина II пыталась наладить отношения с Англией, хотя и без особенного успеха. Осложнились отношения позднее, ухудшаясь на протяжении 1790 г. В начале 1791 г. они были близки к разрыву, и лишь весной 1791 г., после мартовского обращения короля к парламенту с требованием денег на усиление флота, министр в Англии граф С.Р. Воронцов стал в буквальном смысле бороться против планов отправки английской эскадры на Балтику («Собрание трактатов и конвенций...» Т. 9 (10). СПб, 1892. С. 342–349). Упоминаемые Г.А. Гребенщиковой беседы С.Р. Воронцова с «главой МИД лордом Ф. Кармартемом по вопросам поставок в Россию транспортных судов» («Российские флотилии...», с. 62), на самом деле к «борьбе за предотвращение войны» никакого отношения не имеют.

Никак не обосновывается Г.А. Гребенщиковой уверенное утверждение, будто война «на двух театрах», против Турции и Швеции, «нередко ставила державу на грань катастрофы», так же как и заявление, будто «Россия оказалась в политической изоляции, так как на союзные державы – Австрию и Данию полностью рассчитывать не могла» («Российские флотилии...», с. 62). Нелепость

С.Р. Воронцов

последнего утверждения становится очевидной, если вдуматься в смысл понятия «политическая изоляция» и вспомнить, что на протяжении всех лет войны Россия не только сохраняла союзные отношения, но почти до самого конца боевых действий на юге пользовалась содействием Австрии, а на севере – поддержкой Дании, где базировались силы Балтийского флота. Наконец, нельзя забывать о том, что без содействия Королевства обеих Сицилий стало бы крайне маловероятным существование «казенной» каперской флотилии. К этому же, можно прибавить вполне дружественное отношение Великого герцогства Тосканского, умеренное Франции и ряда других государств. Что же касается «границ катастрофы», то подобное утверждение можно признать измышлением, так как на протяжении одновременной войны с двумя противниками Россия ни разу не претерпела ни одного серьезного поражения, способного поставить ее на эту самую грань, провозглашенную Г.А. Гребенщиковой.

Во второй главе «дополнения-монографии» Г.А. Гребенщикова с первых же строк допускает ряд неточностей, хотя и не очень серьезных, но весьма симптоматичных. Прежде всего, она в ряду «важных военно-политических событий» упоминает «выдачу светлейшим князем Г.А. Потемкиным-Таврическим арматорских патентов» («Российские флотилии...», с. 63). Однако патенты, в большинстве своем, выдавались не Потемкиным, а другими лицами, более того, согласно доступным нам документам подавляющее большинство патентов даже подписано было не светлейшим князем, а контр-адмиралом Н.С. Мордвиновым. Такое искажение истины, видимо, понадобилось Г.А. Гребенщиковой для того, чтобы принизить значение патента, выданного Л. Кацонису лично генерал-фельдмаршалом Г.А. Потемкиным. Однако есть все основания считать, что этот патент имел особое значение и представлял собой исключение из правил. Примечательно, что повествуя о «выданных Потемкиным» патентах, Г.А. Гребенщикова не приводит примеров, кому еще, кроме Л. Кацониса, патент был подписан и выдан светлейшим князем. Налицо очередная фантазия автора.

Далее, ничем не подкреплено заявление о том, что Л. Кацонис «обратился к Потемкину с просьбой предоставить ему такой патент и направить в Архипелаг» («Российские флотилии...», с. 63). Ибо, согласно доступным нам документам, инициатором снаряжения капера для действий в Средиземном море был контр-адмирал Н.С. Мордвинов. Собственную же инициативу майор Л. Кацонис,

очевидно, проявил уже позднее и в другом вопросе, можно полагать, при обсуждении планов восстания греков против османского владычества. Как представляется, именно в связи с этим он и был допущен к главнокомандующему Г.А. Потемкину и получил от него особый патент, а с ним, судя по некоторым данным, и секретные инструкции.

Не соответствует истине заявление Г.А. Гребенщиковой, будто «основным условием для выдачи арматорского патента являлось наличие собственного корсарского судна» («Российские флотилии...», с. 63). Такого положения нет ни в «Правилах для партикулярных корсаров», ни в других, известных архивных документах. Заявление же Г.А. Гребенщиковой – ее очередная фантазия, которая никакими документами не подкреплена. Здравый же смысл подсказывает, что соответственно положениям «Правил», получить патент мог, прежде всего, располагавший немалыми денежными средствами купец, даже если он не был судовладельцем, затем судовладелец, разумеется, обладавший вовсе не «корсарским», а обычным торговым судном. Могли получить российский патент и каперы других стран. Но не исключалась и легализация бывших пиратов. Правда, кроме Г. Лоренцо и А. Франчески, другие примеры привлечения заведомых пиратов к действиям на Средиземном море в 1788–1791 гг., в ранге российских офицеров, исследователям не известны.

Утверждение, будто «Кацони обратился к своему начальнику Н.С. Мордвинову с просьбой предоставить денег взаймы» («Российские флотилии...», с. 63) не соответствует истине, это фантазия автора. Ибо во всех известных исследователям документах, и прежде всего исходящих от самого контр-адмирала Н.С. Мордвинова, речь идет о том, что он создал компанию для организации каперства на Средиземном море и привлек майора Л. Кацониса, а не наоборот. Разумеется, и в этом случае Г.А. Гребенщикова свое утверждение ничем не обосновывает. Примечательно, что она даже не пытается оспаривать положения работ специалистов, изучавших данный вопрос, в первую очередь, Ю.Д. Пряхина, в книге которого, опубликованной в 2011 г., помещены документы, показывающие, что именно контр-адмирал Н.С. Мордвинов был инициатором экспедиции, а не его подчиненный майор Л. Кацонис.

Упомянутое выше утверждение профессора Г.А. Гребенщиковой тем более странно, что на той же странице, несколькими строчками ниже, она сама цитирует прошение Н.С. Мордвинова на

имя императора Павла I, в котором недвусмысленно сказано: «... Вознамерившись сделать вооружение в Архипелаге, я, Адмирал Мордвинов, Генерал Майор Марков, Бригадир Бентом и Балтазар Скодовский сложили общую сумму и вручили оную... Кационни, отправили его в Триест» («Российские флотилии...», с. 63). Казалось бы, если прямому разъяснению организатора каперской экспедиции, Н.С. Мордвинова, Г.А. Гребенщикова не верит, ей следует обосновать свои сомнения какими-то документами или собственными рассуждениями, однако ничего подобного она не делает.

Не соответствует истине утверждение Г.А. Гребенщиконой, будто «с полученными от Мордвинова деньгами Кационни сухим путем выехал в Триест» («Российские флотилии...», с. 64). В действительности же, один из компаньонов Мордвинова, Б.Б. Скадовский, обратился к триестскому банкиру В. Каваллару с письмом, в котором просил выдать Кационису деньги на покупку и снаряжение судна. В результате чего майор получил от него 7142 флорина (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кационис...», с. 16–17).

Утверждение, будто слова из донесения Кациониса, что он вооружил судно «на собственный кошт» означают – «на собственный счет» («Российские флотилии...», с. 64), искажают смысл сказанного в донесении. Так как в данном случае речь идет о том, что существенную часть средств Л. Кационис привлек самостоятельно, уговорив триестских купцов и богатых греков одолжить ему значительные суммы. Учитывая, что майор в этом случае вооружал свой фрегат преимущественно на деньги, добытые им самим, а не на казенные или субсидированные компанией Н.С. Мордвинова, выражение «на собственный кошт» имеет достаточные основания.

Станным для историка представляется замечание Г.А. Гребенщиконой, что «в фонде 406 (Послужные и формулярные списки чинов Морского ведомства) послужной список Кационни с подробными сведениями о его передвижениях по службе отсутствует» («Российские флотилии...», с. 64). Ибо такого списка и не могло быть, так как Л. Кационис по своему служебному положению был офицером не морского ведомства, а иррегулярного формирования – Греческого полка, и числился по сухопутному ведомству. Поэтому рассуждения Г.А. Гребенщиконой на тему отсутствия послужного списка «в архивном делопроизводстве», видимо, призвано создать у читателя впечатление, будто Кационис – самозванец. Вместе с тем, заметим, что формулировка «в архивном делопроиз-

водстве» в буквальном смысле означает «в документах, составленных чиновниками архива», тогда как речь должна идти об «архивных материалах» или «архивных документах».

Явной ложью является утверждение Г.А. Гребенщиконой, будто «позже, в Петербурге, в ходе следственного разбирательства над ним, Кационни признался, что, будучи в Триесте, на вооружение флотилии он получал деньги как от казны, так и за счет “иждивения частных людей”» («Российские флотилии...», с. 64). Никакого «следственного разбирательства над... Кационни», как бы ни понимать это выражение, не было в природе. Не соответствует истине и утверждение, будто Кационис «признался». С одной стороны потому, что нет никаких оснований утверждать, будто его по этому поводу допрашивали – сведений о его допросах никто, включая и саму Г.А. Гребенщикову, в научный оборот не вводил, с другой потому, что нет также оснований для утверждения, будто он раньше скрывал участие греков в «вооружении флотилии». Здесь, налицо, либо грубая логическая ошибка, недопустимая для доктора исторических наук, либо сознательное стремление ввести читателей в заблуждение, так как отождествлять «вооружение первого судна», с «вооружением флотилии» неприемлемо.

Более того, Г.А. Гребенщиконой, заявляя, будто Кационис лишь после войны «сознался» в том, что греки «участвовали в вооружении флотилии», намеренно вводит читателя в заблуждение, потому что и в «Списке источников и литературы», и в тексте она неоднократно упоминает книгу Ю.Д. Пряхина (правда, искажая при этом ее название до «Ламбро Кационис. Личность, жизнь и деятельность», выбрасывая концовку – «документы архивов»), и при этом ссылается на некие «Приложения» к ней («Российские флотилии...», с. 9), этим подтверждая свое знакомство с ними. Между тем, в данных «Приложениях», точнее, в публикации документов в книге Ю.Д. Пряхина, есть и донесение Кациониса Г.А. Потемкину, от 28 февраля 1788 г. В нем, составленном накануне первого выхода грека в море, сказано: «...Я купил, вооружил и вольными людьми укомплектовал три мачтовое судно... Помогли мне находящиеся в Триесте из греков пять братьев по прозванию Вадалии» (Пряхин Ю.Д. «Ламброс Кационис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов». СПб, 2011. С. 255). Таким образом, еще до начала каперства Л. Кационис сам сообщал об участии греков, хотя и назвал не всех тех, кто субсидировал ему вооружение судна, а лишь внесших, по его мнению, важнейший вклад.

Недоумение вызывает замечание Г.А. Гребенщиковой, что «казенные деньги» Кацонису «не полагались» («Российские флотилии...», с. 64). Большинство исследователей недвусмысленно указывает, что деньги на вооружение судна Кацонису давали компания Мордвинова – предприятие частное, и триестские жители, включая греков. Об этом говорится, например, у А.Г. Сацкого («Корсары под андреевским флагом» // *Летопись Причерноморья*. 2006. № 6), С.Д. Климовского (Гангут. № 59. СПб., 2010. С. 25), Ю.Д. Пряхина («Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов». СПб, 2001. С. 30–31), Г.Л. Арша («Российская флотилия Ламбрoса Кацониса на Средиземном море, попытка освобождения Греции (1788–1792)» // В «интерьере» Балкан ... М., 2010. С. 119), Р.В. Кондратенко («Ламброс Кацонис и российские каперы на Средиземном море в 1788–1792 годах». СПб, 2014. С. 16–20). О каких-либо казенных деньгах в серьезных работах нет и речи. Равно как нигде не говорится о том, что Л. Кацонис уже после выхода в море весной 1788 г. по своему почину требовал каких-либо денег от казны.

Далее Г.А. Гребенщикова, в очередной раз изложив положения «Правил для партикулярных корсеров», замечает, что каперы имели право останавливать и осматривать суда только «в Леванте и Архипелаге ... то есть в зоне боевых действий, но не в нейтральных водах». Однако далее она цитирует выдержку из 17 пункта «Правил» «Всех торговых судов под флагом нейтральным, идущих из Леванта и Архипелага в страны Европы к весту, которые уже находятся к востовой стороне морей, российские корсеры отнюдь не должны осматривать, ни останавливать в их путешествии» («Российские флотилии...», с. 65). Заметим, что текст «Правил»

Фрегат «Минерва Северная»

процитирован Гребенщиковой неточно. Но если замена в тексте «ниже останавливать» на «ни останавливать» особого значения не имеет, говорит лишь о небрежности автора, то замена «к востовой стороне Морей» (т.е. Пелопоннеса), на «к востовой стороне мо-

рей» является фальсификацией, ибо существенно искажает смысл и требования документа. Странно, что доктор исторических наук Г.А. Гребенщикова не задумалась над тем, к весту, т.е. западу от каких «морей» каперам не следовало останавливать нейтральные суда. Между тем, «Правила» запрещали останавливать лишь те нейтральные суда, которые двигались от турецких берегов на запад и только после того, как они пересекали линию, проходившую через западную оконечность Пелопоннеса.

Вызывает удивление и предпринятая Г.А. Гребенщиковой попытка разделить указанную акваторию на «зону боевых действий» и «нейтральные воды». Прежде всего, заметим, что и в XVIII в. Оттоманская Порта отнюдь не распространяла свою юрисдикцию на все воды восточной части Средиземного моря. В те времена считалось, что территориальные воды простираются лишь «на пушечный выстрел» от побережья, принадлежащего тому или иному государству. Поэтому большая часть вод Средиземного моря, в том числе и в его восточной части, являлась нейтральными водами. Во-вторых, «зоной боевых действий» ни упомянутые нейтральные, ни территориальные воды Оттоманской империи в Средиземном море тогда не являлись, за исключением весьма непродолжительного времени боевых столкновений судов турецкого флота и его союзников с российскими каперами или австрийскими вооруженными кораблями (в Адриатике). Однако во время таких столкновений каперы не имели возможности останавливать нейтральные суда. Поэтому утверждения Г.А. Гребенщиковой по данному вопросу, в силу некомпетентности автора, представляются нелепыми.

Вызывают недоумение заявление Г.А. Гребенщиковой, о том, что Ламброс Кацонис решил «прибегнуть к некоей авантюре», встретившись в Вене с «русским посланником Д.М. Голицыным» и убедив его организовать ему прием у австрийского канцлера Кауница. Ссылаясь на донесение российского консула в Триесте С. Варуки, автор утверждает, будто «содержание донесения свидетельствует о самовольном поступке» Кацониса, так как «ни Екатерина II, ни Потемкин не поручали ему встречаться с Голицыным и тем более с Кауницей» («Российские флотилии...», с. 65). Заметим, что содержание донесения консула в Триесте не может свидетельствовать о самовольности действий Л. Кацониса. Таким свидетельством может быть только признание этих действий самовольными самим Д.М. Голицыным, его начальниками – И.А. Остерманом, А.А. Безбородко, императрицей Екатериной II

или Г.А. Потемкиным. Однако такого рода документы исследователям не известны. Строить же умозаключения по поводу полномочий Кацониса, ссылаясь только на С. Варуку – безосновательно. Казалось бы, в том случае, если действия Кацониса действительно выходили за рамки его полномочий, то после соответствующего донесения Варуки об этих действиях, должен был последовать доклад в Петербург, отсюда о них сообщили бы Г.А. Потемкину, а в результате они были бы дезавуированы или одобрены. Ни о чем подобном Г.А. Гребенщикова не пишет. Более того, цитируемый ею текст донесения Варуки не содержит даже указаний на какое-либо самовольство Кацониса. Налицо фальсификация содержания документа. Кроме того, нельзя не отметить, что заслугу приобретения судна для Л. Кацониса консул С. Варука, по сути дела, приписывает себе, причем, не упоминает о каком-либо участии греков в его приобретении («Российские флотилии...», с. 65–66). Примечательно, что последнее не вызывает столь же бурной реакции Г.А. Гребенщиконой, как в отношении Л. Кацониса.

Пытаясь представить дело так, будто «обычный майор стал выдавать себя за некую значимую фигуру» («Российские флотилии...», с. 65). Удивительно, но Г.А. Гребенщикова, кажется, не задумывается над тем, что будь Ламброс Кацонис самозванцем и лжецом, как утверждает она, майор неизбежно был бы изобличен еще в 1788 г., на следующий год не получил бы чина подполковника, а через год, не имея значительных заслуг, не стал бы полковником и кавалером ордена Св. Георгия. Однако фактов, свидетельствующих об его изобличении, она не приводит, на какие-либо документы, позволяющие говорить об этом, не ссылается. Если же следовать логике автора, то получается, что человек, о котором знали фактически все российские дипломатические представители в регионе и о действиях которого неоднократно доносили в Петербург и главнокомандующему Г.А. Потемкину, мог на протяжении нескольких лет необоснованно «выдавать себя за некую значимую фигуру», не будучи ею. На наш взгляд, это отрицает наличие какой-либо объективности в информировании должностными лицами своего руководства, вызывает сомнение в профессионализме и в должной информированности российских государственных деятелей, что явно не имеет никаких оснований и говорит лишь о слабом знании, а главное, о непонимании Г.А. Гребенщиконой исторических реалий.

Нельзя не заметить надуманности повторного обращения

Г.А. Гребенщиконой к теме о каперских патентах. Ее заявление, будто «таких патентов Потемкин выдал примерно тринадцать» («Российские флотилии...», с. 65), не подкрепляется архивными данными. Нет никаких документальных подтверждений того, что генерал-фельдмаршал Г.А.Потемкин выдал патент кому-либо, кроме Л. Кацониса. Известен лишь рапорт контр-адмирала Н.С. Мордвинова Г.А. Потемкину, от 18 февраля 1788 г., в котором сказано: «...Для вооружения корсарских судов патентов роздано мною...» и далее перечисляется шесть человек, которым в общей сложности роздано было 16 патентов, в том числе и Л. Кацонису, которому досталось три из них (МИРФ. Ч. XV. С. 89–90). Таким образом, патенты раздавались контр-адмиралом Н.С. Мордвиновым, очевидно, тем каперам, которые собирались действовать на Черном море. Видимо, подписаны эти патенты, как и те, которые были отправлены российским дипломатическим представителям в странах Средиземноморья, также адмиралом Н.С. Мордвиновым. Главнокомандующий Г.А. Потемкин, в рассмотренном выше случае, лишь получил об этом донесение подчиненного. Примечательно, что в «Списке источников и литературы» Г.А. Гребенщиконой указывается не только соответствующий том «Материалов для истории русского флота», но и упоминавшуюся выше книгу Ю.Д. Пряхина «Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов», в которой, правда, с некоторыми незначительными погрешностями (вместо «роздано мною» – «роздано мною»), перепечатан из МИРФ тот же рапорт (Пряхин Ю.Д. «Ламброс Кацонис...», с. 252).

Рассуждая далее по поводу того, что Л. Кацонис получил патент, чтобы «воевать против турок и наносить им военный и экономический урон. Никакого другого задания Кацони от князя не получал» («Российские флотилии...», с. 66), Г.А. Гребенщиконой уклоняется от истины, так как патент был выдан в подтверждение права «поднять флаг российский» и «действовать неприятельски противу Турков, нападая на оных и взимая в призы суда и товары их». Собственно, каперские патенты и выдаются как документы, удостоверяющие право их владельца захватывать неприятельские торговые суда и товары. Действия же против вражеских боевых кораблей или береговых крепостей наличия патента не требуют. Фотокопии патента Л. Кацониса неоднократно публиковались, в частности, Ю.Д. Пряхиным, С.Д. Климовским (См. иллюстрацию к его статье в сборнике «Гангут» № 59, с. 26, на которой текст

вполне разборчив). Однако на каком основании Г.А. Гребенщикова убежденно утверждает, будто «никакого другого задания» Кацонис от Потемкина не получил, неясно. Никаких документов, подтверждающих свое категоричное заявление, Г.А. Гребенщикова не приводит.

Вместе с тем, в том же абзаце, где Г.А. Гребенщикова уверенно отмечает «другое задание» Л. Кацониса, она утверждает, будто Х. Сапунцоглу «имел секретное поручение графа Д. Моцениго и российского императорского двора», на что, якобы, «имеется соответствующее документальное подтверждение». Однако никакого подтверждения поручений Сапунцоглу от «российского императорского двора», почему-то не приводит. Это явная фантазия автора. Таким подтверждением, разумеется, не может быть приведенный ею в дополнении-монографии текст «Инструкции, данной Х. Сапунцоглу от российского в Тоскане министра Моцениго» («Российские флотилии...», с. 24–25), о котором уже говорилось выше. Инструкцию Х. Сапунцоглу дал граф Д. Моцениго, а не «императорский двор», как фантазирует профессор Г.А. Гребенщикова. Расширительное же толкование понятия «поручение императорского двора» неизбежно приводит к признанию того, что и Л. Кацонис, вместе с патентом, также получил подобное «поручение», так как текст патента начинается словами «По указу Ее Величества Государыни Императрицы».

Оценивая действия майора Л. Кацониса в первую боевую кампанию 1788 г., Г.А. Гребенщикова буквально с первых же строк позволяет себе как безосновательные, надуманные заявления, так и откровенную неправду. Ничем, например, не подкреплено ее заявление о том, что «кроме рапортов Кацони и его помощника Лефтери Зигури, никто не подтверждал правдивость сообщаемой ими информации» («Российские флотилии...», с. 66). Это явная фальсификация. Прежде всего, заметим, что подтверждение сведений, содержащихся в рапортах Л. Кацониса, есть во множестве документов, исходивших, как от его подчиненных, так и от других, в том числе должностных лиц. Так, в частности, сведения о захвате кирлангичей, получивших имена «Великий князь Константин» и «Великий князь Александр», письменно подтверждены братьями К. и Н. Бицилли. Уничтожение турецкого судна под командованием «райза Зейнеля Дульциниота» близ Занте, подтверждают свидетельства не только Лефтери Зигури, но и А. Зена. Возможно об этом, или другом, уничтоженном в том же районе судне, со ссыл-

кой на полномочного министра России в Венеции А.С. Мордвинова, сообщал генерал-майор С.С. Гибс (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 41–43, 49) и т.д.

Ничем не подкреплено заявление Г.А. Гребенщиконой, будто «Впоследствии Зигури, как и многие другие члены экипажа «Минервы Северной», не захочет служить с Кацони и уйдет от него» («Российские флотилии...», с. 66). Согласно документам, грек Л. Зигури служил во флотилии вплоть до «несчастного сражения» 6–7 мая 1790 г. у острова Андрос, в котором флотилия была разбита (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 245).

Рассуждения Г.А. Гребенщиконой о том, как соотносится информация о захвате или сожжении Кацонисом неприятельского судна у Занте («Российские флотилии...», с. 66–67) воистину беспомощны. Так, датировка события 29 марта или 10 апреля, могла быть произведена приблизительно, да к тому же по разному – юлианскому или григорианскому календарям. То обстоятельство, что об этом захвате не упоминает консул на острове Занте, абсолютно ни о чем не говорит. Нет никаких доказательств того, что консулы своевременно и точно фиксировали все события, происходившие в окрестностях мест их пребывания, обязательно и объективно докладывали о них по инстанции. Вопрос о том, куда же Л. Кацонис дел фрегат, снимается ответом, который сама Г.А. Гребенщиконая и дает со слов Л. Зигури – сжег, пленных же турок казнил.

Заявление автора, будто «информация об этом эпизоде в документах отсутствует, никакими архивными источниками не подтверждается» («Российские флотилии...», с. 67) выглядит крайне странным. Спрашивается, откуда же об этом событии знает и анализирует его сама Г.А. Гребенщиконая, если не из архивных документов? Или же она считает «архивными документами» лишь те, которые может истолковать в пользу собственной версии?

Непонятно и недоумение Г.А. Гребенщиконой по поводу того, «как... допустили венецианцы», что «турецкий военный фрегат» оказался у о. Занте («Российские флотилии...», с. 67)? Здесь, видимо, автору следовало бы вспомнить, что остров расположен напротив Мореи (Пелопоннеса), принадлежавшей Оттоманской империи, а территориальные воды в те времена простирались лишь «на пушечный выстрел от берегов». Поэтому никакая «охранно-сторожевая служба» венецианцев не имела права препятствовать там плаванию турецких кораблей, тем более, что Венецианская республика не находилась в состоянии войны с Портой, о чем пишет,

а значит, и знает сама Г.А. Гребенщикова. Вместе с тем, она, также, явно не затрудняет себя размышлениями о том, какова же была у венецианцев «охранно-сторожевая служба», где она базировалась, как несла службу, а также, как долго по времени осуществлялось уничтожение Л. Кацонисом турецкого фрегата. Все ее рассуждения по этому поводу представляют собой вольное теоретизирование, фантазии, не опирающееся на какие-либо конкретные знания и объективные данные.

Между тем, для верного суждения о произошедшем следовало бы знать точно, на каком именно удалении от о. Занте начался бой и к какому месту побережья острова подошли сражавшиеся, где именно базировались венецианские военные корабли и где они находились в момент боя. Из письма Я.И. Булгакова к графу А.А. Безбородко, от 25 ноября / 6 декабря 1789 г., известно, что на о. Занте в конце 1789 г., действительно, находился венецианский адмирал А. Эмо «с линейными кораблями и двумя фрегатами» (Сб. ИРИО. Т. 47. С. 210). Однако данных о том, каковы были силы венецианского флота, базировавшиеся на о. Занте весной 1788 г., профессор Г.А. Гребенщикова не приводит. Между тем, учитывая, что к тому времени война только разгоралась, а российские каперы только начинали свои боевые действия, предполагать наличие там существенных венецианских морских сил нет веских оснований.

Трудно понять, на каком основании Г.А. Гребенщикова, будучи знакома с военно-морским делом лишь теоретически, уверенно считает, что «с одной 20-пушечной «Минервой Северной» овладеть 32-пушечным фрегатом совсем не просто» («Российские флотилии...», с. 67). На самом деле, в бою многое решалось боевой подготовкой экипажей, их умением маневрировать и стрелять. Кроме того, определяя соотношение сил следует знать не только число, но и калибр орудий, численность экипажа и множество других факторов, вплоть до того, насколько качественным и сухим был порох.

Вместе с тем, в затронутом вопросе ярко проявляется очередная небрежность автора, говорящая о ее поверхностном знакомстве с литературой по теме. Ведь, «Минерва Северная» первоначально была вооружена 26-ю пушками (Пряхин Ю.Д. «Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов». СПб, 2011. С. 135), позднее 28-пушками (Овчинников В.Д. Федор Ушаков. М., 1998. С. 157). Согласно же архивным данным, в частности, справке от апреля 1789 г., опубликованной Ю.Д. Пряхиным

(Пряхин Ю.Д. «Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность...», с. 139) корабль и вовсе являлся 32-пушечным. Примечательно, что архивное дело, из которого Ю.Д. Пряхиным была взята данная справка (РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 26. Л. 1), фигурирует и у Г.А. Гребенщиковой в «списке источников и литературы» («Российские флотилии...», с. 219). Более того, далее на страницах своей книги Г.А. Гребенщикова сама, ссылаясь на материалы РГАВМФ, приводит «Известие о судах Ламбро Кацони» («Российские флотилии...», с. 137), в котором «фрегат “Минерва”» фигурирует как 28-пушечный. Спрашивается, с какой тогда целью она при описании «овладения 32-пушечным фрегатом» занимается фальсификацией и вводит читателя в заблуждение? Видимо, стремясь любой ценой принизить боевой успех флагманского корабля Ламброста Кацониса.

Чувствуется, что автор исподволь стремился подвести читателя к мысли о том, что бой «не зафиксирован в архивных источниках, поэтому вывод следует один: такой эпизод вообще невозможен и оба донесения, Кацони и его помощника, являются вымыслом» («Российские флотилии...», с. 67). Этот надуманный вывод, надо признаться, крайне удивляет. Ибо доктор исторических наук Г.А. Гребенщикова не обосновывает своего утверждения, будто бой «не зафиксирован в архивных источниках». Между тем как такое утверждение – явная фальсификация. Бой как раз зафиксирован в нескольких «архивных источниках». Ими, прежде всего, являются упомянутые ею же донесения «Кацони и его помощника», которые имеют информационную ценность, равную такой же ценности любого другого источника. Затем, об уничтожении турецкого пирата, возможно, именно того, о котором идет речь, мы знаем со слов генерал-майора А.С. Мордвинова, переданных затем в Петербург генерал-майором С.С. Гибсом, о чем уже говорилось выше. Примечательно, что с перепиской С.С. Гибса Г.А. Гребенщикова знакома и на нее неоднократно ссылается. Не исключено, что предприняв надлежащий поиск в фондах АВПРИ, исследователи найдут и другие свидетельства реальности боя.

Однако вне зависимости от того, будут ли такие дополнительные свидетельства найдены, само по себе заявление, будто такого события не было, ибо, оно не отмечено в донесениях консула Д. Загурижского – удивляет. Ибо хорошо известно, что он неприязненно, зачастую, даже враждебно относился к Ламбросу Кацонису, который отвечал ему тем же. Это следовало бы учитывать

Г.А. Гребенщиковой, которая считает все документы, исходившие от Д. Загурижского, надежными, абсолютно достоверными источниками. Возможно потому, что он весьма негативно и тенденциозно оценивал Ламброса Кацониса, его боевую деятельность, что и отражалось постоянно в его сообщениях, донесениях и докладах своему руководству. Бездумная опора автора на содержание подобных документов, зачастую искажающих реальную действительность, подготовленных, нередко, с целью очернить неуютную личность, показать руководству свою осведомленность и активность в работе, не дает возможности исследователю быть объективным, без привлечения многих других источников, их общего анализа и сравнения, учета реальной обстановки и всех возможных обстоятельств.

Так, например, прежде чем фантазировать и бездоказательно утверждать, ссылаясь на отсутствие подтверждения от консула, Г.А. Гребенщиковой следовало бы, на наш взгляд, доказать, что консул Загурижский пунктуально и точно отмечал все события, происходившие у берегов острова Занте, и никак не мог пропустить боя «Минервы Северной» Л. Кацониса с «турецким военным судном». Учитывая же свидетельство А. Зена, писавшего о том, что Л. Кацонис послал его «с 50-ю человеками на остров Занте, на пустое оно место» (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 43), нельзя исключить, что свидетелей боя могло и не быть вовсе. Маловероятно также, чтобы кто-то из появившихся все-таки свидетелей боя – местных жителей, серьезно озабоченных этим и постаравшись бы сразу же сообщить все подробности о происшествии консулу Загурижскому.

Бой несомненно не был кратковременным. Однако начат он, судя по словам А. Зена, в море, а к о. Занте капитан «Зейнель дульциниот» направил свое судно, видимо, лишь после того, как убедился в неизбежности поражения. Заметим, что 32-пушечным фрегатом это судно названо Л. Кацонисом, который не уточнял ни типа, ни калибра пушек. А. Зен же писал о шебеке. Если оба они сообщали об одном и том же факте, то разницей в их определениях можно объяснить, прежде всего, стремлением Л. Кацониса оперировать привычными для русского начальства терминами, описывая уничтоженное трехмачтовое судно. Вместе с тем, нельзя исключить и стремление несколько приукрасить свой реальный боевой успех. Исходя при этом: из размеров, числа мачт и, особенно, серьезного вооружения неприятельского судна, которое, видимо,

состояло из значительного числа орудий и фалконетов. Учитывая же, что и «Минерва Северная» не была военным кораблем специальной постройки, но по документам обычно числилась фрегатом, определить реальное соотношение сил в бою, как это уверенно делает Г.А. Гребенщикова, без привлечения дополнительных данных практически невозможно.

Касаясь же сообщения Л. Кацониса о взятии турецкого судна, «на котором находилось 170 человек», Г.А. Гребенщикова задается вопросами «где он взял судно, в каком районе? Какая необходимость была убивать всех пленных и сжигать судно, и имел ли вообще место этот эпизод, как и предыдущий?» («Российские флотилии...», с. 67). Вообще-то говоря, такой перечень вопросов удивляет. Прежде всего, потому, что ответ на первый вопрос Г.А. Гребенщикова могла бы найти в «Материалах для истории русского флота». Ведь они указаны в «списке источников и литературы» к ее «дополнению-монографии». В томе XIII, как будто бы использованном Г.А. Гребенщиковой – о чем она пишет на С. 6 своего текста – содержится публикация письма Л. Кацониса Г.А. Потемкину от 3 мая 1788 г., в котором сказано, что судно под турецким флагом было встречено поздним вечером 30 апреля «против Морей», откуда оно бежало «к острову Занте». Однако не доходя до острова, утром 1 мая, было настигнуто «Минервой Северной» и тремя другими судами флотилии и взято (МИРФ Ч. XIII. С. 254).

Ответ же на остальные вопросы Г.А. Гребенщикова могла бы найти на страницах указанного в ее собственном «списке источников и литературы» архивного дела с перепиской контр-адмирала С.С. Гибса (РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 61 об., 63), на которое Г.А. Гребенщикова неоднократно ссылалась. Там вполне определенно сказано, что турки преданы смерти «в отмщение вероломства, от их рода происходящего», а судно уничтожено, так как «было очень ранено и не было способно к употреблению». Более того, аналогичные сведения Г.А. Гребенщикова могла найти и в письме Л. Кацониса контр-адмиралу Н.С. Мордвинову, от 31 октября 1788 г., опубликованном в первом томе «Архива графов Мордвиновых», также упомянутом в «списке источников и литературы» ее книги (Российские флотилии ... С. 220). Там уточняется, что из 170 человек к моменту захвата оставалось в живых только 80, а из 24 пушек победители сумели взять 10 (Архив графов Мордвиновых. Т. 1. С. 462–463). Спрашивается, читает ли Г.А. Гребенщикова те источники, которые указывает в своих «списках», или нет? И

Сожжение корабля

не замалчивает ли она сознательно неудобную для себя информацию, не укладывающуюся, к тому же, в ее концепцию шельмования Ламброса Кацониса, рассчитывая на неосведомленность и доверчивость читателей?

Стенания Г.А. Гребенщиковой на тему о «жестокости пиратов» («Российские флотилии...», с. 67), для историка едва ли уместно. Комментировать ее высказывания на эту тему нет особой необходимости. Ведь, Г.А. Гребенщикова, упоминая в своих публикациях первую Архипелагскую экспедицию, знает и даже цитировала «Журнал Хметевского», в котором упоминается случай жестокости, проявленной французскими моряками к грекам, имевшим «паспорты от адмирала Спиридова» (Современник. 1855. № 2. С. 140). Разумеется, о случаях особой жестокости, проявляемой турками к своим противникам, в том числе и к попавшим в плен морякам флотилии Л. Кацониса, Г.А. Гребенщикова не пишет. Излишне говорить, что о наличии возникшей еще в детские годы у Л. Кацониса, да и у его подчиненных, ненависти к угнетателям-туркам, пролившим немало греческой крови, Г.А. Гребенщикова почему-то не принимает в расчет.

Отрицая документы, свидетельствующие о взятии Кацонисом «32-пушечного турецкого фрегата», Г.А. Гребенщикова заявляет, что его «захватил Гвильермо Лоренцо и отвел на Мальту», причем, сделал это «не у Занте», а «в Архипелаге» («Российские флотилии...», с. 68). Однако никаких указаний на то, где именно «в Архипелаге», на пути «из Алжира», и когда именно Г. Лоренцо захватил упомянутый фрегат Г.А. Гребенщикова не делает. Заметим, что ранее в тексте («Российские флотилии...», с. 31–32) она упоминала о захвате Г. Лоренцо турецкого фрегата в 1783 г. Что же касается 1788 г., то об этом периоде она написала обтекаемо. Упомянула лишь «ряд успешных нападений на турецкие военные и торговые суда», что характерно, без указания точных дат и районов захвата, хотя, ссылаясь на документы АВПРИ, она могла бы и уточнить детали, если они вообще указаны в документах данного архива.

Фантазии Г.А. Гребенщиковой насчет того, что турецкие и

дульциниотские суда захватывал Г. Лоренцо, а Л. Кацонис лишь присваивал себе заслугу этих захватов, как и большинство других ее подобных заявлений, лишь декларируются, но никак не обосновываются. Более того, когда Г.А. Гребенщикова намекает на то, что Л. Кацонис выдает за свой успех захват Г. Лоренцо турецкого фрегата, шедшего из Алжира, «в Архипелаге», то ни одним из напрашивающихся в таком случае вопросов не задается. Между тем, если в точности датировки события Кацонисом, который написал о взятии судна «Зейнеля дульциниота» 9/20 апреля 1791 г. в аттестате А. Зена, а затем повторил дату в своей записке от 6 июня 1797 г., можно еще усомниться, то трудно поверить, чтобы Л. Кацонис, спустя многие годы, выдавал чужой захват, датированный 1788 г. и давно всем известный, за свой собственный.

Намеки Г.А. Гребенщиковой на то, что Л. Кацонис узнавал о чужих захватах ранее генерала И.А. Заборовского и, пользуясь этим, выдавая их за свои боевые успехи, надуманны и абсолютно бездоказательны. Если же рассматривать уничтожение второго турецкого судна, о котором Кацонис доносил 3 мая 1788 г., то возникает вопрос, каким же образом он мог выдавать за свой успех захват кораблем Г. Лоренцо турецкого судна на пути из Алжира в Турцию, происшедший в восточной части Архипелага, за захват его же между Мореей и Занте? К тому же, требуется сопоставление датировок события, чего Г.А. Гребенщикова в рассматриваемой книге усиленно избегает. А в своей статье в журнале «Вопросы истории» она утверждала, будто речь идет о захвате 10 апреля (Гребенщикова Г.А. «Военно-политические события в Эгейском море и в Адриатике в 1788–1792 гг.» // Вопросы истории. 2013. № 11. С. 117). Если это так, то на роль «присвоенного» напрашивается бой 10 апреля с фрегатом «Зейнеля дульциниота», но каким образом Кацонис собирался воспользоваться тем, что до него «информация доходила раньше, чем до генерала И.А. Заборовского», написав об этом бое в 1794 г.? При других датировках мы вынуждены обращаться к документам 1791 г., которые также не вписываются в концепцию «опережения». Наконец, даже самое раннее донесение Л. Кацониса Г.А. Потемкину от 3 мая 1788 г., в котором упоминается бой с турецким судном «против Морей» 30 апреля, ни по датировке события, ни по его месту не годится на роль «присваивающего чужие победы». Возникает сомнение в том, достаточно ли ясно представляет Г.А. Гребенщикова те события, о которых пытается писать?

Цитируя донесение консула в Триесте С. Варуки, от 25 апреля 1788 г., в котором говорится «о причиненных наглостях тремя российскими корсарами» («Российские флотилии...», с. 68), автор далее упоминает только о «пиратстве» майора Кацониса, а об остальных двух умалчивает, что явно искажает картину событий, хотя дает возможность еще раз заострить внимание читателей на «преступной» деятельности столь ненавистного Г.А. Гребенщикова российского офицера.

Нельзя не заметить, что упоминая ранее о «Правилах для партикулярных корсеров», она, в данном случае, цитирует в уже названном ею донесении С. Варуки те строки, в которых говорится о прибытии «на днях», т.е. незадолго до 25 апреля 1788 г., в Триест А.К. Псаро, доставившего эти «Правила» («Российские флотилии...», с. 68). Данная цитата лишняя раз подтверждает, что Л. Кацонис, вышедший в море в 28 февраля или 3 марта 1788 г., не мог знать этих Правил и руководствоваться ими, в чем его и других каперов необоснованно обвиняет автор «дополнения-монографии».

Утверждение Г.А. Гребенщиковой о том, что «с марта 1788 года в нейтральных водах Адриатики и Ионического моря Кацони и другие греческие арматоры начали совершать незаконные действия» («Российские флотилии...», с. 68) – несостоятельно. Хотя формально действия каперов в море не соответствовали положениям присланных С. Варуке «Правил», но имели место в то время, когда каперы еще не знали даже о существовании данного документа, поэтому не могут быть обвинены в их сознательном нарушении. Более того, на момент этих событий еще не было подтверждено и признание Россией нейтралитета Рагузской республики, так как соответствующий документ, должен был доставить И.А. Заборовский, еще не выехавший тогда из Петербурга.

Западное побережье Мореи

Рассуждения Г.А. Гребенщиковой о нейтралитете Республики Рагуза, и о нарушении прав ее подданных каперами заведомо искажают картину событий. Прежде всего, следует заметить, что ссылки на заявления рагузского Сената о том, что республика не оказывает Порте военной помощи, на деле не исчерпывают вопроса об оказании помощи вообще. Ведь помощью в войне, причем, весьма существенной, могут быть перевозки продовольствия, войск и военного снаряжения. Известно, что сенат Рагузы реально не контролировал все перевозки, осуществляемые судами ее подданных из одного иностранного порта в другой. В силу того, что значительная часть рагузских судов осуществляла именно такие перевозки, вывод о том, какую именно помощь оказали рагузинцы Оттоманской империи в войне 1787–1791 гг. можно сделать лишь после тщательного специального исследования, которого Г.А. Гребенщикова сама не проводила и на исследователей, изучавших подобные вопросы, не ссылалась.

Напоминание Г.А. Гребенщиковой о том, что «в конвенции», заключенной в 1775 г. графом А.Г. Орловым с рагузскими властями, «содержалось торжественное обещание», что «впредь Рагузский флаг ни под каким видом обижен не будет», можно полагать, призвано создать у читателя видимость, будто речь идет об обязательстве российской стороны никогда и нигде впредь не захватывать рагузских судов. Однако если обратиться к опубликованному в литературе тексту подписанной 20 июня 1775 г. Конвенции, состоявшей из трех пунктов, то можно увидеть, что приведенных Г.А. Гребенщиковой слов в ней нет. Конвенция устанавливала следующие положения: «1. Чтобы отныне впредь во всякую войну, какая могла бы возникнуть между Всероссийскою Монархией и какою бы то ни было другою Державою, Рагузская Республика соблюдала всегда и во всякое время самое строгое невмешательство. 2. Чтобы Российско-Императорский Консул в Рагузе и ее области пользовался всеми правами... 3. Чтобы вышепомянутому Императорскому Консулу было дозволено иметь капеллу в собственном его доме...» (Макушев В.В. «Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузской Республикой». СПб, 1865. С. 37–38). Отсюда можно сделать вывод, что утверждение Г.А. Гребенщиковой, будто цитируемые ею слова взяты из положений Конвенции – фальсификация, преследующая цель «обосновать» свои голословные утверждения.

Столь же надуманно утверждение Г.А. Гребенщиковой, будто

«перед отправлением в Архипелаг, российским арматорам разъяснили дружественную позицию Рагузы, и консулы в Триесте С. Варука и в Венеции А.С. Мордвинов предупредили Кацони и других корсаров: “Остерегаться впредь таким образом поступать”» («Российские флотилии...», с. 69). Это высказывание Г.А. Гребенщиковой содержит ряд искажений. Прежде всего, удивляет то, что она называет А.С. Мордвинова «консулом в Венеции», тогда как всего несколькими страницами ранее она совершенно правильно указала, что он являлся «полномочным министром в Венеции» («Российские флотилии...», с. 60). Опять небрежность!

Не менее странным выглядит утверждение, будто министр Мордвинов и консул Варука о чем-то «предупредили Кацони и других корсаров» перед их «отправлением в Архипелаг». Такие заявления, противоречащие выводам других авторов, обязательно следует подкреплять цитатами из соответствующих документов, между тем, Г.А. Гребенщикова в тексте «дополнения-монографии» таких данных не дает. Приводимые ею слова: «Остерегаться впредь таким образом поступать», явно относятся ко времени уже после некоего неприятного события, от повторения которого кто-то из упомянутых дипломатов предостерегал кого-то из каперов. Заметим, что выше Г.А. Гребенщикова ссылается на то же архивное дело из фондов АВПРИ, цитируя при этом донесение консула Варуки в Коллегию иностранных дел, от 25 апреля 1788 г., в котором упоминаются некие «наглости трех российских корсаров» («Российские флотилии...», с. 68). Так как слова о необходимости «остерегаться», судя по ссылке, взяты с оборота последнего листа упомянутого донесения Варуки, они могут относиться, лишь, к тому периоду времени, когда каперы уже действовали на коммуникациях, а не ко времени предшествовавшему их выходу в море.

Другими словами, судя по всему, вопреки утверждению Г.А. Гребенщиковой, никто каперов, вышедших в море в марте 1788 г., о необходимости воздерживаться от осмотра рагузских судов не предупреждал. Надо сказать, что такое предупреждение было бы странным. Учитывая, что даже в инструкции генералу И.А. Заборовскому говорилось, что по прибытии в Триест он должен был отправить в Рагузу курьера с письмом, в котором власти республики уведомлялись, что «ежели она останется к нам доброжелательна, не нанося в делах наших ни малаго препятствия, то и может надеяться на уважение к ея флагу и охранение ея торговли; инакоже почтем ее за подданную Порты, следовательно за непри-

ятеля нашего» (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 30). Между тем, инструкция эта была подписана в Петербурге лишь 7 марта 1788 г., то есть, уже после выхода Л. Кацониса из Триеста в море, в боевой поход.

Учитывая, что живописуя различные «дерзости» Кацониса, Г.А. Гребенщикова ссылается на одно и то же дело АВПРИ, причем, на сравнительно небольшой диапазон листов (АВПРИ. Ф. 32. Оп. 32/6. Д. 1291. Это, листы от 75 об. до 90 об.), часть которых относится к упомянутому выше донесению консула Варуки от 25 апреля 1788 г., цитируемому Г.А. Гребенщиковой отрывочно. Поэтому можно предположить, что и все остальные цитаты взяты из донесений того же дипломатического представителя. Причем, надо полагать, близких по датировке к 25 апреля 1788 года. Если такое предположение верно, то все заявления о том, будто дипломаты заранее предупредили Л. Кацониса, а также все вырванные из контекста фразы о том, что Кацонис когда-то и где-то заявлял, будто считает, что «ему позволено беспокоивать рагузейский флаг», не имеют должного основания. Во всяком случае, требуется либо полноценная публикация донесений консула Варуки, либо более глубокое и добросовестное исследование затронутого Г.А. Гребенщиковой вопроса по материалам АВПРИ.

Необоснованность и надуманность построений Г.А. Гребенщиковой видна и по дальнейшим ее отсылкам к донесению полномочного министра России в Неаполе П.М. Скавронского вице-канцлеру И.А. Остерману, в котором, якобы, подтверждается «правдивость информации консула» («Российские флотилии...», с. 69). Примечательно, что Г.А. Гребенщикова не уточняет, правдивость какой именно информации подтверждает Н.П. Скавронский: о реквизиции Ламбросом Кацонисом денег на рагузском судне или о заблаговременном предупреждении капера консулом Варука? Опять же, характерно, что Г.А. Гребенщикова не уточняет датировки данного донесения Н.П. Скавронского. Однако учитывая, что в нем речь идет о том самом осмотре рагузского судна, произошедшем «21 марта у острова Курцоло», можно предположить, что Н.П. Скавронский подтверждал только этот осмотр и реквизицию денег, чего никогда и не скрывал сам майор Л. Кацонис.

Удивление вызывает утверждение Г.А. Гребенщиковой, будто «Сенат республики запрашивал Петербург: Россия гарантировала Рагузе безопасность от своих корсаров, так почему же эта договоренность не соблюдается» («Российские флотилии...», с. 69). Но

Карта восточной части Адриатики

так как, фактически, Россия к этому времени, еще ничего Рагузской республике не гарантировала, да судя по инструкции генералу Заборовскому, и не собиралась ничего гарантировать, обуславливая свое отношение к Рагузе ее поведением в войне, поэтому дальнейшее рассуждения автора о «дипломатическом скандале, совершенно не нужном России» представляются весьма странными. Весьма слабая, по своим военным силам, экономике и политическому влиянию в Европе, Рагуза не представляла опасности для России, серьезно зависела от Турции и Австрии. Причем, первая была в то время неприятелем, а вторая союзником России, не проявлявшим особой заботы о благополучии Рагузы, создававшей, к тому же, торговую конкуренцию австрийскому Триесту. О каком же «не нужном России» «дипломатическом скандале» могла идти

речь? Спрашивается, представляет ли Г.А. Гребенщикова политическое положение и роль Рагузы и России в Европе в то время, или же нет?

Рассказ о «грабежах другого российского арматора, Марина Франгопуло» («Российские флотилии...», с. 69), как можно понять, вставлен в «дополнение-монографию» специально и только для того, чтобы лишний раз показать «пиратские наклонности» российских арматоров, греков по происхождению. Разумеется, что и в этом случае Г.А. Гребенщикова ограничивается выборочным цитированием лишь тех мест донесения консула Варуки, в которых говорится о «самопроизвольстве корсера», но не указывает, чьими же подданными были «греческие купцы, постоянно проживавшие в Триесте»: австрийскими, венецианскими, турецкими или иных стран; где и при каких обстоятельствах их суда были остановлены Марином Франгопуло, что именно он у них отнял, какой нанес ущерб и т.д. Таким образом, абсолютно никакого представления о происшедшем из авторского текста получить не удастся. Однако, и это главное, у читателя может сложиться впечатление, будто российские каперы-греки занимались исключительно пиратством. При этом внимательный и думающий читатель неизбежно должен задаться вопросом – с какой целью такой упор сделан на Л. Кацонисе, тогда как остальные «преступники» едва затронуты?

Чувствуется, что с особым энтузиазмом профессор Г.А. Гребенщикова в «дополнении-монографии» раз за разом повторяет известную историю о реквизиции Кацонисом денег у «рагузского корабельщика Якова Франциска». Причем, она сразу же заявляет, будто Екатерина II была «особенно шокирована» «подробностями захвата» судна этого шкипера («Российские флотилии...», с. 71). Правда, на основании каких свидетельств ею сделан этот вывод, конечно же, автор не указывает. Между тем, каких-либо документальных подтверждений «шокирования» императрицы до сих пор у историков нет. Излагая жалобу рагузца, Г.А. Гребенщикова не делает даже попытки усомниться в достоверности всех описанных «Яковом Франциском» обстоятельств захвата. Между тем, не только историку, но любому взрослому человеку известно, что пострадавшая в конфликте сторона излагает обстоятельства в свою пользу. Судя же по опубликованным документам, и прежде всего, по донесениям и письмам генерал-майора В.С. Томара, зачастую имело место не только преувеличение реального ущерба, но даже явный домysel. Во всяком случае, по опыту того времени, там, где

речь шла о различного рода жалобах, опираться на свидетельства только одной, причем, пострадавшей стороны, это значит заведомо уклоняться от истины, от достоверного описания события и понесенного ущерба. Между тем, доктор исторических наук Г.А. Гребенщикова без тени сомнения судит о действиях российских каперов-греков во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., опираясь только на жалобы и заявления турецких, рагузских и иных иностранных подданных, считая их абсолютно достоверными. На наш взгляд, это выглядит весьма странно даже для дипломированного историка без докторской степени.

Странно также и стремление Г.А. Гребенщиконой подвести действия Л. Кацониса под статьи Морского устава, обвинить в его нарушении («Российские флотилии...», с. 71), хотя Морской устав не содержит положений о каперстве, а майор Л. Кацонис не числился в штате морского ведомства. В боевой кампании 1788 г., о которой идет речь, вплоть до начала осени, он действовал как капер вполне самостоятельно, не находясь в подчинении у какого-либо начальника и не знал еще ничего о «Правилах для партикулярных корсеров». К чему же тогда цитирование Морского устава? Возможно, Г.А. Гребенщикова полагала, что этим она докажет «преступность» действий Л. Кацониса, их несоответствие «интересам своего Государя и Государства». Однако такое несоответствие явно надуманно и существует лишь в воображении автора «дополнения-монографии». Жаль, что этого воображения не хватает, чтобы представить себе, из каких соображений мог исходить Л. Кацонис, как он видел «интересы своего Государя и Государства» и одними ли только интересами России руководствовался? Будучи греком по происхождению, являясь патриотом своего угнетенного народа, он был убежденным участником вооруженной борьбы против владычества Оттоманской Порты над Грецией. А также, являясь человеком, потерявшим в этой борьбе родного брата и боевых товарищей, он, конечно, имел еще и свои собственные намерения, кстати, вовсе не расходившиеся с объективными интересами России, – желание бороться за независимость своего угнетенного народа, освобождение своей Родины-Греции от османского ига, стремление отомстить оккупантам.

Неправомерно обвинив Л. Кацониса в нарушении российских морских уставных положений, никакого отношения к нему не имевших, Г.А. Гребенщикова приводит «для сравнения» случай с убийством греков – российских подданных на территории Ос-

манской империи, на о. Хио в 1783 г. («Российские флотилии...», с. 72). Она цитирует «постановление турецкого министерства», в котором сказано, что рядовые турки, «дерзнувшие взойти на Российское судно и коснуться флага», приговариваются к смерти, «начальники схиотские» «попустившие сию наглость», будут сосланы, а шкипер и купцы получают компенсацию убытков («Российские флотилии...», с. 73). Видимо, такое сравнение могло, по мнению автора, показать превосходство турок, строго «соблюдавших законы», над каперами-греками, по ее мнению, совершенно не соблюдавшими таковые. Однако Г.А. Гребенщикова не приводит никаких свидетельств того, что цитируемое ею постановление было исполнено, и кто-то из турок действительно пострадал. Но главное – сравнивать убийство греков – российских подданных в мирное время с реквизицией средств каперами у подданных врага или у купцов нейтральных держав, но торговавших с неприятелем запрещенными товарами в военное время, недопустимо. С трудом можно представить, что доктор исторических наук не отдаст себе отчета в несопоставимости обстановки и законов мирного и военного времени.

Весьма увлеченно рассказывает Г.А. Гребенщикова и о «следующем незаконном действии» Кацониса, который, якобы, захватил «в венецианских водах» 28 апреля 1788 г. «малое судно-тартану» «Ватопедийская и Кастрийская Богоматерь» под управлением «шкипера Нестора Специотца» («Российские флотилии...», с. 73). Она даже цитирует выписку из протокола, составленного в «венецианского консула канцелярии» на о. Зеа 19 мая 1788 г., на основании заявления владельца судна, неаполитанского консула на этом же острове Г. Пангалиса. В протоколе говорится о том, что Л. Кацонис «захватил в Церигских водах новопостроенную тартану мою, именуемую Ла Мадонна ди Ваттопеди и Кастри» («Российские флотилии...», с. 73).

На нескольких страницах Г.А. Гребенщикова рассуждает о том, что Л. Кацонис «отобрал» судно, что он не исполнил приказа генерала И.А. Заборовского вернуть владельцу тартану и 4000 пиастров и т.д. Однако приводя аргументы в пользу своих рассуждений, Гребенщикова ссылается, в числе прочих источников, и на дело из фондов РГАВМФ (Ф. 150. Оп. 1. Д. 85), составленное по жалобе Пангалиса. Однако утаивает от читателя то обстоятельство, что тот же архивный фонд содержит также и дело по прошению «Капитана Нестора Камбури» (Ф. 150. Оп. 1. Д. 14),

в котором сохранился весьма показательный документ – «нижайшее объяснение» этого капитана, который и был тем самым «шкипером Нестором Специотцем», о котором писала Гребенщикова. Этот моряк-грек уже по окончании войны, 15 мая 1794 г., пояснял «Комиссии для свидетельства счетов...», что «отправился апреля 25-го минувшего 788-го года в Италию, в город Триест. Но в пути том близ венецианского острова Занте повстречался с флотилиею помянутого г-на Качони 28-го числа того же месяца, в полночь, чрез сигнал остановлен и призван оным г-м, который лично просил меня принять службу, на что согласясь, как и по прежнему его письму, со всею моею усердностью» (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 44). В том же деле сохранилось и письмо Кацониса, от 16 апреля 1788 г., которым майор призывал «братьев и христиан острова Специя» присоединиться к нему.

Таким образом, сам шкипер «захваченного» судна «со всею усердностью» примкнул к Л. Кацонису, поэтому говорить о насилии со стороны майора не приходится. Спрашивается, случайно ли Г.А. Гребенщикова, обильно цитируя документы из множества дел указанного 150-го фонда РГАВМФ, выбирает только те, в которых содержится негативная информация и утаивает другие, опровергающие ее построения? С трудом верится, что опубликовав в 2012 г. книгу «Черноморский флот в период правления Екатерины II», в которой документы того же 150-го фонда РГАВМФ ею уже активно использовались, Г.А. Гребенщикова, продолжавшая эксплуатировать тему каперства Л. Кацониса и даже опубликовавшая статью в журнале «Вопросы истории» (2013. № 11), за прошедшие годы, почему-то так и не сумела разобраться в событиях, связанных с действиями Нестора Камбури.

Возможно, что именно об этом «шкипере Несторе», якобы, доставившем в Неаполь донесения «неаполитанского дипломата», как Г.А. Гребенщикова именуется вице-консула Пангалиса, идет речь. Видимо он и передал бумаги Г. Пангалиса генерал-майору С.С. Гибсу. Следует заметить, что вице-консул Пангалис был оттоманским подданным и жителем о. Зеа, что было обычной практикой при учреждении вице-консульств на островах. Заметим, что упоминая С.С. Гибса, Г.А. Гребенщикова измышляет невиданный чин – «контр-адмирал генерал-майорского ранга» («Российские флотилии...», с. 75), тогда как этот англичанин на русской службе вначале был «капитаном генерал-майорского ранга», а 14 апреля 1789 г. произведен в чин контр-адмирала. Из текста неясно, дей-

ствительно ли Камбури и был тем самым шкипером Нестором, которого Л. Кацонис приказал выпороть «на пушке» за доставленные ему приказания С.С. Гибса вернуть судно вице-консулу Пангалису, и почему в деле, заведенном по его прошениям, сам Нестор Камбури ничего о подобных событиях не упоминает, хотя в мае 1794 г., когда он, как и другие греки, обратился с прошением о выплатах, Л. Кацониса в России еще не было – он продолжал скрываться от турок на Балканах?

Жалобы вице-консула Г. Пангалиса на разорение его скотного двора, «виноградного огорода, садов и торговых магазинов» подчиненными Кацониса, во время пребывания флотилии на Зеа («Российские флотилии...», с. 75), которые Г.А. Гребенщикова излагает по соответствующему делу РГАВМФ (Ф. 150. Д. 85), были объяснены и отклонены самим Л. Кацонисом. Причем, в том же архивном деле (Д. 85. Л. 56 об) сохранилось соответствующее объяснение Кацониса, в котором сказано: «...По праву войны снабжались суда флотилии, мне вверенной, в острове сем, яко неприятельской земле, от родственников его, Пангала, турецких подданных, несших равную тягость с прочими того острова жителями...» (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 194). Однако Г.А. Гребенщикова этот документ замалчивает, что искажает картину произошедшего.

Примечательно, что на той же странице Г.А. Гребенщикова цитирует, привычно воздерживаясь от датировки, «приказание» генерал-майора С.С. Гибса Л. Кацонису «возвратить Антону Риге, Анагностию Пандела, Николаю Манаги и Михайле Нестору их суда несправедливо вами взятые в добычу. Они как хозяева своих судов должны сами ими управлять по преданности, каковую они имеют к службе Ея Императорского Величества нашей монархини, долженствуя следовать за вашею флотилиею» («Российские флотилии...», с. 75). При этом Г.А. Гребенщикова утверждает, будто «Кацони взял суда у тех идриотов, которые оказывали помощь России». Однако никакого примечания к последним словам приказа, согласно которым «хозяева судов» должны были «следовать за флотилиею» Кацониса, Г.А. Гребенщикова не делает. Между тем, именно эти слова нуждаются в пояснении, так как речь шла о судах, взятых Л. Кацонисом во флотилию, шкипера-владельцы которых по тем или иным причинам были отстранены им от командования. Генерал С.С. Гибс требовал от Л. Кацониса вернуть суда под командование этих самых шкиперов-владельцев, не исключая их из состава флотилии.

Заметим, что шкипер судна вице-консула Пангалиса, Н. Камбури, хоть и вступил в службу добровольно, но вскоре, по приказу Л. Кацониса, должен был уступить командование своим судном другому моряку. Уже по окончании войны, 14 октября 1793 г., контр-адмирал С.С. Гибс утверждал, имея в виду Н. Камбури, что дал Кацонису ордер, чтобы «судно отдать Нестеру, ибо он мне обещался под командою остаться у Ламбра, дабы не уменьшить его силу» (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 44). Впрочем, текста самого этого ордера в бумагах РГАВМФ пока не найдено.

На страницах «дополнения-монографии» Г.А. Гребенщикова цитирует пояснение Л. Кацониса на запрос «Комиссии для свидетельства счетов» относительно жалоб Пангалиса, привычно не датируя его. Цитата сопровождается комментарием, будто «Кацони показал, что все долги он выплатил вице-консулу сполна» («Российские флотилии...», с. 76), тогда как в самой цитате, на самом деле, сказано, что Л. Кацонис «пользовался иногда от него в потребностях для флотилии возможным пособием, за что по надлежащем рачете и удовлетворен от него, полковника, заплаотою». Другими словами, командуя флотилией заплатил Пангалису столько, сколько счел достаточным для возмещения понесенных последним убытков. Легко догадаться, что Г. Пангалис отнюдь не придерживался того же мнения насчет своих убытков, считая их более значительными. К слову, то обстоятельство, что Г. Пангалис не предъявил ни платежных документов, ни показаний свидетелей, говорило не в его пользу. Разумеется, «Комиссия...» не могла в своих постановлениях исходить из ничем не обоснованных утверждений по жалобе Г. Пангалиса.

Завершив фрагмент о жалобах Пангалиса, Г.А. Гребенщикова переходит к анализу донесения Л. Кацониса Г.А. Потемкину, от 3 мая 1788 г., и ставит его под сомнение, ссылаясь на не датированное ею донесение консула Загурижского в Коллегию иностранных дел, где упоминается реквизиция Кацонисом «двух греческих лодок с пшеницей и ячменем» у Цефалонии и нескольких греческих судов у Цериги («Российские флотилии...», с. 76). Разумеется, Г.А. Гребенщикова не задается вопросами о том, не были ли владельцы этих судов турецкими подданными и не предназначались ли их товары туркам, ведь напротив Цериги находилась Морея (Пелопоннес), принадлежавшая Оттоманской империи. Впрочем, возможно об этом умалчивал и консул Загурижский. Однако историк не может выносить суждения, без учета этих обстоятельств

и ставить под сомнение факт борьбы Л. Кацониса с турками, указывая лишь на национальность судовладельцев. К слову, и сама Г.А. Гребенщикова, хотя и высказывала сомнения в достоверности сведений об уничтожении Л. Кацонисом «турецкого фрегата» и еще одного турецкого судна, как раз во время, предшествующее донесению от 3 мая, но обосновать свои сомнения должным образом не смогла. Спрашивается, почему, исходящие от Л. Кацониса и косвенно подтверждаемые С.С. Гибсом сведения, полученные им от министра А.С. Мордвинова, оказываются для Г.А. Гребенщиконой менее достоверными, чем слухи, передаваемые консулом Загурижским? Пока что в распоряжении исследователей есть подтверждения слов Л. Кацониса несколькими участниками тех событий, но нет аналогичного подтверждения слов консула Загурижского.

Рассматривая вопрос о том, что Кацонис «по договоренности, обязался отчислять часть денег, вырученных от продажи призовых судов» адмиралу Н.С. Мордвинову, а также «должен был делать согласно Правилам о партикулярных корсарах, и отчислять в казну десять процентов от стоимости захваченных турецких призов» («Российские флотилии...», с. 76) Г.А. Гребенщикова обвиняет моряка-грека в том, что он этого не делал. Между тем, в документах, с которыми Г.А. Гребенщикова, несомненно, знакома, так как упоминает их в «Списке источников и литературы», содержится ясное указание на то, что контр-адмирал Н.С. Мордвинов во время войны не требовал у Л. Кацониса денег. Это видно из письма Н.С. Мордвинова графу А.А. Безбородко, от 30 ноября 1792 г.: «А как великие суммы получены были, то оными содержали мы столь знатную эскадру и ласкали себя неложною надеждою дальнейшими поисками при брегах Египта и Сирии приумножить богатство»

Адмирал Н.С. Мордвинов

(Архив графов Мордвиновых. Т. 1. С. 529). То есть, Н.С. Мордвинов сам утверждал, будто по собственной воле расходовал всю прибыль на содержание каперской флотилии в надежде на еще большие барыши, хотя это и не соответствовало действительности – денег от компании Н.С. Мордвинова в ходе боевых действий Л. Кацонис не получал.

Что касается десятипроцентных отчислений в казну, то от них Л. Кацониса освободил генерал-поручик И.А. Заборовский, о чем Г.А. Гребенщикова также знает, так как в своей книге публикует ордер генерала А. Кацонису от 9/20 марта 1789 г. Правда ордер она датирует лишь по новому стилю – 20 марта. Заметим, что небрежность в датировке документов то по старому, то по новому стилям затрудняет понимание того, в какой последовательности происходили события. Что же касается упомянутого ордера, то он в известных Г.А. Гребенщиковой источниках (РГИА Ф. 994. Оп. 2. Д. 25. Л. 1), так и в публикациях (Пряхин Ю.Д. «Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов...», с. 283–287), как правило, имеет двойную датировку, именно 9/20 марта. Вместе с тем, следует заметить, что ордер опубликован Г.А. Гребенщико-вой лишь частично и с купюрами, но та часть второго пункта ордера, где говорится об освобождении от платежей в пользу казны, ею процитирована. Спрашивается, к чему тогда рассуждения о невыплате Л. Кацонисом процентов казне?

Между тем, текст, представленный Г.А. Гребенщико-вой, явно купирован: «Суда, которые будут вашею добычею в сем месте, так и во всем вашем плавании, оставляются в пользу вашу и вашей флотилии. Почему все что нужно будет, из добычи сей употребите на содержание экипажа, или для умножения сил ваших, распорядитесь по собственному вашему усмотрению, прочее же, дабы не обременять себя тем, что не нужно, отправляйте в Комиссию учрежденную в Сиракузе» («Российские флотилии...», с. 102). Изъята важная концовка данного пункта, а именно «где неупустительно сохранено будет все в пользу вашу».

Легко заметить, что публикуя текст, Г.А. Гребенщико-ва сознательно умолчала о гарантиях сохранения всего, присланного Кацонисом в Сиракузскую Комиссию. Вместе с тем, она не про-реагировала на слова 2-го пункта ордера о том, что «суда, которые будут вашею добычею в сем месте, так и во всем вашем плавании, оставляются в пользу вашу и вашей флотилии». Иначе говоря, генерал-поручик И.А. Заборовский, будучи на момент издания орде-

ра от 9/20 марта непосредственным начальником Л. Кацониса, своей властью позволил майору обратить все взятые призы целиком на содержание флотилии. Спрашивается, если Г.А. Гребенщикова опубликовала эту часть ордера 9/20 марта и знает о разрешении генерала Заборовского, то с какой целью она искажает события прошлого, представляя дело так, будто майор Л. Кацонис что-то нарушал? В данном случае налицо явное искажение картины событий, стремление еще раз обвинить, унижить грека-командующего.

Столь же далеко от истины заявление, будто Кацонис «непосредственно до района боевых действий ... не дошел, а крейсировал вблизи Венецианских островов» («Российские флотилии...», с. 76). Прежде всего, Г.А. Гребенщико-ва искажает историческую действительность, упоминая некий «район боевых действий» в регионе Средиземного моря. Следует отметить, что во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. на Средиземном море боевые действия с российской стороны велись там, где в бой вступали российские каперы, чаще всего суда флотилии Л. Кацониса. Никаких других практически не было. Поэтому там, где суда Л. Кацониса открывали огонь по неприятелю, и возникал «район боевых действий». Во-вторых, утверждение, будто Л. Кацонис «крейсировал вблизи Венецианских островов» в сочетании с утверждением, будто он «не дошел» до некоего «района боевых действий» создает впечатление, что «венецианские острова» находились в некоем глухом тылу, хотя в действительности они располагались напротив территории, принадлежавшей неприятелю России – Османской империи, а именно, против Мореи, греческих и албанских земель, где находились турецкие гарнизоны и где осуществляли морские перевозки турецкие и греческие суда, торговые корабли нейтральных стран, доставлявшие туркам различные грузы. И, именно в этом районе, недалеко от венецианских владений в Адриатике, боевые действия велись, как австрийскими, так и российскими морскими силами. Например, Л. Кацонис, в соответствии с ордером И.А. Заборовского от 9/20 марта 1789 г., сражался там с дульцини-отскими судами.

Рассуждения Г.А. Гребенщико-вой о том, что сообщение Л. Кацониса об усилении вооружения взятых им в приз двух кирлангичей сомнительно, вызывают недоумение. Странно также ее замечание, будто «несведущий человек так и подумал бы, что это возможно, но Мордвинов морской офицер, следовательно, разбирался в судовых конструкциях. При установлении такого количе-

ства орудий, пусть даже и малых калибров, например 1- или 3-фунтовые, менялся ранг судна, его нагрузка, технические элементы и конструктивные особенности» («Российские флотилии...», с. 77). Если речь здесь идет о том, что А.С. Мордвинов высказал сомнение в возможности такого усиления вооружения, то это следовало бы подтвердить материалами соответствующего источника. Однако едва ли А.С. Мордвинов, действительно дослужившийся в морском ведомстве до чина капитана генерал-майорского ранга, мог высказать нечто подобное. В отличие от Г.А. Гребенщиковой, он знал флот и разбирался в обсуждаемом предмете.

Дело в том, что купеческие суда в XVIII в., перевозившие грузы на Средиземном море, часто подвергались нападениям пиратов разных наций (тунисских, алжирских, мальтийских, греческих и др.), поэтому всегда вооружались. На большинстве из них, имевших небольшое водоизмещение, орудия устанавливались только на верхней палубе, но их число обычно было меньше количества портов, которые прорезались в фальшборте. Отчасти это происходило из-за сравнительной дороговизны орудий, необходимости содержать увеличенную команду, включающую артиллеристов или дополнительных матросов, обученных стрельбе из орудий, из-за чего возрастали общие расходы на перевозки, а также из-за стремления судовладельцев уменьшить вес артиллерии, чтобы принимать больше товаров. Возможно, по названным причинам, на борту взятых в приз кирлангичей и оказалось, как сообщал Кацонис, всего 6 и 2 орудия, однако это вовсе не означало, что на этих судах могло быть только по 3 и 1 орудийному порту на борт, просто число пушек было меньше, чем могло быть установлено.

Разумеется, ни о каком «изменении ранга судна» не могло быть и речи, так как коммерческие суда, в отличие от военных, не имели «рангов». Никакого изменения «технических элементов и конструктивных особенностей» при довооружении артиллерией не происходило: пушки обычно ставились к имевшимся портам, а их число на корабле предусматривалось при его постройке. Если предположить, что Л. Кацонис несколько приукрасил положение и указал в числе «пушек» также и фалконеты, устанавливавшиеся на вертлюгах поверх фальшборта, то общее число стволов могло превышать количество портов.

Таким образом, нет ничего невероятного в том, что вместо 6 и 2 орудий было установлено 22 и 16, тем более, что это количество не выходит за рамки известного. Так, со слов Кацониса, мы знаем

Поляки и шебеки конца XVIII – начала XIX в.

о 24-пушечном кирлангиче «райза Галилия Агмеда» (РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34). В одном из дел, сохранившихся в фондах РГИА (Ф. 994. Оп. 2. Д. 26), есть сведения о 26-пушечных кирлангичах «Великий Князь Константин» и «Великий Князь Александр» из состава флотилии Л. Кацониса. Примечательно, что перечисленные выше примеры должны быть известны Г.А. Гребенщиковой, упоминавшей соответствующие архивные дела в «списке использованных источников».

Далее Г.А. Гребенщикова возвращается к вопросу о том, был или не был Л. Кацонис «в районе боевых действий», ссылаясь при этом на рассказ Д. Загурижского о том, что «курьер Михаил Калло... репортом своим объявил, что он по долгом искании везде в Архипелаге майора Ламбра Кацционе не нашел» («Российские флотилии...», с. 77). Указывал ли этот курьер, где именно он побывал, и упоминал ли об этом Д. Загурижский, Г.А. Гребенщикова не пишет. Поэтому ее заявление, будто «Кацони в Эгейском море так и не появился», выглядит весьма странным. Оно тем более удивляет, что несколькими строчками ниже Г.А. Гребенщикова упрекает Л. Кацониса в том, что его донесения, будто бы «не отличаются подробностью и точностью, носят расплывчатый, неясный и по-

верхностный характер». Однако слова консула Загурижского, что «Калло репортом своим объявил, что он по долгом искании везде в Архипелаге майора Ламбра Кацционе не нашел» как раз и являются «расплывчатыми, неясными», действительно «не отличаются подробностью». Тем не менее, Г.А. Гребенщикова воспринимает сведения данного рапорта за истину, и без тени сомнения опирается на эти туманные утверждения при определении района боевых действий судов Л. Кацониса. Примечательно, что донесение Д. Загурижского, по словам Г.А. Гребенщиконой, датировано 24 июля 1788 г. К этому времени «курьер Михаил Калло» уже вернулся на о. Занте, видимо, незадолго до написания консульского донесения. Так как Г.А. Гребенщикова не указывает не только маршрут, но и характер передвижений курьера по Архипелагу, трудно представить, где именно он находился в то или иное время. Поэтому остается только гадать, почему этот курьер, «по долгом искании везде в Архипелаге», не встретил судов флотилии Л. Кацониса, ни во время перехода ее к острову Кафель Россо, который затем был взят 24 июня 1788 г., как о том пишет и сама Г.А. Гребенщикова, ни на обратном пути. Поэтому у читателя может возникнуть вполне закономерный вопрос – действительно ли курьер усердно искал Л. Кацониса «везде в Архипелаге» или же ограничился плаванием к нескольким островам, оказавшимся в стороне от курса движения флотилии?

Трудно понять, почему такая мысль не посещает Г.А. Гребенщикову, усердно декларирующую свою научную принципиальность в поисках истины. На деле же, вместо того, чтобы предпринять попытку разобраться и показать, что же реально имело место, она фантазирует и совершенно безосновательно объявляет одни источники заслуживающими внимания, а другие – нет. Причем, не обращает внимания на то, что донесение Д. Загурижского вторично. Он только передавал чужие слова, причем, неизвестно, с какой точностью, ибо подлинника донесения «курьера Михаила Калло» в распоряжении исследователей нет.

Весьма странно выглядит утверждение, будто «16 января 1789 года, находясь в Триесте и уже зная о лишении его арматорского патента, Кацони доложил» («Российские флотилии...», с. 77). Казалось бы, Г.А. Гребенщикова, неоднократно ссылавшаяся на переписку С.С. Гибса (РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97), имела возможность прочесть рапорт Л. Кацониса генерал-майору С.С. Гибсу от 18 октября 1788 г., к которому была приложена копия письма

капитана Снурчевского. Указанный капитан, был послан российским министром при тосканском дворе, графом Д. Моцениго, на поиски майора Кацониса. Он написал и оставил на о. Занте майору 21 сентября 1788 г. письмо, со ссылкой на депешу Д. Моцениго от 12/23 августа о том, что Екатерина II, «в рассуждении храбрых ваших поступков соблагволила высочайше своею грамотою от 22 числа прошедшего июня последовавшею к Его Сиятельству все милостивейше вам простить...» (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 108–109).

Таким образом, ни до какого «лишения арматорского патента» дело реально не дошло. Ибо это решение, видимо, поспешно принятое Екатериной II, вскоре ею же было отменено. О том же говорится и в другом архивном деле, на которое Г.А. Гребенщикова также неоднократно ссылается (РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 34), в котором сохранился ордер И.А. Заборовского Кацонису, от 23 октября / 3 ноября 1788 г. В нем сказано: «Храбрые ваши поступки приобрели уже вам отличное благоволение Ее Императорского Величества, все милостивейшее изъявленное в высочайшем прощении, дарованном вам за неподлежащее присвоение рагузского судна» (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 109). Может ли историк – доктор наук, работая над данной темой, пропустить столь важные материалы сразу в двух, использовавшихся ею архивных делах? Ведь это может говорить либо о дилетантском подходе Г.А. Гребенщиконой к проблеме, или же о том, что она, как и прежде во множестве других случаев, просто замалчивает, искажает неудобные для себя документы, не отвечающие ее концепции, чем фальсифицирует исторические события, имевшие место факты.

В пользу последнего предположения говорит то обстоятельство, что вслед за фальсификацией каперского статуса Л. Кацониса по состоянию на январь 1789 г., Г.А. Гребенщикова пускается в рассуждения о численности его флотилии. Упомянув, что 16 января 1789 г. «Кацони доложил в коллегия Иностранных дел» о том, что «20-го августа минувшего года имел я сражение» с пятью турецкими судами, Г.А. Гребенщикова замечает, что он «не указывает, сколько у него имелось судов, кроме 20-пушечной “Минервы Северной”, и, самое главное, в каком месте произошло сражение». Далее она упоминает «донесение И.А. Заборовского князю Потемкину из Неаполя (декабрь 1788 – январь 1789)», в котором говорится, что Кацонис привел в Триест «девять взятых в приз турецких су-

дов» («Российские флотилии...», с. 77). При этом конкретная дата письма не указана, имеется неточность в изложении его текста.

Видимо, такая комбинация особым образом обработанных ею данных должна создавать у читателя представление о том, что Л. Кацонис сражался с турками, имея преимущество в числе судов. Однако Г.А. Гребенщикова умалчивает о том, что сведения о сражении 20 августа 1788 г. сообщались Л. Кацонисом в нескольких донесениях, одно из которых, датированное 31 октября 1788 г. и адресованное контр-адмиралу Н.С. Мордвинову, было опубликовано Ю.Д. Пряхиним. Г.А. Гребенщикова могла бы ознакомиться с этим донесением по его книге «Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов», упомянутой ею в «списке источников и литературы».

В донесении же от 31 октября недвусмысленно сказано: «20 августа, когда я возвращался из корса ... восемь вооруженные турецкия суда, один линейный корабль, один фрегат и шесть небольших по здешнему кирлагичи встретились со мною близ острова Скарпанта. На сей раз был я только один с моим фрегатом без моей флотилии которая по причине случившегося пред тем большого ветра отлучилась от меня, а только находились при мне две призы... три кирлагичи пустились тогда за теми двумя моими призами (которые наконец и взяты). А с прочими пятью от 11-го с полночи до 9-го по полудни непрерывно продолжал военное действие» (Пряхин Ю.Д. «Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов...», с. 274). Таким образом, и место встречи с неприятелем, и время, и состав сил с обеих сторон Л. Кацонис приводит с достаточной точностью, однако Г.А. Гребенщикова об этом умалчивает.

Что же касается «донесения генерала И.А. Заборовского князю Потемкину», то оно имеет более точную датировку, чем та, которую представляет Г.А. Гребенщикова. В самом источнике указано 16 декабря 1788 / 6 января 1789 г. Однако несоответствие дат наводит на мысль, что писарь здесь допустил ошибку, и следует читать 26 декабря 1788 / 6 января 1789 г. (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 125). Данное донесение было опубликовано еще в конце XIX в. на страницах «Материалов для истории русского флота» (МИРФ. Ч. XIII. С. 403), а также Ю.Д. Пряхиним (Пряхин Ю.Д. «Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов...», с. 277–278), причем, в обоих случаях с датировкой 16 декабря.

Прежде всего, заметим, что обе публикации, действительно, говорят о том, что Л. Кацонис взял «в водах Архипелага» и «привел недавно в Триест 9 небольших судов», которые «во время плавания» сражались с «шестью турецкими». Однако сведения эти предельно обобщены и служат для пояснения того обстоятельства,

*Карта Архипелага
в районе острова Скарпанто*

что суда флотилии «повреждены были от выстрелов» и нуждаются в ремонте. Что же заставило Г.А. Гребенщикову пренебречь упомянутым выше точным описанием сражения, сделанным самим Л. Кацонисом, а также и его помощником Л. Зигури, непонятно. Заметим, что упоминая Зигури, Г.А. Гребенщикова ссылается не на то дело. Вместо Д. 17 указано Д. 101, хотя листы, на которых подшит «формулярный список» этого офицера (Л. 53 об. – 54), указаны правильно (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 107). Однако если ошибку в ссылке можно объяснить невнимательностью, то чем объясняется то обстоятельство, что Г.А. Гребенщикова пишет, будто сражались «по словам Зигури, с шестью турецкими судами» («Российские флотилии...», с. 78), тогда как в источнике, формулярном списке Л. Зигури, сказано: «20 августа в сражении с одним фрегатом против пяти турецких судов под островом Скарпанто» (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 107), судить трудно.

Впрочем, складывается впечатление, что эту часть текста «дополнения-монографии» Г.А. Гребенщикова писала по памяти, не освежая ее обращением к источникам, а потому смешала сведения из разных документов, сама в них поверила и стала использовать для обоснования своих сомнений в правдивости Л. Кацониса. На самом же деле, если Л. Кацонис писал о пяти неприятельских судах, а генерал И.А. Заборовский и офицер Л. Зигури о шести, то сведения первого начинают вызывать сомнение. Но если обратиться к документам, то легко убедиться в том, что Л. Зигури, как и Л. Кацонис, описывая сражение 20 августа, упоминал пять

турецких судов. Генерал Заборовский в своем донесении, видимо писал не об этом конкретном эпизоде, а о «сражении» «во время плавания», вполне вероятно, имея в виду, помимо пяти неприятелей, встреченных флотилией у о. Скарпанто, еще и фрегат, что был уничтожен еще весной у о. Занте, либо попросту оговорился, диктуя текст данного донесения писарю.

Сомнения Г.А. Гребенщиковой простираются так далеко, что она начинает упрекать Кацониса и Зигури в том, что они «не назвали ранга турецкого корабля», «под каким флагом (вице-адмиральским или контр-адмиральским), и на каком расстоянии происходило сражение. Не указываются и остальные суда...» («Российские флотилии...», с. 78). Кроме того, сомневается Г.А. Гребенщикова в указанном Л. Кацонисом количестве убитых турок – «свыше пяти-сот человек», и в том, что его флагманское судно «Минерва Северная» можно называть фрегатом.

Странно, что именно в этом месте текста Г.А. Гребенщикова начинает проявлять любознательность, дремавшую во многих других, куда более серьезных случаях. Однако невольно напрашивается вопрос: к чему эти придирки, если столь, нужных для Г.А. Гребенщиковой подробностей, нет в целом ряде и многих других документов? Ими же она удовлетворена и верит им безоговорочно. Так, например, при дальнейшем изложении она касается «информации о месте нахождения на тот период российских судов», представленной генерал-майором С.С. Гибсом 11/22 октября 1788 г. генерал-поручику И.А. Заборовскому («Российские флотилии...», с. 90). Сообщаемые генералом Гибсом данные сведены в таблицу в которой председатель призовой комиссии, опытный моряк, тем не менее, не указывал числа пушек даже на тех судах, которые он сам отправил в Триест. Почему же этот факт не вызвал у Г.А. Гребенщиковой никаких вопросов?

Обвиняя Л. Кацониса в том, что он не указывал «на каком расстоянии происходило сражение», Г.А. Гребенщикова забывает упрекнуть в том же лейтенанта С.Я. Дешаплетта и Г. Лоренцо, хотя их рапорты с упоминанием боевых действий, пересказываемые С.С. Гибсом в его рапорте от 11/22 августа 1789 г., также не содержат никаких упоминаний о дистанции боя («Российские флотилии...», с. 110–111, 113). Кроме того, упоминая турецкие корабли, участвовавшие в «сражении 24 июня», С.Я. Дешаплетт и Г. Лоренцо указывают число орудий только на линейных кораблях (по 64 орудия), фрегатах (по 40 орудий), а также кирлангичах (по 20 орудий),

но не на полугалерах. И это тоже не вызывает со стороны Г.А. Гребенщиковой никаких замечаний. Между тем, не касаясь полугалер, ей стоило бы поинтересоваться достоверностью сообщаемых сведений и об остальных кораблях.

Публикуя рапорт С.С. Гибса от 11/22 августа, в котором со слов Г. Лоренцо упоминаются 3 линейных корабля «о 64 пушках», 4 фрегата «о 40 пушках» и другие турецкие корабли («Российские флотилии...», с. 113), Г.А. Гребенщикова не выражает никаких сомнений по поводу точности названных цифр. Между тем, согласно списка судов турецкого флота, который опубликовал В.Д. Овчинников по материалам АВПРИ (Овчинников В.Д. «Адмирал Федор Ушаков – святой праведный воин». Ярославль, 2014. С. 595), видно, что в сентябре 1787 г., т.е. уже после начала войны с Россией, Оттоманская Порта располагала лишь одним 64-пушечным линейным кораблем в строю и одним в постройке, а 40-пушечных фрегатом и вовсе не имела. Все остальные корабли и фрегаты принадлежали к другим рангам. Таким образом, возникает подозрение, что в донесении Г. Лоренцо упоминаются такие корабли и фрегаты, которых либо вовсе не было в составе турецкого флота, либо искажены типы кораблей, их количество и вооружение. Учитывая отсутствие достоверных сведений о покупке или постройке кораблей и фрегатом указанных рангов, можно усомниться, что они появились в составе турецкого флота менее чем два года спустя. И без дополнительного исследования трудно определить, насколько достоверными и точными были данные и оценки мальтийца. Выдавал ли он за 64-пушечные корабли 66-пушечные или 60-пушечные, а может быть и вовсе это были крупные вооруженные торговые суда, а за 40-пушечные фрегаты – 44-пушечные или 38-пушечные, можно только гадать.

Во всяком случае, донесения подполковника Г. Лоренцо нуждаются в такой же проверке, как и донесения полковника Л. Кацониса, однако Г.А. Гребенщикова не думает этого делать. Ведь Г. Лоренцо она слепо верит. Подобный подход, основанный на двойных стандартах, когда одно историческое лицо упрекают в том, чего стараются не замечать у других, отнюдь не украшает историка. К слову, отсутствие точных данных о судах противника выглядит более честным, нежели вымышленные данные. По крайней мере, первый подход не обременяет нас заведомо ложными цифрами, а преувеличение неприятельских сил теряет убедительность.

Примечательно, что процитировав из донесения генерала

И.А. Заборовского генерал-фельдмаршалу Г.А. Потемкину, от 16 (или 26) декабря 1788 / 6 января /1789 г., материал о сражении Л. Кацониса с шестью турецкими кораблями, Г.А. Гребенщикова предпочла умолчать о том, что далее генерал-поручик сообщал, что флотилия майора по окончании ремонта «отправится в Сиракузы, где приготовлено также несколько казенных судов, дабы присоединя оные к вышеупомянутым, составить флотилию и отправить в Архипелаг» (См. Пряхин Ю.Д. «Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов...», с. 277). Другими словами, И.А. Заборовский и в конце 1788 г., уже после всех перипетий с Высочайшими повелениями, то об изъятии у Л. Кацониса каперского патента, то об отмене этого решения, планировал подчинить майору все суда, имевшиеся в распоряжении российского командования на Средиземноморском театре, включая и купленные на казенные средства.

Выражает сомнения Г.А. Гребенщикова и в том, что Л. Кацонис мог точно знать, сколько турецких моряков погибло в сражении. При этом уверенно заявляет, что «свыше пятисот человек» могло быть потеряно, «если на корабле происходил взрыв и корабль тонул» («Российские флотилии...», с. 78). Однако, например, историк В.Д. Овчинников, ссылаясь на материалы АВПРИ (Ф. 41. Оп. 3. Д. 194. Л. 23), указывал, что в сражении при Калиакрии, только на турецком флагманском корабле было убито 300 и ранено 375 человек. Однако, вне зависимости от того, насколько точен использованный документ, следует заметить, что рассуждает Г.А. Гребенщикова о «корабле» в единственном числе, тогда как Кацонис, по ее же словам, писавший, что «турок убито», явно имел в виду весь отряд, состоявший из пяти турецких судов. Налицо попытка Г.А. Гребенщикоу исказить картину событий, подменить понятия, к которой она прибегает, чтобы в очередной раз заставить читателя считать майора лжецом, сомневаться в достоверности донесения Л. Кацониса, в его честности и порядочности.

Помимо подмены понятий в данном случае налицо все та же двойная мораль. Задаваясь вопросом, откуда Л. Кацонис мог знать о том, что у турок убито «с лишним пять сот человек» и сомневаясь в этой цифре, Г.А. Гребенщикова, вместе с тем, другим людям доверяет слепо, не выказывая ни тени сомнения исходящим от них документам. Например, верит она цифрам, фигурирующим в донесении С.С. Гибса от 11/22 августа 1789 г., согласно данным лейтенанта С.Я. Дешаплетта, который писал то об «около 300 со-

бравшихся турок» у «местечка Капо Исидора», то об «около 4000 турок», якобы защищавших порт Каристо («Российские флотилии...», с. 110–111). Между тем, у читателя должен возникнуть вопрос – если Л. Кацонис не мог определить число турок, погибших на сражавшемся с ним отряде из пяти судов, то как же смог сосчитать своих противников, находящихся на берегу, со своего судна лейтенант Дешаплетт?

Усомнившись в количестве погибших турок, Г.А. Гребенщикова ставит под сомнение то обстоятельство, что «Кацони всегда именовал “Минерву Северную” фрегатом. Но с таким количеством орудий – восемь-девять с одного борта – судно никогда не относилось к классу фрегатом» («Российские флотилии...», с. 78). Непонятно, из каких источников Г.А. Гребенщикова взяла цифры – «восемь-девять» пушек «с одного борта» на «Минерве Северной, хотя она сама несколько раз называла это судно 20-пушечным, т.е. имевшим 10 пушек на борт. Вместе с тем, большинство авторов, включая даже Г.А. Гребенщикоу, поместившую в «дополнении-монографии» «Известие о судах Ламбро Кацони» («Российские флотилии...», с. 137), пишет о 26–28 пушках. А данные из архивного дела, фигурирующего и в «списке источников и литературы» книги Г.А. Гребенщикоу (РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 26. Л. 1), свидетельствует о наличии на «Минерве Северной» 32 пушек. Вместе с тем, в турецком флоте, если верить опубликованному В.Д. Овчинниковым его составу на сентябрь 1787 г., существовали 20-пушечные, 22-пушечные, «26 или 24»-пушечные фрегаты.

Таким образом, даже если бы «Минерва Северная» и была 20-пушечной, то по турецким меркам она вполне вписывалась в ранг фрегатом, тем более, если учесть, что в действительности она имела от 28 до 32 пушек. Заметим, кстати, что «Минерва Северная» была фрегатом лишь по парусному вооружению, так как изначально являлась торговым судном. Ввиду этого, возникает вопрос, уместны ли столь странные и спорные рассуждения о «классе фрегатом» в работе историка – доктора наук, с ее слов «почти двадцать лет профессионально занимавшегося историей Российского флота»?

Вызывает определенное сомнение и логика изложение материала. Так, порассуждав о ранге каперских судов, Г.А. Гребенщикова внезапно начинает рассматривать вопрос о том, что «в водах греческого Архипелага оперировала австрийская каперская флотилия, находились сильные отряды венецианских патруль-

но-сторожевых судов и эскадра Мальтийского ордена», а генерал И.А. Заборовский 10 сентября 1788 г. «выдал патент генуэзскому капитану Ямесу Цейтенаро», и что «совокупность этих мер также вынуждало Турцию перебрасывать часть сил с Черного моря в Эгейское» («Российские флотилии...», с. 78 – 79). Подобное заявление Г.А. Гребенщиковой трудно понять и сложно оценить. Прежде всего, как венецианские, так и мальтийские суда, за исключением пиратских, турок не могли беспокоить, потому что принадлежали государствам, соблюдавшим нейтралитет в войне. Более того, «отряды венецианских патрульно-сторожевых судов» поддерживали порядок и обеспечивали не только нейтральное, но и оттоманское судоходство у западных берегов Мореи, о чем должна знать Г.А. Гребенщикова.

Что же касается «австрийской каперской флотилии», якобы «оперировавшей водах греческого Архипелага», то неоднократно касаясь этого вопроса, профессор Г.А. Гребенщикова ни разу ничего определенного об этой «флотилии», итогах ее деятельности не написала. Сведений же о такой флотилии нет ни в литературе, ни в доступных источниках, включая и донесения консула Варуки. Более того, Австрия на тот момент не располагала сколько-нибудь сильным соединением боевых кораблей. Поэтому вооружившиеся ею торговые суда, судя по доступным источникам, использовались в Адриатике и обеспечивали охрану собственных берегов, судоходства и лишь отчасти угрожали побережью Оттоманской Порты в этом регионе. Это подтверждал и консул Варука, который указывал, что суда в Фиуме и Сени вооружаются «для охранения тамошних берегов», а в Триесте лишь два судна характеризовались как «корсеры» («Российские флотилии...», с. 49). Насколько известно, турки не направляли для противодействия австрийцам крупных соединений боевых кораблей, довольствуясь местными возможностями, главным образом – дульциниотскими судами, упоминающимися в различных документах.

Сказав несколько слов о не оставившей следа в литературе «австрийской каперской флотилии», Г.А. Гребенщикова вновь, непонятно почему, возвращается к вопросу о реквизиции Кацонисом денег у «капитана Вацетти, командующего полякой “Сан Винченсо Ферерио”». Она упоминает депешу И.А. Остермана П.М. Скавронскому от 15/26 мая 1788 г., в которой дипломату предписывалось «не только понудить названного майора к немедленному возвращению вещей и денег, но и лишить его патента и отстранить от

выполнения порученного ему дела» («Российские флотилии...», с. 79). Повторно обращаясь к уже разобранным случаям, Г.А. Гребенщикова вновь забывает упомянуть о том, что спустя несколько недель Екатерина II отменила прежнее решение и простила Л. Кацониса, а также о том, что генерал И.А. Заборовский мало того, что не отстранил его «от выполнения порученного ему дела», но и собиравшись вверить Кацонису еще и «казенные» суда, находившиеся на Средиземном море. Упорно умалчивая об этом, Г.А. Гребенщикова вновь фальсифицирует картину событий, реально имевших место в кампании 1788 года.

Упорно стремясь как-то дискредитировать боевые успехи Л. Кацониса, Г.А. Гребенщикова, ссылаясь на донесение С. Варуки, пишет о неудачной попытке Л. Кацониса захватить «три идриотских судна под турецким флагом» («Российские флотилии...», с. 79). При этом автор не задается вопросом о том, как консул Варука, сообщавший о такой попытке 5 мая 1788 г., причем, со слов «прибывшего сюда из Смирны венецианского шкипера», точно смог определить, что неудачным капером был именно Кацонис? Ведь, налицо многократная передача сведений из уст в уста. Известно, что информация, передаваемая подобным способом, зачастую искажается разными «уточнениями», «приукрашиванием». Заметим, что весной 1788 г. «в Модонском море» могли действовать и другие каперы, в частности, неоднократно упоминавшийся Г.А. Гребенщиковой Х. Сапунцоглу (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 40, 85–87).

Совершенно непонятно, также, из чего исходит она, делая вывод о том, что упоминание Л. Кацонисом в донесении с о. Занте, от 3 мая 1788 г. о своей победе над турками относится именно к случаю нападения некоего капера на «три идриотских судна под турецким флагом» («Российские флотилии...», с. 82). Если обратиться к тексту этого донесения, цитируемого Г.А. Гребенщиковой по «Материалам для истории русского флота» (Ч. XIII. С. 255), то легко понять, что Л. Кацонис пишет о том, как встретил 30 апреля «против Мореи» «одно судно под флагом турецким» «о 3-х мачтах, 24 пушки было на нем», сразился с ним, захватил и уцелевших после боя 80 пленных, «некоторые алжирцы, другие борборезцы, несколько кандиотов и тулчениотов», «в отмщение происходящего от их рода вероломства и крови... преданы смерти». Консулу Варуке, писавшему свое собственное донесение 5 мая, фактически не возможно было узнать от «прибывшего сюда из Смирны венециан-

скаго шкипера» о случае, произошедшем ночью 30 апреля – утром 1 мая «против Мореи». Торговое судно, неизбежно заходившее по пути в адриатические порты, даже при благоприятных ветрах, просто не могло пройти за 4 – 5 суток до Триеста. Обычно этот путь преодолевался примерно за две недели. Это подтверждается и опытом плавания российских каперов от Ионических островов в Триест.

На той же странице Г.А. Гребенщикова прямо фальсифицирует содержание документа, утверждая, будто 14 пункт «Правил о партикулярных корсерах», гласивший: «“Если корсар нападет на какое греческое судно, принадлежащее турецким подданным, нагруженное турецкими товарами, то оно взято за добрый приз”... относился непосредственно к Леванту и Архипелагу» («Российские флотилии...», с. 82). Полностью текст указанного пункта выглядит так: «Если корсар нападет на какое греческое судно, принадлежащее турецким подданным, нагруженное турецкими товарами, то оно взято за добрый приз; но когда таковое греческое судно не старается от российских корсаров уходить, а напротив того, придет к ним под покровительство, то сего не брать в плен, но чинить ему всякие пособия и привести в нейтральное место, куда оно пожелает идти, для объявления о нем Российскому Консулу, который имеет с ним поступить на основании 10 статьи». Соответственно, 10 пункт гласит: «Если которые из греков, торгующих в Леванте и Архипелаге на собственных своих судах и имеющих на оных турецкие товары, убегая мучительства и притеснения турецкого, добровольно, и с своим грузом придут в какое-либо христианское место, где находится будет Российский Консул, и к нему явятся: то таковым сим объявляется, что оный груз отдан будет им на раздел, как выше сего в 9 статье сказано, то есть десятая часть возьмется в казну, а 9 достальных отдадутся им» («Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое». Т. 22. С. 970). Другими словами, указание «Правил» на то, что добровольно явившиеся к российским консулам греки «торгующие в Леванте и Архипелаге» получают право на раздел товара Г.А. Гребенщикова истолковала в превратном смысле.

Такая трактовка особенно удивляет ввиду того, что во 2 пункте «Правил» сказано: «Неприятельские суда, как военные, так и торговые, российские арматоры имеют преследовать, атаковать, захватывать или истреблять везде, где только случай к тому представится; выключая того, если неприятельское судно, укрываясь, успеет стать под пушечный выстрел от пристани или берегов

нейтральной Державы; равным образом никаких неприятельских действий не должны они себе позволять в портах или рейдах, нейтральным Державам принадлежащих...» (ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 22. С. 968). Что касается положения о действиях каперов в Леванте и Архипелаге, оно содержится в 3 пункте и относится только к судам нейтральных государств: «Как в военное время нередко бывает, что неприятельский корабль или судно укрывается под флагом нейтральной Державы, равным образом и некоторые из нейтральных подданных, побуждаемые корыстолюбием, взять к неприятелям припасы, военными правами запрещенные, то предосторожность требует, чтоб никакие купеческие суда, плывущие к их берегам, без осмотра пропускаемы не были; по чему вооруженные Российские корсары и могут всякое судно, плавающее в Леванте и Архипелаге, под каким бы оно флагом ни было, останавливать и осматривать» (ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 22. С. 969).

Таким образом, если предположить, что Л. Кацонис действительно, помимо упомянутого им самим трехмачтового судна под турецким флагом, встретил и пытался захватить «три идриотских судна под турецким флагом», то делал он это в полном соответствии со 2 пунктом «Правил», как раз и относящимся к «неприятельским судам, как военным, так и торговым», хотя о наличии самих «Правилах» майор узнал только в сентябре 1788 г.

Такое же явное искажение истины допускает Г.А. Гребенщикова и тогда, когда, стремясь ошельмовать Л. Кацониса, пускается даже в критику слов Л. Кацониса, сказанных о численности людей на его флотилии. Она заявляет, что «он называл цифру – более тысячи греков служат вместе с ним, которых на самом деле было всего 68. Это позже, после окончания войны, их стало намного больше» («Российские флотилии...», с. 82). В данном случае можно говорить о непонятном искажении данных. Г.А. Гребенщикова, неоднократно ссылаясь на архивное дело с перепиской С.С. Гибса (РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97), несомненно, знает о том, что генерал-майор Гибс получал известия из Триеста, от некоего «господина Розетти», который направлял Гибсу сведения о каперских судах, входивших во флотилию Кацониса. Согласно этим сведениям, в октябре 1788 г. одна лишь флагманская «Минерва Северная» имела команду из 130 человек. Всего же на семи упомянутых Розетти судах находилось 363 человека. А по словам В.Н. Мещерского численность флотилии достигала 14 судов (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 98, 119). Проштудировав, судя по ссылкам на

упомянутое дело РГАВМФ, всю переписку Гибса, и даже сославшись на лист 107 об. («Российские флотилии...», с. 90), Г.А. Гребенщикова, почему-то, не заметила почти соседний лист 105 об., на котором и изложены упомянутые сведения Розетти. Как бы то ни было, Г.А. Гребенщикова предпочла сослаться на некое дело из фондов АВПРИ (Ф. 32. Оп. 32/6. Д. 1295. Л. 3 – 3 об.), в котором либо подшит документ с ложными сведениями, либо речь идет не обо всей флотилии, а лишь об одном из ее судов. Возможно, что 68 человек в подчинении Кацониса могло быть лишь перед выходом в крейсерство на одной «Минерве Северной» весной 1788 г.

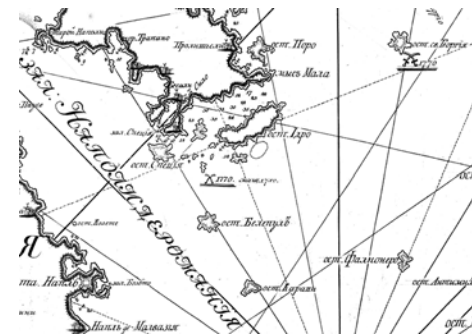
Упомянутую цифру 68 человек Г.А. Гребенщикова подкрепляет словами консула Варуки о том, что «Ламбро не имеет довольно-го числа людей» («Российские флотилии...», с. 82), ссылаясь при этом уже на другое дело (АВПРИ. Ф. 32. Оп. 32/6. Д. 1292. Л. 66), и что нередко в ее творчестве, не датирует документ. Учитывая же, что Варука осенью 1788 г., под угрозой изобличения во лжи, едва ли мог писать о 68 человеках у Кацониса, его слова должны относиться ко времени, предшествующему возвращению каперской флотилии в Триест. Возможно, оценивая численность личного состава, находившегося в подчинении майора, консул исходил из каких-то своих соображений и сравнивал наличное число каперов с необходимым количеством для решения тех или иных задач. Во всяком случае, у исследователей нет причин подозревать упоминавшегося выше Розетти, а тем более бригадира Мещерского в намерении обмануть генерал-майора Гибса.

Постоянно фантазируя и искажая картину прошлого, видимо, чтобы читатели усомнились в правдивости донесений Кацониса и его боевых заслугах, Г.А. Гребенщикова пускается в рассуждения и заявляет о том, что «вопрос о греках с острова Идро» стал «еще более трагическим из-за подписанного генералом И.А. Заборовским ордера, в котором он позволял арматорам захватывать и топить поблизости Идро суда, которые будут следовать на подкрепление турецких эскадр» («Российские флотилии...», с. 82). Такая интерпретация 9-го пункта секретного ордера генерал-поручика И.А. Заборовского от 9/20 марта 1789 г. майору Л. Кацонису, к слову, не нумеруемого Г.А. Гребенщиконой, является фальсификацией важнейшего документа, регламентирующего боевую деятельность майора, в ранге командующего «российской Императорской флотилией». Ибо 9-й пункт данного ордера гласил: «Вы также будете проходить недалеко от идриотов; остров сей населен

греками, преданными Порте, и слышно, что они готовят знатное число судов в Черное море. Если найдете, что слух сей справедлив, употребите ваше мужество против врагов сих и не допустите их исполнить злое намерение против Августейшей покровительницы имени Христианского». Удивительно, но далее Г.А. Гребенщикова все-таки частично опубликовала текст ордера («Российские флотилии...», с. 102–103), включая и ранее не обозначенный ею 9-й пункт, причем, с несущественными отличиями в тексте.

Следует заметить, что текстом данного ордера Л. Кацонису конкретно не предписывался захват судов и уничтожение верфей или складов, но нет и никакого намека на территориальные ограничения в тексте. Из формулировок документа вытекает, что генерал Заборовский нацеливал каперов на уничтожение не только идриотских судов, причем, везде, где они будут найдены, но и всех тех ресурсов, которыми обеспечивались постройка и содержание этих судов. Однако при одном только условии, если выяснится, что идриоты, действительно, готовят посылку судов в Черное море. Заметим, что в том, с какой целью пойдут туда идриотские суда, И.А. Заборовский не сомневался, и у него были на то веские основания. На протяжении многих лет, в том числе и перед войной 1787–1791 гг., идриоты всячески содействовали оттоманскому флоту, в том числе и на Черном море, о чем свидетельствуют донесения российских дипломатических представителей в Константинополе.

Заметим, кстати, что Г.А. Гребенщикова постоянно сокрушается по поводу участи «греков с острова Идро», хотя этот остров в последние десятилетия XVIII в. был заселен большим количеством арнаутов. Впрочем, это хотя и показательная, но деталь, и важнее не она, а уже упоминавшаяся помощь оттоманскому флоту со стороны идриотов. Большое недоумение вызывают и неодно-

Карта архипелага
в районе острова Идро

кратные сетования Г.А. Гребенщиковой по поводу захвата Л. Кацонисом в море идриотских судов. Они, в значительной мере, объяснимы, ибо сама Г.А. Гребенщикова опубликовала «рапорт российского консула на острове Занте Дамиано Загурижского в Государственную коллегия Иностраных дел» от 7/18 сентября 1789 г. в котором говорилось, что «кирлангич команды майора Каччиони под предводительством Андрея Чингари, будучи в море, начал течь. Надеясь на жителей острова Идры помянутый Чингари искал тамо спасения, но они арестовали его и взяли в полон весь экипаж. Как сказывают, отдали оный туркам на флот в знак их верности» («Российские флотилии...», с. 123).

Если исходить из представлений Г.А. Гребенщиковой о том, будто «дипломатические представители Екатерины II – консулы и полномочные министры являлись официальными чиновниками коллегии Иностраных дел (МИД) России, и нет никаких оснований обвинять их в том, что они посылали в Петербург заведомо ложную информацию. Это совершенно исключалось» («Российские флотилии...», с. 122), то исходя из этого, слова консула Загурижского о том, что идриоты пленили Чонгари и его людей и передали «туркам на флот в знак их верности», следует трактовать как точное изложение сведений, которые раскрывают печальную реальность. Однако если идриоты действовали, исходя из желания подтвердить туркам свою верность, то их поведение являлось красноречивым доказательством обоснованности отношения к ним российского офицера-грека Л. Кацониса. Показательно, что предавая огласке донесение Загурижского, Г.А. Гребенщикова воздерживается от его полноценного комментирования и делает вид, будто не понимает значения слов консула.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что, по мнению Г.А. Гребенщиковой, «захваченные призы ... согласно Правилам для партикулярных корсаров, подлежали обязательному освидетельствованию и оценке» призовой комиссии в Сиракузах. Между тем, главной задачей призовых комиссий являлось выяснение законности взятия призов, для чего комиссии должны были проверять документы на судно и его груз. Причем, согласно 8 пункту упомянутых «Правил» этим должна была заниматься не «комиссия в Сиракузах», так как этот пункт гласил: «Никакой части груза, находящегося на взятом судне, не выгружать и не продавать, а вести его прямо в Ливорну или Венецию для проветривания товаров, где находятся карантинные дома, там явиться к Российским Мини-

страм, и представя все бумаги и документы, найденные на плененном судне, ожидать решения ...» (ПСЗРИ. Т. 22. С. 970).

Примечательно, также, что сокрушаясь по поводу «незаконности» действий Кацониса, Г.А. Гребенщикова не только искажает букву и дух документов, в том числе и цитируемых ею в других частях текста «дополнения-монографии», но и забывает скрыть дату назначения председателя призовой комиссии, прямо указывая, что только 29 мая 1788 г. адмирал. С.К. Грейг уведомил генерал-майора С.С. Гибса о том, что ему надлежит «отправиться сухим путем в Венецию». И лишь после его прибытия туда, призовая комиссия могла быть формально образована. Учитывая время, необходимое на обустройство членов комиссии, урегулирование вопросов, связанных с их пребыванием в Сиракузах, комиссия не могла реально начать работать ранее второй половины лета 1788 г. Поэтому все упреки в адрес Кацониса, будто он «не признает образованную на Сицилии, в Сиракузах, призовую Комиссию» могли бы относиться лишь к более позднему периоду, не ранее возвращения в Триест осенью 1788 г., и то лишь после тщательного выяснения всех обстоятельств его действий.

Нелепо выглядит упрек Г.А. Гребенщиковой в адрес Л. Кацониса, когда она обращается к приказанию, отданному адмиралом С.К. Грейгом С.С. Гибсу. Станным является то, что Г.А. Гребенщикова, цитируя ордер Грейга от 29 мая 1788 г., в котором «главнокомандующий флотом приказывал Гиббсу разыскать и собрать всех российских арматоров, находившихся в Средиземном море и плававших под российским флагом, установить между ними надлежащий порядок и дисциплину и сформировать из них легкую флотилию» («Российские флотилии...», с. 84), затем утверждает, что «этого приказа Кацони не выполнит». Но майор Л. Кацонис и не мог выполнить приказа, полученного С.С. Гибсом. Не мог он и подчиниться каким-либо требованиям Гибса, так как с марта по сентябрь 1788 г. находился в море, причем, начиная с июня – в таких отдаленных местах, как Кастелоризо, где до него не доходили известия из Италии. А позднее Кацонис действовал, подчиняясь секретному приказу генерала Заборовского, который предоставил ему формальное право действовать самостоятельно, о чем Г.А. Гребенщикова далее и сама пишет, упоминая ордер Заборовского Кацонису от 9/20 марта 1789 г. Остается только удивляться тому, что доктор исторических наук столь явно путается, позволяя себе при этом необоснованные, если не сказать странные, обвине-

ния в недисциплинированности грека-командующего. Возможно, что она надеется при этом на невнимательность читателей и неспособность их к самостоятельному мышлению и анализу?

На непросвещенного читателя, надо полагать, рассчитывала Г.А. Гребенщикова, когда в очередной раз заявила, будто Л. Кацонис нарушил «Морской Устав, где в Главе Два Десятой, пункте 146 говорится: “Всяк какового чину и достоинства ни был, кто ведением и волею против наших указов и повелений проступится, за то казнен будет смертию”» («Российские флотилии...», с. 84). Однако, во-первых, Морской Устав не регулировал отношений флотских начальников и каперов, так как в общем случае каперы не являлись военнослужащими, что подробно уже рассматривалось нами выше. Примечательно, что Гребенщикова, цитируя 1 пункт «Правил для партикулярных корсеров», сама сообщает читателю, что корсером является «хозяин, вооруживший судно» («Российские флотилии...», с. 46). То есть, речь идет о частных лицах – судовладельцах, бравших каперский патент, позволявший им захватывать неприятельские суда, как торговые, так и военные. «Правила» не предусматривали создания каперских флотилий, да вообще не рассматривали случай совместного действия нескольких каперов, равно как их подчинения воинскому начальству. Поэтому настойчивые попытки Г.А. Гребенщиконой подвести действия Л. Кацониса под нормы Морского Устава являются искажением исторической действительности. Что и отмечалось уже выше.

Во-вторых, так как Г.А. Гребенщикова упоминает «введенный Петром I Морской устав», то следует отметить, что он имеет не сквозную нумерацию глав, поэтому следовало, хотя бы из формальных соображений, уточнить, что речь идет о книге 5, в которой 20 глава называется «О утаении и увозе злодеев», а 146-й пункт – «Кто ведением и волею указ преступит». Полный текст этого пункта выглядит так: «Всяк какового чину и достоинства ни был, кто ведением и волею против наших указов и повелений проступится, за то казнен будет смертию. А ежели кто неведением указ или повеление преступит, тот по рассмотрению дела наказан быть имеет» (книга «Устав Морской...», СПб, 1763. С. 157). Речь в этом пункте идет о тех чинах морского ведомства, кто сознательно и целенаправленно действует вопреки Высочайших указов. Г.А. Гребенщикова стремится создать у читателя впечатление, будто Л. Кацонис именно к такой категории нарушителей и относился, но это неправда. Ни одного факта, сознательного нарушения Л. Ка-

цонисом Высочайших повелений, тем более, относившихся к нему персонально, исследователям не известно. Даже приказы С.С. Гибса, Л. Кацонис никогда официально не оспаривал и не отрицал, хотя несколько раз и не исполнил их, ссылаясь на те, или иные обстоятельства и причины. Что касается повеления Екатерины II о лишении его каперского патента, на которое, судя по всему, опять намекает Г.А. Гребенщикова, то Л. Кацонис узнал о нем лишь тогда, когда оно было уже отменено, о чем ему, как отмечалось уже выше, и сообщил капитан Снурчевский.

Цитируя далее ордер адмирала Грейга от 29 мая 1788 г., Г.А. Гребенщикова приводит слова адмирала о том, что вместе с С.С. Гибсом посылаются «лейтенанты Телесницкий и Шаплет» («Российские флотилии...», с. 84), что можно признать шагом к истине, по сравнению с ранее звучавшими утверждениями, будто «к тому времени (к осени 1788 г. – *Авт.*) на службу в русский флот вступило 17 корсиканских офицеров; среди них были лейтенант Самуэль де Шаплет...» (См.: Гребенщикова Г.А. «Военно-политические события в Эгейском море и в Адриатике в 1788–1792 гг.» // Вопросы истории. 2013. № 11. С. 120). Тогда «Самуэль де Шаплет» преподносился ею как корсиканец, видимо, потому что доктор исторических наук Г.А. Гребенщикова, сочла для себя излишним ознакомиться с «Общим морским списком», что и привело ее к конфузу. Теперь она, по крайней мере, знает, что «лейтенант Шаплет» не «вступал в русскую службу» в 1788 г., а уже являлся офицером российского флота. Жаль, что уточнить его отчество она так и не удосужилась, хотя ей вполне доступно объяснили, что речь идет о Самуиле Яковлевиче Дешаплетте, в 1785 окончившем Морской корпус (См. Гертсос А., Николопулос И., Пряхин Ю.Д. «Ради установления истины...», с. 28).

Процитировав инструкцию адмирала С.К. Грейга генерал-майору С.С. Гибсу, Г.А. Гребенщикова спешит объявить читателям, что «майор не выполнит приказов начальства и в Сиракузы не пойдет» («Российские флотилии...», с. 85), хотя это является заведомой ложью. Действительно, Л. Кацонис не пойдет в Сиракузы, но как раз исполняя приказание начальства – генерал-поручика И.А. Заборовского. Он руководствуется при этом ордером И.А. Заборовского Л. Кацонису, от 9/20 марта 1789 г., который опубликован и Г.А. Гребенщиконой. Первый же пункт этого ордера гласит: «1-е. Выступив из Триеста, с возможною поспешностью следуйте прямо в Архипелаг, не заходя в Сиракузу. дабы не упустить време-

ни» («Российские флотилии...», с. 102). Этим ордером отменялись все предыдущие распоряжения самого И.А. Заборовского, ранее, действительно, собиравшегося направить майора Кацониса в Сиракузы. Однако тот факт, что именно генерал Заборовский, высшее военное начальство на Средиземном море, приказал Л. Кацонису не заходить в Сиракузы, полностью обесценивает все обвинения, сочиняемые Г.А. Гребенщиковой, по поводу неподчинения офицера Л. Кацониса своему командованию.

Важно отметить, что исследователям не известны какие-либо приказы И.А. Заборовского о передаче командования. Не пишет о таких приказах и Г.А. Гребенщикова. Надо полагать, И.А. Заборовский не издавал такого приказа, так как сам не являлся главнокомандующим, а официально был командующим сухопутными войсками в регионе, временно начальствовавшим и над морскими силами и призовой комиссией. Подобный приказ мог издать адмирал С.К. Грейг, но он к тому времени уже умер (еще в октябре 1788 г.). Более того, не известны и не упоминаются Г.А. Гребенщиковой какие-либо документы, свидетельствующие о том, что Л. Кацонис мог быть в курсе происходящих перемен в командовании. Ибо в то время, когда генерал И.А. Заборовский убывал из Италии, флотилия Л. Кацониса находилась уже в водах острова Зеа. Поэтому он строго руководствовался секретным ордером И.А. Заборовского от 9/20 марта 1789 г., в котором о председателе Комиссии в Сиракузах, тогда генерал-майоре С.С. Гибсе, говорилось лишь то, что он отправит в море флотилию Г. Лоренцо. Отношения с последним четко определялись данным ордером: «Никто из вас не подчинен друг другу», а также предписывалось после «всякого военного действия» отправлять в Сиракузы судно с рапортом (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 145–146). Видимо поэтому, Л. Кацонис и не спешил выполнять некоторые распоряжения С.С. Гибса, не считая его своим прямым начальником.

Примечательно, что Г.А. Гребенщикова, поместив на страницах «дополнения-монографии» лишь часть ордера И.А. Заборовского от 9/20 марта 1789 г., необоснованно сослалась на дело из фондов РГАВМФ, тогда как документ был опубликован в первом томе «Архива графов Мордвиновых». Причем, преамбулу ордера, в которой Л. Кацонис недвусмысленно назван «командующим флотилией», а также ту часть не обозначенного ею пятого пункта, в которой И.А. Заборовский говорит о том, что вручает Л. Кацонису манифест Екатерины II «для раздачи» и указывается, что «для

удостоверения же их о препоручении, которое я вам делаю, приобщаю у сего особенный лист, утвержденный моею рукою и печатью. На основании оного вы можете требовать от них преданности и верности к Ее Величеству и в доказательство оных принимать от них людей в службу, суда и прочие принадлежности, относящиеся до мореплавания и военных действий» («Архив графов Мордвиновых». Т. 1. С. 489, 491), она, видимо, осознано не стала цитировать. Между тем, именно эти части ордера снимают ее многочисленные обвинения в адрес Л. Кацониса в том, будто он «самовольно» требовал от греков «прочия принадлежности», в том числе и средства на содержание флотилии.

Что касается того, что Л. Кацонис не желал идти в Сиракузы, «понимая, что его там ожидает» («Российские флотилии...», с. 85), то и в этом отношении Г.А. Гребенщикова позволяет себе манипуляцию фактами. Майор Л. Кацонис, действительно, знал, что против него затеяна интрига с целью лишить его командования флотилией, но свое отношение ко всему, затеянному против него, он высказал открыто, а главное, еще до выхода в море весной 1789 г. Разобравшись в происходящем, генерал И.А. Заборовский, собственно, и подписал ордер от 9/20 марта 1789 г., которым извещал Кацониса от необходимости идти в Сиракузы.

Инсинуации насчет того, будто Л. Кацонис опасался ареста в силу положений инструкции адмирала С.К. Грейга, данной председателю призовой комиссии генерал-майору С.С. Гибсу, выглядят весьма странными. Прежде всего, Г.А. Гребенщикова не задается вопросом о том, как смог бы Л. Кацонис ознакомиться с положениями инструкции. Насколько известно исследователям, генерал Гибс данную ему инструкцию до каперов не доводил, хотя о ней и упоминал. Затем, Г.А. Гребенщикова сама пишет, что встретившись с действовавшими в Сиракузах ограничениями на число иностранных судов в порту, «Гиббс даже думал перенести маневренную базу в Ливорно» («Российские флотилии...», с. 90). Правда, процитировав эти данные из материалов дела по переписке Гибса (РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 89 – 90 об.), Г.А. Гребенщикова предпочла умолчать о том, что ожидая проблем с базированием каперов на Сиракузы, генерал Гибс сам отправил всех в Триест (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 94), соответственно, осенью 1788 г. он не собирался призывать в Сиракузы и Л. Кацониса.

Касааясь генерал-майора С.С. Гибса (ставшего контр-

адмиралом лишь 14 апреля 1789 г.), Г.А. Гребенщикова пишет о том, что «не случайно Екатерина II именно его назначила на такую ответственную должность – председателем призовой Комиссии в Сиракузах, поручила сформировать из арматоров легкую флотилию и осуществлять общее руководство ее действиями» («Российские флотилии...», с. 85). Однако при этом она забывает уточнить, что, согласно 5 пункту цитируемой ею же инструкции адмирала Грейга генерал-майору Гибсу, тот должен был временно, до прибытия на средиземноморский театр самого главнокомандующего, поступить в подчинение генерал-поручика И.А. Заборовского. Примечательно, что публикуемый Г.А. Гребенщиконой текст, преподносимый как «инструкция адмирала С.К. Грейга контр-адмиралу С.С. Гиббсу» («Российские флотилии...», с. 84–85), в действительности является своего рода рефератом этой инструкции, не разбитым, как подлинник, на пункты. Подлинная инструкция начинается со слов «Имянным Ея Императорского Величества высочайшим указом от 23-го числа сего мая месяца предписано мне...», а слова «во время бытности вашей в Венеции» относятся уже к 4 пункту, всего же их 12. Текст 5-го пункта, так же как ряд других пунктов, Гребенщиконой не приводится, что полностью искажает картину событий. Ну, а об искажении Г.А. Гребенщиконой чина С.С. Гибса на момент получения инструкции мы могли бы и не упоминать.

Не соответствует действительности утверждение Г.А. Гребенщиконой, будто «точное название Комиссии в документах архива Внешней политики Российской империи обозначено как «Российская Комиссия для исследования и признания законности делаемых арматором Ламбро Каццони добычей» («Российские флотилии...», с. 85–86). Призовая комиссия изначально учреждалась для рассмотрения законности призов всех каперов, а не одного Каццониса. Об этом говорит и упоминавшаяся выше инструкция адмирала Грейга Гибсу. Даже тот, существенно сокращенный и специфически отредактированный текст, который преподносится Г.А. Гребенщиконой в качестве инструкции, позволяет понять, что генерал-майору Гибсу предписывалось в Ливорно, Венеции, Неаполе выслушивать «жалобы на сих арматоров», в Сиракузах «назначить рандеву всем корсарам» и т.д. Разумеется, вопрос о том, существовало ли вообще у призовой комиссии «точное название» или же в различных бумагах она именовалась по-разному, требует особого рассмотрения. И хотя приводимый Г.А. Гребенщиконой вариант названия вполне может иметь место в отдельно взятых до-

кументах, составленных недоброжелателями Л. Каццониса, все же его имя, на деле, не определяло основное содержание деятельности комиссии, как это преподносит Г.А. Гребенщикова.

Об этом можно судить, исходя из приказа адмирала С.К. Грейга С.С. Гибсу – «арматоров собрать вам в одно место, учредить между ими надлежащий порядок и составить из них легкую флотилию для поиску над неприятелем», сказано в 1 пункте данной инструкции. Между тем, фантазируя, Г.А. Гребенщикова представляет дело так, будто Екатерина II едва ли не лично поручила именно генерал-майору Гибсу «сформировать из арматоров легкую флотилию» («Российские флотилии...», с. 85). Хотя в своей книге «Черноморский флот в период правления Екатерины II» Г.А. Гребенщикова обосновывала совершенно другое, опубликовав рескрипт императрицы адмиралу С.К. Грейгу от 5 июня 1788 года. В нем говорилось, что «имеющиеся в Средиземном море арматоры под нашим гюйсом, за неимением еще там морского начальства, причиняют иногда разные своевольства, и хотя уверены Мы, что министры Наши в Италии, а потом и генерал-поручик Заборовский не оставят исправить таковые поступки... постарайтесь прежде отплытия из Сицилии составить из оных арматоров особую легкую флотилию» («Черноморский флот...», с. 105). Таким образом, даже после назначения генерал-майора С.С. Гибса председателем призовой комиссии, поручения сформировать флотилию Екатерина II ему ни прямо, ни косвенно не давала, это дело поручалось лично адмиралу С.К. Грейгу, а на роль командующего флотилией ему предлагалось рассмотреть кандидатуру Г. Лоренцо.

Упомянув далее поездку С.С. Гибса по итальянским городам, Г.А. Гребенщикова пишет, что в Неаполе генерал получил от советника посольства «Андрея Италинского» (хотя у него было и отчество – Яковлевич) копии «новых жалоб, поступивших от правительства республики Рагуза “на арматоров секунд майора Ламбро Каццони и Спиридона Калегу”, и сообщил, что королевский двор Неаполя крайне недоволен действиями Каццони, который начал грабить уже неаполитанских купцов. Екатерина II дорожила дружбой с королем Неаполя, поэтому информация об обидах, причиненных его подданным, дополнившая протесты неаполитанского консула на острове Зейя Г. Пангало, переполняла чашу ее терпения» («Российские флотилии...», с. 86).

Этот пассаж весьма примечателен. Учитывая, что во второй половине июля 1788 г., во время посещения С.С. Гибсом Неаполя,

суда Л. Кацониса возвращались в Архипелаг после взятия острова Кастелоризо. Поэтому, заявление автора о каких-либо «новых жалобах» от «неаполитанских купцов» вызывает большое сомнение, ибо они не подтверждаются документами. На данный момент достоверно известно лишь о жалобе на Л. Кацониса «неаполитанского консула на острове Зея Г. Пангало», который при этом являлся подданным Оттоманской империи, был известным купцом. Фамилии же других «купцов», которые, якобы, были ограблены, пока неизвестны, а Г.А. Гребенщикова, обвиняя Л. Кацониса, их не называет. Однако ее заявления, без наличия конкретных фактов «об обидах, причиненных подданным» неаполитанского короля, подтвержденных документами, остаются голословными и выглядят надуманными.

Заметим также, что при ближайшем рассмотрении данного вопроса, достоверным оказывается лишь один случай «причинения обиды» Л. Кацонисом, – рагузинскому подданному «Якову Франциску». К тому же, при упоминании жалоб «правительства республики Рагуза» Кацонис оказывается в компании «Спиридона Калеги» (Калиги). Последний же, в самом скором времени, прибыл на своем судне в Сиракузы и поступил в подчинение С.С. Гибсу. Из документов генерала Гибса следует, что Калига явился «со взятою в приз от идриотов полякою. На корсера сего в Неаполе принесена была мне жалоба ...» (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 74). Таким образом, есть все основания сомневаться в том, что Г.А. Гребенщикова разобралась в обстоятельствах появления «новых жалоб», а в отсутствие полноценной публикации соответствующих документов АВПРИ, ее обвинения в адрес Л. Кацониса выглядят бездоказательными.

В этой связи возникает вопрос – откуда же Г.А. Гребенщикова взяла, что некая информация, касавшаяся Л. Кацониса, «переполняла чашу терпения» Екатерины II? Профессиональному историку в подобных случаях стоило бы привести какую-либо цитату из документов, подтверждающую такое серьезное заявление, или обосновать его какими-то соображениями, анализом поступков императрицы, иначе оно выглядит вымыслом. Вместе с тем заметим, что начиная с июня 1788 г. у императрицы едва ли было время и желание, чтобы негодовать по поводу действий капера в Средиземном море. Началась война со Швецией, и императрица Екатерина II, о чем свидетельствует множество источников, например, дневник А.В. Храповицкого, стала уделять основное внимание именно

этой, появившейся угрозе для столицы и империи. Наконец, именно июнем 1788 г. датируется документ о прощении Екатериной II майора Л. Кацониса за реквизицию денег у «Якова Франциска». Этот факт, прежде всего, и мешает верить в «переполнение чаши терпения», в котором убеждает читателя доктор исторических наук.

Рассказ Г.А. Гребенщиковой о переписке консула Д. Загурижского с П.М. Скавронским, датируемой августом 1788 г., создает впечатление, будто офицер Снурчевский был направлен «для поиска и взятия под стражу майора Кацониси», и что эта задача со временем не менялась. Однако рисуемая картина не соответствует действительности. Более того, есть все основания полагать, что Г.А. Гребенщикова искажает положение дел вполне осознанно. В архивном деле с перепиской С.С. Гибса (РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97), на которое Г.А. Гребенщикова неоднократно ссылается, сохранился рапорт Л. Кацониса генералу Гибсу, от 18 октября 1788 г. Именно в нем упоминается о его встрече со Снурчевским, во время которой капитан сообщил ему о депеше Д. Моцениго, от 12/23 августа, полученной им 13/24 сентября 1788 г. В указанной депеше говорилось о прощении императрицей майора Л. Кацониса «высочайшею своею грамотою от 22 числа прошедшего июня» (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 108–109).

Прочитав августовскую переписку консула Загурижского, Г.А. Гребенщикова заявляет, что «Кацони не выполнил повеления Екатерины II от 15 (26) мая о лишении его высочайшего патента и звания арматора, и приказа о запрещении плавать под российским флагом. Вместо этого 27-го июня он рапортовал ...» («Российские флотилии...», с. 87). Выше мы уже не раз отмечали, что Л. Кацонис не мог «выполнить повеления», о котором он не знал. В данном случае вся нелепость заявления Г.А. Гребенщиковой становится еще явственнее: она упрекает Л. Кацониса в неисполнении повеления, о котором и сам Д. Загурижский узнал на Занте незадолго до 20 августа 1788 г. Явно запутавшись, автор забывает, что сама пишет о событиях, предшествовавших данной августовской дате.

Казалось бы, доктор наук, да еще и специализирующийся на изучении событий XVIII в., должен представлять себе, сколько времени потребовалось курьеру, чтобы доставить высочайшее повеление «от 15 (26) мая» из Петербурга в Италию или в австрийский Триест. Исходя из возможностей того времени, капитан Снур-

чевский, надо полагать, стал первым, кто привез это повеление на Занте. Легко понять, что Л. Кацонис не мог узнать о повелении императрицы до своего возвращения на остров из похода к восточным берегам Средиземного моря. Тем более, он не мог нарушить этого повеления, когда отправлялся в этот поход, во время которого «27-го июня он рапортовал князю Г.А. Потемкину о взятии острова Кастеллорозо». Поэтому обвинение в адрес Кацониса в «неисполнении» является целиком надуманным, ничем не обоснованным, но неоднократно повторяется автором.

Заметим, что донесение от 27 июня 1788 г., направленное Г.А. Потемкину, дошло до адресата не ранее, чем через пару месяцев, а уж до Петербурга и того позже. Поэтому, вне зависимости от того, поверили в Зимнем Дворце этому донесению или нет, прощение, дарованное Екатериной II Кацонису 22 июня, явно не связано со взятием «острова Костелорзо». Заметим, что взята была пусть и небольшая, но крепость, вооруженная пушками, включая достаточно крупнокалиберные орудия, однако Г.А. Гребенщикова всячески стремится принизить этот успех российских каперов. О том, когда именно в Петербурге узнали об этом успехе, можно судить лишь примерно, исходя из даты обсуждения этого донесения в Государственном Совете – 2 октября 1788 г. (Архив Государственного Совета. Т. 1. Стлб. 614). Видимо, само известие прибыло в российскую столицу незадолго перед названным заседанием.

Разумеется, совершенно беспочвенными фантазиями являются удивительные рассуждения Г.А. Гребенщиковой о том, будто Л. Кацонис действовал, понимая «что над ним довлеют рагузские дела по незаконным захватам призов и есть приказ об отобрании патента» («Российские флотилии...», с. 87). Как уже неоднократно отмечалось выше, обо всем, что грозило ему в связи с «рагузскими делами», Кацонис узнал лишь после 20 сентября 1788 г., когда вернулся на Занте и получил письмо от капитана Снурчевского, поэтому руководствоваться красочно описанными автором чувствами и соображениями майор-грек просто не мог. Даже если предположить, что известие о лишении Л. Кацониса патента чудом разнеслось по всему Архипелагу, сразу после прибытия капитана Снурчевского на о. Занте, т.е. начиная с середины августа, то и в этом случае взятие крепости на о. Костелорзо 24 июня произошло значительно раньше прибытия на о. Занте посланца-капитана.

Описывая взятие этой крепости, Г.А. Гребенщикова называет ее «сторожевым постом», старательно обходя вопрос о на-

личии у этого «поста» крепостных стен, достаточно многочисленной артиллерии и подготовленного гарнизона. Сообщаемые же самим Л. Кацонисом данные Г.А. Гребенщикова замалчивает, хотя, несомненно, их знает. Так как письмо майора Л. Кацониса контр-адмиралу Н.С. Мордвинову от 31 октября 1788 г., в котором говорится, что «пушки с крепостцы, которые были способны, взял, а которые не были годны, бросил в море», автор, хотя и выборочно, но цитирует по материалам РГИА («Российские флотилии...», с. 67). Более того, письмо это опубликовано в «Архиве графов Мордвиновых» (Т. 1. С. 463) и у Ю.Д. Пряхина («Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов...», с. 273). Оба издания фигурируют у Г.А. Гребенщиковой в «списке источников и литературы», на них она также ссылается и в тексте «дополнения-монографии».

Допустим, что Г.А. Гребенщикова не верит словам Л. Кацониса. Однако профессиональному историку следовало бы убедиться в обоснованности своих подозрений. Однако никакой попытки сделать это мы у Г.А. Гребенщиковой не видим. Между тем, согласно показаниям одного из офицеров флотилии, А. Зена, крепость была вооружена 20 8-фунтовыми и 8 36-фунтовыми пушками. Последние по своему калибру существенно превосходили артиллерию судов каперской флотилии – позднее, при В.С. Томара, в качестве наибольшего калибра судов уже объединенной флотилии фигурировал 12-фунтовый. То обстоятельство, что крепость не была «сторожевым постом» подтверждает и независимый источник – публикация в итальянской «Gazzetta Universale» от 4 октября нового стиля 1788 г. Там Кастелорозо назван «замком» и сказано, что ключи от него турки передали Л. Кацонису после бомбардировки (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 103–104). Таким образом, все написанное Г.А. Гребенщиковой об «обычном сторожевом посте» и «беспрепятственной высадке вооруженных людей, которые напугали местное население» («Российские флотилии...», с. 87) не соответствует действительности, тогда как содержание донесения Л. Кацониса находит свое подтверждение в разных независимых источниках.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в книге «Черноморский флот в период правления Екатерины II» рассказ о «захвате сторожевого поста» проиллюстрирован современным снимком развалин «крепости на острове Kastelorizo» («Черноморский флот...» С. 126). Казалось бы, Г.А. Гребенщиковой стоило прочи-

тать собственную книгу внимательнее, присматриваясь к иллюстрациям, тем более, что на ошибочность утверждений, будто на Каstellоризо находился «сторожевой пост» ей указывали и авторы брошюры (Гертсос А., Николопулос И., Пряхин Ю.Д. «Ради установления истины...», с. 24–25), вполне доступным языком объяснившие, что речь идет о небольшой крепости, точнее, о замке рыцарей-иоаннитов. Однако, как видим, Г.А. Гребенщикова оказалась не в состоянии осмыслить даже те замечания, которые находят подтверждение и в ее собственной, более ранней публикации.

В связи с этим уже не так уж странно выглядит попытка Г.А. Гребенщиконой поставить под сомнение взятие крепости Каstellорзо, ссылаясь на разницу в числе пленных в бумагах Л. Кацониса – поначалу «до 500 душ», затем «1143 человека вместе с комендантом» («Российские флотилии...», с. 87). К сожалению, Г.А. Гребенщикова не уточняет, что во втором случае речь идет о документе, датированном 6 июня 1797 г., т.е. написанном спустя почти десятилетие после события.

Высказав свои сомнения насчет «Кастель Россо», Г.А. Гребенщикова возвращается к Х. Сапунцоглу, упоминая, что он «в свое время также не выполнил приказов Екатерины II и ее представителя во Флоренции графа Д. Моцениго» («Российские флотилии...», с. 87). Примечательно, что в данном случае она это «неисполнение» не драматизирует и никакими уничижительными эпитетами Х. Сапунцоглу не награждает. Более того, упоминая, что Сапунцоглу вооружил свое судно, она в данном случае замалчивает, чем именно он занимался все время до прихода в Сиракузы, и хотя позднее все же кратко и осторожно пишет об этом, но и тут искажает картину событий, о чем будет сказано далее, при анализе соответствующего раздела ее текста.

Удивительно, но когда Г.А. Гребенщикова цитирует рескрипт Екатерины II адмиралу С.К. Грейгу, от 5 июня 1788 г. («Российские флотилии...», с. 91), она явно не замечает, что текст документа, расходится с ее ранее изложенными утверждениями, что императрица поручила формирование каперской флотилии генерал-майору С.С. Гибсу, тогда как Екатерина II, в полном соответствии с иерархией чинов и должностей, предписала осуществить это адмиралу С.К. Грейгу, назначенному главнокомандующим на театре военных действий в Средиземноморье.

Далее по тексту Г.А. Гребенщикова вновь начинает обвинять Л. Кацониса в том, что он «игнорируя все предупреждения кон-

сулов, российского руководства и генерала И.А. Заборовского... прежде чем уйти в Триест, напал в Адриатике на судно, принадлежавшее мальтийскому подданному П. Целалиху, и ограбил его» («Российские флотилии...», с. 92). Анализируя данный абзац текста, приходится в который уже раз показывать всю надуманность очередного обвинения в адрес Л. Кацониса. Разоблачать очевидное, многократно напоминая автору, что до прибытия на о. Занте в конце сентября 1788 г. каперские суда Л. Кацониса постоянно находились в море, ходили к берегам Анатолии, поэтому ни о каких «предупреждениях» не знали и поэтому нарушить их не могли. Это надуманная, не обоснованная, многократно повторяемая фантазия доктора исторических наук, поражает своей иррациональностью. Ведь есть масса свидетельств того, что Л. Кацонис узнал о требованиях «консулов» и «руководства» лишь после того, как он их «нарушил». То есть по завершении боевой кампании 1788 года и возвращении в Триест.

Примечательно, что Г.А. Гребенщикова, уже неоднократно упомянувшая о незаконном захвате Л. Кацонисом судна «мальтийского подданного Петра Целалиха», почему-то сколько-нибудь точно так и не датировала его. Более того, сама попытка представить дело, будто Л. Кацонис «ограбил» «судно, принадлежавшее мальтийскому подданному П. Целалиху», вводит читателя в заблуждение. Прежде всего, следует отметить, что Г.А. Гребенщикова, хорошо знакомая с перепиской С.С. Гибса, утаивает от читателя обстоятельство, что Л. Кацонис судно самого «П. Целалиха» не оставивал и не грабил. Дело в том, что Целалих (Зелалик) был «мальтийским корсаром» и «судно с табаком» он захватил у турок, затем отправив его на Мальту. По пути этот приз встретился с судами Л. Кацониса, который и реквизирует его уже в свою пользу (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 116). Строго говоря, такой случай ни в одной из инструкций не предусматривался, поэтому и обвинять Л. Кацониса в «нарушении прав нейтральных» здесь не приходится. Фактически речь идет о том, что российский капер «обидел» мальтийского пирата, забрав его добычу – турецкое судно с грузом.

Примечательно, что упоминаемое Г.А. Гребенщиконой, со ссылкой на бумаги «мальтийского консула», «обольщение» Л. Кацонисом «некоторых из матросов капитана Целалиха» («Российские флотилии...», с. 92), видимо, состоялось именно потому, что управлявшие призом корсары Целалиха оказались опытными мо-

ряками и могли, при их согласии, принести в дальнейшем пользу каперским судам. Что касается «других матросов с захваченного судна», которых Л. Кацонис «насиленно вынуждал переходить к нему», то они, очевидно, являлись греками или албанцами из числа турецких подданных, входивших в команду судна под турецким флагом, захваченного Целалихом.

Дальнейшее повествование Г.А. Гребенщиковой перенасыщено пристрастными, надуманными оценками, и грешит многими неточностями, фантазиями, фальсификациями. Так, она вновь упоминает «флотилию австрийских корсаров», заявляя, будто «подвиги этих людей и заслуги Гвильермо Лоренцо остались в тени» («Российские флотилии...», с. 93). Однако уточнять, о какой «флотилии австрийских корсаров» и что именно совершили эти корсары, чтобы восполнить пробелы в наших знаниях, и на этот раз не спешит. Не соответствует истине и утверждение, будто в тени остались «заслуги Гвильермо Лоренцо». Этот мальтийский пират, поступивший на российскую службу и ставший подполковником (по другим источникам, капитаном 2 ранга), неоднократно упоминается как в отечественной, так и в зарубежной литературе, причем, зачастую наряду с Л. Кацонисом. Поэтому утверждения о забвении его имени не соответствуют истине. Вместе с тем, нельзя забывать о его отстранении от командования казенной флотилией в 1789 году, действиями которой он руководил в море менее трех месяцев, и тех оценок, которые дал ему главнокомандующий генерал-фельдмаршал Г.А. Потемкин в своих письмах Екатерине II.

Заявление, будто «с тех пор майор будет постоянно обвинять российских консулов и генералов, своих начальников, и писать на них доносы» («Российские флотилии...», с. 93) необоснованно, искажает действительность. К сожалению, Г.А. Гребенщикова утаивает от читателя тот факт, что в деле с перепиской С.С. Гибса сохранилось немало документов, которые тенденциозны, фактически являются доносами на Л. Кацониса. При этом, никакой попытки сопоставить число таких посланий с обеих сторон, глубоко проанализировать их Г.А. Гребенщикова не предпринимает. Учитывая же упоминаемые ею случаи «доносов» со стороны Л. Кацониса, можно прийти к выводу, что он в этом отношении явно уступал контр-адмиралу С.С. Гибсу и пытался в основном оправдаться, опровергнуть незаслуженные обвинения в свой адрес, заявлял о несправедливости к себе, об искажении и замалчивании результа-

тов боевой деятельности и заслуг судов его флотилии, об интригах в отношении себя и подчиненных ему офицеров.

Явно не отвечает истине заявление, будто «Екатерина II уполномочила В.Н. Мещерского оказывать содействие С.С. Гибсу и И.А. Заборовскому» («Российские флотилии...», с. 93). Не говоря уже о том, что императрица едва ли вообще вспоминала в те дни о В.Н. Мещерском, в научный оборот не введены документы, согласно которым она лично его «уполномочивала оказывать содействие». Однако перечисление автором начальников в регионе, которым, по утверждению Г.А. Гребенщиковой, императрицей уполномочивался помогать бригадир В.Н. Мещерский, может ввести читателя в заблуждение. Поэтому следует напомнить, что генерал-поручик И.А. Заборовский являлся главнокомандующим сухопутными силами на Средиземноморском театре, и до прибытия адмирала С.К. Грейга обязан был управлять также и наличными морскими, а точнее каперскими силами. Он являлся прямым начальником для всех должностных лиц в Средиземноморье, включая и генерал-майора С.С. Гибса. И об этом Г.А. Гребенщикова, несомненно, знает. Начальствовал И.А. Заборовский и над бригадиром князем В.Н. Мещерским, поэтому никаких «уполномочий» последнему со стороны императрицы не требовалось. Это непонятная фантазия автора.

Примечательно, что Г.А. Гребенщикова, упоминавшая как рескрипты императрицы адмиралу С.К. Грейгу, так и инструкции генерал-поручику И.А. Заборовскому и генерал-майору С.С. Гибсу, несомненно, знает, что В.Н. Мещерскому, наряду с А.К. Псаро, поручалось «отыскание во владениях тосканских корсиканцев в английской службе находившихся и отправление их в Сицилию». Что адмирал С.К. Грейг предписал С.С. Гибсу «явиться» к генерал-поручику И.А. Заборовскому и до своего прибытия «зависеть от его повеления во всех вопросах» и т.д.

Текст Г.А. Гребенщиковой об отношениях между В.Н. Мещерским и Л. Кацонисом, а также о предписаниях И.А. Заборовского Л. Кацонису неполон и во много недостоверен, и поэтому искажает реальную картину событий. Прежде всего, автор формулирует излагаемые материалы так, что у читателя может сложиться впечатление, будто бригадир князь В.Н. Мещерский действовал по непосредственным указаниям Екатерины II («строго следовал высочайшим инструкциям»). Однако это не так. В Триесте он выполнял распоряжения И.А. Заборовского, и именно генерал-пору-

чик является инициатором создания флотилии под командованием конкретно майора Л. Кацониса, а не других лиц (известно, что на командование флотилией особенно претендовал И.В. Войнович).

Упомянув ордер (на самом деле письмо) И.А. Заборовского Л. Кацонису, от 29 января 1789 г., Г.А. Гребенщикова заявляет, будто генерал-поручик этим документом предписывал Л. Кацонису «проследовать “прямо в Сиракузы под званием легкой российской флотилии”» («Российские флотилии...», с. 93). Однако такое предписание содержится в ордере от 23 января / 3 февраля 1789 г., в письме же от 29 января / 9 февраля 1789 г. И.А. Заборовский вызывал майора к себе «для личных со мною объяснений», которые потребовались ввиду дошедших до генерал-поручика известий от князя В.Н. Мещерского о том, что Л. Кацонис «объявил себя противником службы Ея Императорского Величества» (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 134–135). Однако важнее то, что Г.А. Гребенщикова умалчивает о последовавшем затем разрешении недоразумений и отстранении генералом И.А. Заборовским бригадира В.Н. Мещерского от всякого вмешательства в дела флотилии.

Примечательно, что на неполноту изложения и на существенное искажение истины при анализе событий, имевших место в начале 1789 г. в Триесте, связанных с Л. Кацонисом и князем В.Н. Мещерским, Г.А. Гребенщикова уже указывалось (см.: Гертсос А., Николопулос И., Пряхин Ю.Д. «Ради установления истины...», с. 37–38). Однако соответствующих выводов ею сделано не было. Между тем, то обстоятельство, что генерал-поручик И.А. Заборовский сделал окончательный выбор в пользу Л. Кацониса, показывает, что реальной альтернативы ему в качестве командующего флотилией генерал-поручик не видел еще и до их личной встречи. А после общения, ордера от 9/20 марта 1789 г., И.А. Заборовский отменил свои прежние распоряжения и предписал майору Л. Кацонису в должности командующего «российской Императорской флотилии» отправиться в море, следовать «прямо в Архипелаг не заходя в Сиракузу, дабы не упустить время, которым можно воспользоваться».

Таким образом, интрига, затеянная против Л. Кацониса, с целью отнять у него руководство флотилией, столкновение с бригадиром В.Н. Мещерским и попытка Л. Кацониса подать жалобу на него, а затем словесное заявление о готовности «отдаться под покровительство» австрийских властей, арест и заключение – все это

предшествовало активным управленческим действиям генерала И.А. Заборовского, которые он осуществил, как только узнал, что В.Н. Мещерский самовольно добился ареста Л. Кацониса австрийскими властями. Генерал-поручик потребовал немедленного освобождения майора из-под стражи, вызвал его к себе, а при личной встрече успокоил, изменил свои прежние приказы и доложил об этом по команде.

Утверждение Г.А. Гребенщиковой, будто «одной из причин провокационного поведения майора являлось ознакомление с ордерами Потемкина от 8 января 1789 года, в котором Потемкин отзывал Кацони из Триеста» («Российские флотилии...», с. 95), голословно и не соответствует истине, попросту очередная фантазия. Ордер Потемкина от 8 января не мог дойти до Триеста к середине того же месяца, когда, собственно, и разгорелся конфликт между майором Л. Кацонисом и бригадиром, князем В.Н. Мещерским.

Решительно ни на чем не основано, а потому надуманно, также и утверждение, будто «Потемкин хотел лично разобраться в ситуации и допросить майора на предмет поступавших на него жалоб и невыполнения высочайших распоряжений» («Российские флотилии...», с. 95). Ни в одном из документов нет точных указаний насчет причины данного вызова к главнокомандующему. Более того, текст ордера от 8 января 1789 г., заметим, давно опубликованный (МИРФ. Ч. XIII. С. 489), Г.А. Гребенщикова частично цитирует, ссылаясь на архивный материал (АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/8. Д. 2093. Л. 13). Даже из этой, ею самой приводимой цитаты видно, что светлейший князь вызывал майора к себе, чтобы дать ему «нужные наставления касательно возлагаемой на вас экспедиции», а не для того, чтобы «допрашивать» его «на предмет невыполнения высочайших распоряжений». Последнее вообще не представляется возможным, так как не было какого-либо «невыполнения высочайших распоряжений». К тому же, отзывал он майора временно, предписав сделать «потребные на случай отсутствия вашего распоряжения о судах», но не было приказа передать их под команду другого лица. Таким образом, версия Г.А. Гребенщиковой представляет собой чистой воды очередной домысел автора.

Не ограничиваясь этим, Г.А. Гребенщикова заявляет, что «Кацони и не выполнил приказа светлейшего и не поехал в Россию» («Российские флотилии...», с. 95). Однако если бы Л. Кацонис просто пренебрег приказанием светлейшего князя, то едва ли мог бы избежать его гнева и сурового наказания. Но никаких

следов подобной реакции главнокомандующего Г.А. Потемкина на действия Л. Кацониса мы не находим. От объяснений подобной терпимости, которая абсолютно была не свойственна светлейшему князю, обладавшему огромной властью, Г.А. Гребенщикова устраняется. Однако она утаивает от читателя то обстоятельство, что Л. Кацонис послал к Г.А. Потемкину своего человека, И. Забраханова, с письмом от 1 апреля 1789 г., в котором майор сообщил, что не может явиться, так как приказом генерала И.А. Заборовского послан в Архипелаг (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 149). Важно подчеркнуть, что письмо от 1 апреля сохранилось в архивном деле фонда РГАВМФ (Ф. 197. Оп. 1. Д. 69). На другие дела названного фонда Г.А. Гребенщикова неоднократно ссылается, разумеется, выбирая только те документы, которые свидетельствуют не в пользу Л. Кацониса.

При дальнейшем изложении Г.А. Гребенщикова неожиданно вновь заявляет, будто «теперь И.А. Заборовский уже не призывал Кацони к себе, а предписывал следовать прямо в Сиракузы, где генерал-майор Гиббс передаст ему секретные инструкции о том, как действовать дальше. Но Кацони в очередной раз проигнорировал приказ начальника» («Российские флотилии...», с. 96). Это, ничем не обоснованное, утверждение, а также и обвинение в адрес Л. Кацониса – фантазия автора, которая заставляет сомневаться в том, представляет ли Г.А. Гребенщикова последовательность описываемых ею событий? Более того, пытается ли она размышлять, анализируя те документы, которые сама же и цитирует? Ведь буквально через несколько страниц она приводит «секретный ордер, датированный 20 марта 1789 года», который был дан майору Л. Кацонису генералом И.А. Заборовским, в первом же пункте коего говорилось: «Выступив из Триеста, с возможною поспешностию следуйте прямо в Архипелаг, не заходя в Сиракузу, дабы не упустить времени» («Российские флотилии...», с. 102). Именно этот окончательный, заключительный приказ, полученный Л. Кацонисом, он с точностью и в полном объеме выполнил. Этот фрагмент текста заставляет задуматься. А ведает ли автор, что пишет, или же речь идет о целенаправленном искажении картины событий?

Описание автором действий князя В.Н. Мещерского не опирается на достоверные источники, поэтому нет объективного подтверждения словам Г.А. Гребенщиковой в тексте «дополнения-монографии», будто «Мещерский пытался спокойно объяснить» («Российские флотилии...», с. 95), или, что слова Л. Кацониса

«привели в смятение консула Варуку и князя Мещерского» («Российские флотилии...», с. 95). В данном случае Г.А. Гребенщикова фантазирует, опираясь лишь на собственные взгляды и представления, или руководствуется только словами и объяснениями В.Н. Мещерского, которые принимаются ею за истину безоговорочно, тогда как слова и объяснения Л. Кацониса оспариваются и отвергаются, как лживые. Между тем, подобный, двойственный подход (двойные стандарты) лишь отдаляет читателя от правды, от понимания всего произошедшего, от выявления его истинных причин и целей.

Говоря о негодовании моряков флотилии Л. Кацониса, возмущенных его арестом, Г.А. Гребенщикова пишет, что греки «кричали, что из Петербурга на имя Мещерского поступило 50 тысяч червонных, предназначенных на флотилию, но князь присвоил деньги себе». Описывая данную ситуацию, она создает впечатление недостоверности обвинений в адрес князя и преподносит выступление моряков как провокацию, устроенную Л. Кацонисом. Вместе с тем, утверждение бригадира В.Н. Мещерского о том, что он, якобы, заплатил те или иные суммы «за ремонт, расходы по снабжению флотилии» («Российские флотилии...», с. 96) преподносится как несомненная истина. Между тем, если в источниках нет подтверждения обвинений греческих моряков, то в равной степени нет и подтверждения заявлений В.Н. Мещерского. Однако зная о коррупции, процветавшей среди российских чиновников, включая военных, в конце XVIII в., совершенно отбрасывать версию о присвоении В.Н. Мещерским какой-то части средств, выделявшихся на ремонт и снаряжение флотилии Л. Кацониса, не проводя соответствующего исследования, едва ли разумно.

При наличии явной двойственности Г.А. Гребенщиковой в подходах и оценках причин случившегося, не приходится удивляться, что она, располагая всеми необходимыми сведениями для ответа, делает вид, будто не понимает, «почему на предмет получения жалования греки обратились не к своему непосредственному начальнику, а к князю Потемкину» («Российские флотилии...», с. 97). Казалось бы, трудно не понять, что в своем прошении греки описали ситуацию, сложившуюся в начале 1789 г., когда вместо продажи призов и раздела денег между моряками, Л. Кацонис направил основные средства на вооружение взятых судов, превращая их в боеспособные единицы флотилии. Естественно, он остро нуждался в дополнительных ассигнованиях на выплаты личному

составу, на ремонт, вооружение и снабжение судов перед их выходом в море в качестве «легкой российской флотилии», но из-за действий В.Н. Мещерского необходимых, ожидаемых средств не получил, а сам оказался за решеткой. Оценивая весьма непростую обстановку, в которой оказались команды и суда Л. Кацониса в Триесте, Г.А. Гребенщикова обвиняет во всем только майора Л. Кацониса и отрицает, при этом, едва ли не все положительное и разумное, что исходило от майора и его подчиненных. Поэтому она не принимает в расчет реальные трудности, нехватку средств на подготовку флотилии к очередной боевой кампании, наличие интриги, плетущейся вокруг Л. Кацониса и многое другое.

Следует в очередной раз отметить, что вопрос о конфликте, произошедшем в начале 1789 г. в Триесте неплохо изучен. В последние годы он достаточно полно рассматривался в книге профессора Ю.Д. Пряхина (Пряхин Ю.Д. «Ламброс Кацонис, личность, жизнь и деятельность, документы архивов...», с. 54–56), в брошюре, подготовленной греческими и российскими авторами с критикой серьезных ошибок монографии Г.А. Гребенщиковой «Черноморский флот в период правления Екатерины II» (Гертсос А., Николопулос И., Пряхин Ю.Д. «Ради установления истины...», с. 36–39).

Надо сказать, что по отношению к затрагиваемому периоду не отвечает истине заявление, будто Екатерина II «посылала» на нужды флотилии Л. Кацониса немалые суммы. Это надуманно. Императрица вообще ничего не «посылала на нужды флотилии». Все необходимые средства выделялись в распоряжение генерала И.А. Заборовского и только по его докладом. Эта, на первый взгляд, малозначимая деталь, на самом деле она имеет существенное значение, ибо Г.А. Гребенщикова пытается представить дело так, будто Екатерина II едва ли не лично интересовалась состоянием дел на флотилии Л. Кацониса и выделяла ему средства, а он в ответ только и занимался тем, что нарушал Высочайшие повеления императрицы. Налицо очередная попытка автора представить читателю грека-командующего в весьма неприглядном виде.

Нельзя не указать также на то, что в брошюре А. Гертсоса, И. Николопулоса и Ю.Д. Пряхина рассматриваются, в частности, и не в первый раз, выдвигаемые Г.А. Гребенщиковой обвинения в адрес Л. Кацониса в искажении сведений о численности личного состава флотилии. При рассмотрении этих обвинений видно, что Л. Кацонис, например, в письме Г.А. Потемкину от 30 октября 1788 г., говорил о том, что укомплектовал флотилию «с лишком

500-ми набранными волонтерами» (Гертсос А., Николопулос И., Пряхин Ю.Д. Ради установления истины ... С. 36). Поэтому, утверждение Г.А. Гребенщиковой, будто «теперь Кацони называет уже другую цифру – не тысячи греков, а пятьсот», применительно к началу 1789 г., измышление автора и не соответствует действительности. Такую численность он называл и прежде. Более того, само заявление Г.А. Гребенщиковой о том, будто Кацонис писал о «тысячах» греков, судя по всему, основано на неверном прочтении одного из документов.

Завершая в тексте «дополнения-монографии» пространное повествование о конфликте начала 1789 г., связанного с именем Л.Кацониса, Г.А. Гребенщикова почему-то возвращается к кампании 1788 г. и предлагает свои «выводы». К сожалению, не приняв, в соответствующих местах текста, должного анализа источников, упустив из вида множество существенных свидетельств различных документов, Г.А. Гребенщикова вновь фанатично отрицает достоверность донесений Л. Кацониса, его боевые заслуги, заявляя, что «имели место три боевых эпизода, из них два можно поставить под сомнение. Третий эпизод, связанный с взятием острова Кагель-Россо, вряд ли можно отнести к разряду эффективного боевого действия» («Российские флотилии...», с. 99). В отношении последних слов следует заметить, что пренебрежительный отзыв профессора о захвате Кагель Россо, который, якобы, «никакого урона живой и материальной силе противника не нанес», явно расходится как с оценкой этого события Государственным Советом, так и с цитируемым самой Г.А. Гребенщиковой «сообщением из Константинополя»: «Жители Родоса прислали к султану представителя с просьбой. Сообщая, что российские корсары взяли остров Кагель Россо и опасаясь такой же участи, требуют помощи. Порта приказала скоро погрузить два судна с амуницией и туда отправить» («Российские флотилии...», с. 87). Уж если этим, малозначимым, по мнению Гребенщиковой, захватом всерьез обеспокоились «жители Родоса», а Порта отправила туда «два судна с амуницией», то материальный урон налицо, не говоря уже и о серьезном моральном воздействии на жителей и турецкие гарнизоны многих островов Архипелага, явно почувствовавших реальную опасность от судов Л. Кацониса, их действий, причем, что важно, еще до появления казенной флотилии.

Завершив «анализ», Г.А. Гребенщикова, вновь, почему-то возвращается к рассказу о Х. Сапунцоглу и пишет, что «до вступления

в российскую казенную флотилию, захватил, по его словам, 16 октября 1788 года у побережья Кипра “две джирли турецкие, из коих одна была с сахаром, а другая с солью” и продал их капитану повстречавшемуся ему венецианского корабля» («Российские флотилии...», с. 99). Учитывая, что ссылается она при этом на архивные дела, сохранившие документы, связанные с действиями Х. Сапунцоглу (РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 90, 97), представляется странным, что о неоднократных захватах этим капитаном греческих судов (См. напр.: Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис... С. 87–89) Г.А. Гребенщикова старательно умалчивает. В захватах греческих судов ею гневно обвиняется только Л. Кацонис. Более того, что не менее странно, неоднократно сославшись на указанные архивные дела, Г.А. Гребенщикова не обратила внимания на то, что Х. Сапунцоглу прибыл в Сиракузы 14 сентября 1788 г., а затем был отправлен генерал-майором Гибсом на Мальту, куда пришел 21 сентября, и затем возвратился в Сиракузы (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 89, 92). То есть, к 16 октября 1788 г. он уже фактически находился в подчинении Гибсу, хотя казенная флотилия, действительно, еще не была создана. Но главное, лист дела, на которое ссылается Г.А. Гребенщикова (РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 90. Л. 87 об.) относится к «ответу» Сапунцоглу Гибсу, написанному, как можно понять, в Сиракузах именно 16 октября 1788 г. Таким образом, датировка Г.А. Гребенщиконой захватов, произведенных Сапунцоглу, представляется сомнительной.

Удивляет постоянная небрежность автора. Так, например, изложив вопрос о формировании казенной флотилии, хотя и неполно, но в целом верно, Г.А. Гребенщикова допускает досадные неточности и ошибки. Командир «фрегата Аббонданс», «Степан Телесницкий», фигурирующий без отчества – Михайлович, почему то назван капитаном 2 ранга («Российские флотилии...», с. 99), тогда как он и в то время, и позднее, вплоть до окончания боевых действий, оставался в лейтенантском чине. Эта, в целом, незначительная деталь привлекает внимание потому, что в тексте книги, на следующей же странице и далее, С. Телесницкий правильно именуется лейтенантом.

Удивляет двойной подход (двойной стандарт) автора при анализе исторических фактов, документов. Показательно в этом плане цитирование Г.А. Гребенщиконой отрывка из не датированного ею рапорта С.С. Гибса, в котором сообщается, что «с пакетбота Российского Орла, которым командует шкипер Христофор

Сапунцоглу, служители, взяв жалование, некоторые согласились прежде идти на фрегат к Телесницкому, а после отrekliсь, и все, кроме весьма малого числа оставили службу» («Российские флотилии...», с. 100), без каких-либо комментариев. Следует заметить, что в переписке контр-адмирала С.С. Гибса есть не одно упоминание о том, что моряки судов, входивших в состав казенной флотилии, нередко покидали их. Однако внимания этому неприятному явлению Г.А. Гребенщикова не уделяет и соответствующих выводов из сообщений адмирала не делает. В случаях же, когда это связано с уходом моряков с судов флотилии Л. Кацониса, она с возмущением заявляет, что «документы свидетельствуют, что ... греки, покинувшие флотилию Кацони в знак протеста против злодеяний, которые он совершал», отзывались о нем плохо («Российские флотилии...», с. 121).

Примечательно, что при этом Г.А. Гребенщикова не уточняет, сколько было подобных случаев, какое количество греков покинуло суда флотилии, каковы именно были причины их ухода, и чем вызваны их негативные отзывы о своем командующем, Л. Кацонисе? Соблюдая объективность, следует сказать, что автор все же показала один факт ухода личного состава с казенной флотилии, сообщив, что «двое подчиненных капитана Сапунцоглу не захотели с ним служить “по причине худых с ними обращений и удержания принадлежащих им денег”» («Российские флотилии...», с. 27). Однако и в этом случае Г.А. Гребенщикова не удержалась от искажения истины в нужном ей смысле. В действительности имел место уход не «двух подчиненных», а четырех: трех англичан – Д. Роджера, У. Дэвидсона, Д. Мелера, и албанца Е. Франковича, которые предоставили документы, разоблачающие незаконные, преступные, если исходить из критериев Г.А. Гребенщиконой, действия Х. Сапунцоглу во время каперства (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 83–91). Общее же количество матросов, покинувших судно Сапунцоглу, неизвестно. Разумеется, высказывания таких беглецов о своем капитане были ничуть не благопристойнее высказываний тех моряков, которые ушли от Кацониса. Во всех известных случаях, хотя причины ухода моряков с судов обеих российских флотилий были самыми различными, имело место выраженное в разной степени личное недовольство несвоевременной выплатой денег, отношениями в команде и с капитаном, неудовлетворенность бытовыми условиями. Особый упор на уход моряков от Л. Кацониса, якобы, из-за его отрицательных личных качеств

и из-за осуществляемых его судами «злодеяний», вывод, который Г.А. Гребенщикова навязывает читателю, искажает обстоятельства и причины фактов, действительно имевших место. Вместе с тем, исходя из архивных документов, уход моряков с судов флотилии Ламброса Кацониса был редким явлением.

Вводя в свое повествование англичанина «Георгия Шмита», Г.А. Гребенщикова называет его «мастером», ссылаясь на «рапорт контр-адмирала» («Российские флотилии...», с. 100), хотя на момент написания соответствующего документа (5/16 марта 1789 г.) С.С. Гибс был еще капитаном генерал-майорского ранга, а в контр-адмиралы произведен 14 апреля. Опять небрежность доктора наук, но главное – в его рапорте говорится лишь о том, что прибывшее из Ливорно судно «здесь килевал, пушки переменял и сколько возможно было исправил, благодаря за особенные труды в том англичанину Георгию Шмиту, которому позволил и надеть мундир» (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 151–152). Из этого перечня произведенных англичанином действий никак не следует, что Шмит был «мастером». Если же исходить из таблицы архивного дела, которую приводит и сама Г.А. Гребенщикова, то «англичанин Шмит» показан там как «корсер», «отправленный от Патрица из Ливорны» («Российские флотилии...», с. 90). Становится очевидным, что Шмит командовал упомянутым судном – шебекой «Минерва», которая прибыла из Ливорно (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 80–81), и он участвовал в ее ремонте именно в качестве командующего.

Далее по тексту, цитируя рапорт Гибса, Г.А. Гребенщикова приводит его слова о том, что он «греку Теодору Лаю», ранее перевозившему провизию для ожидавшейся российской эскадры, «за усердие его позволил ... ему надеть мундир офицерский» («Российские флотилии...», с. 100). Такой вольный подход к раздаче офицерских чинов профессора не смущает, действия же Л. Кацониса по данному вопросу, вызывая критику, резкое осуждение автора «дополнения-монографии», что, несомненно, является очевидным проявлением двойных стандартов. Тем более, что право принимать греков на службу и порядок производства в офицерские чины предоставил Л. Кацонису, ордером от 9/20 марта 1789 г., генерал-поручик И.А. Заборовский, о чем уже было сказано выше. Следует сказать, что когда произведенные в офицеры греки прибыли в Россию, их чины были подтверждены Государственной Военной Коллегией. По наблюдениям Р.В. Кондратенко, эти гре-

ки многие годы значились в списках, как получившие патенты на чин от Л. Кацониса. Так, например, в 1797 г. данный статус имели секунд-майоры Стати Качиони, Сотири Вальсамаки и ряд других офицеров бывшей флотилии (РГАВМФ. Ф. 245. Оп. 1. Л. 45–75).

Рассматривая действия каперских флотилий, Г.А. Гребенщикова, противореча написанному ею же ранее, неожиданно, как-то вскользь, с большим опозданием, упоминает все-таки, что «Екатерина II простила майора Кацони после того, как он доложил, что часть похищенных вещей вернул рагузскому судовладельцу» («Российские флотилии...», с. 102). Спрашивается, что мешало Г.А. Гребенщикоу писать правдиво с самого начала, вспомнить об этом прощении там, где она обвиняла Л. Кацониса в том, что он, якобы, не исполнял повеления Екатерины о лишении его каперского патента? Неужели автор не понимала, что новый указ императрицы о прощении отменял ее прежние повеления? Быть может, она запаматовала содержание текста, написанного ею ранее, свои прежние неоднократные заявления, целенаправленно дискредитирующие Л. Кацониса, и потому не озаботилась исправлением ошибки, или все же сделала это сознательно?

Удивляет реакция профессора Г.А. Гребенщикоу на цитируемый ею ордер И.А. Заборовского от 9/20 марта 1789 г. Она пишет: «При чтении этого ордера возникает недоумение, прежде всего, по причине его явного несоответствия с ордером от 29 января: получается, что генерал Заборовский противоречил сам себе и своим же приказам» («Российские флотилии...», с. 103). Однако нет ничего странного в том, что генерал, быть может, и не самый одаренный, но далеко не глупый, опытный военный руководитель и губернатор, сумел во всем разобраться и, осознав ошибочность своих прежних указаний, отменил их.

Зато стремление Г.А. Гребенщикоу объявлять те или иные пункты ордера Заборовского «уязвимыми» и «ошибочными» («Российские флотилии...», с. 104) весьма странно, заставляет сомневаться в научном уровне автора. Казалось бы, для историка, взявшегося за изучение событий Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., роль дульциниотов, а соответственно, и отношение к ним русского командования не должны быть тайной за семью печатями. Тем более, что Г.А. Гребенщикова ранее сама процитировала отрывок из упомянутого ордера, в котором сказано, что проходя «около острова Валлоны, где дульциниоты обыкновенно плавают с судами своими», Л. Кацонис должен был «испытать силу... хра-

бродости против сих неприятелей. Весьма бы было выгодно и полезно для оружия Ея Величества разбить их, ибо сие сделало бы некоторую диверсию в Боснии и немалое впечатление в народах нам неприязненных» («Российские флотилии...», с. 103).

Спрашивается, на каком основании доктор исторических наук пускается в рассуждения о том, что это приказание генерала Заборовского «большая ошибка»? Выдвигаемый ею аргумент, будто «Валлона находилась в Адриатике по соседству с нейтральными государствами» («Российские флотилии...», с. 104) непонятен, ни о чем не говорит. Разумеется, указанная часть албанских земель соседствует как с Ионическими островами, принадлежавшими Венецианской республике, так и с землями Королевства обеих Сицилий, но непонятно, почему такое соседство должно было препятствовать действиям против дульциниотов? Сама Г.А. Гребенщикова этого не поясняет и переходит к другому, предельно странному аргументу – надуманному заявлению, будто «Кацони воспользуется предоставленным ему карт-бланшем и станет нападать на суда дульциниотов, перевозивших мирные грузы, и убивать членов экипажа» («Российские флотилии...», с. 104). Никакого доказательства тому, что речь в ордере шла о судах, не «перевозивших мирные грузы», в распоряжении исследователей нет, да и Г.А. Гребенщикова их также не предъявляет. Между тем, генерал И.А. Заборовский не ограничивал действия майора Л. Кацониса, оговаривая, какие суда ему атаковать, а какие нет. Вместе с тем, важной целью падения было поставлено «сделать некоторую диверсию в Боснии» и произвести «немалое впечатление в народах нам неприязненных», что вполне достигалось захватом торговых судов, и это должна, казалось бы, понимать Г.А. Гребенщикова, сама процитировавшая эти слова.

Наконец, непонятно, почему исполнение Л. Кацонисом прямо-

Район Валлоны

го приказания И.А. Заборовского о нападении на дульциниотов у Валлоны Г.А. Гребенщикова связывает с тем, что «Кацони не соединится с Лоренцо и не пойдет к Дарданеллам» («Российские флотилии...», с. 104) и уверенно утверждает, будто «Кацони ордера Заборовского не выполнил»? Даже если предположить, что Г.А. Гребенщикова забыла содержание своей собственной книги «Черноморский флот в период правления Екатерины II» и не помнит, что в цитируемых ею там документах фигурируют причины, вызвавшие появление людей Кацониса в Трикере, расположенном севернее Негропонта. Тем более, что в «дополнении-монографии» она опять возвращается к данному документу – донесению консула Д. Загурижского в Коллегию иностранных дел от 22 мая 1790 г., и цитирует его, где сказано, что «капитан Андруц» потерял у Трикере своего брата «в прошлом году» («Российские флотилии...», с. 129).

Впрочем, заниматься глубоким изучением событий, связанных с действиями флотилии Л. Кацониса, Г.А. Гребенщиковой, видимо, настолько неинтересно, что о том, кто такой «капитан Андруц», она не задумывается. Причем, даже и тогда, когда цитирует не датированное ею донесение полномочного министра в Неаполе П.М. Скавронского вице-канцлеру И.А. Остерману, в котором сказано, что «майор Ламбро», «мая 5 (16) дня (1790 г. – Авт.), оставивши капитана Андруццо с четырьмястами албанцев в Зее, пошел со всеми своими судами к острову Андрос» («Российские флотилии...», с. 130). Между тем, есть все основания считать, что речь здесь идет об Андруццо Ливадити, командовавшем отрядом сухопутных войск при флотилии Л. Кацониса. И если предположение о появлении каких-то судов флотилии с десантом в заливе Воло, откуда в Константинополь поставлялся хлеб (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 207–208), верно, тогда говорить о «неисполнении ордера Заборовского» нет никаких оснований. Однако если даже такое предположение и ошибочно, то ордер своего начальника-генерала Л. Кацонис в значительной части все же исполнил – атаковал дульциниотов, пытался привлечь греков к действиям против турок, сражался с турецкими военными судами и активно воздействовал на торговое судоходство.

Видимо, для укрепления своей позиции в оценках личности и в отрицании заслуг полковника Ламброса Кацониса, Г.А. Гребенщикова без должного обоснования и своих комментариев, цитирует «донесение контр-адмирала С.С. Гиббса российскому по-

сланнику в Вене князю Д.М. Голицыну от 12 июня 1789 года», в котором, помимо жалоб на Л. Качониса, сказано, что он «не имеет права иметь помянутого воинского знака», т.е. «воинского флага», если находится «на основании, учрежденном для корсаров» («Российские флотилии...», с. 106). Между тем, это явное уклонение от истины. Ведь право поднять российский флаг майор Л. Качонис получил согласно патента, подписанного главнокомандующим, светлейшим князем Г.А. Потемкиным. Право, которое за ним было сохранено, а затем, фактически еще раз подтверждено ордером генерала И.А. Заборовским, о чем должна помнить Г.А. Гребенщикова, все-таки признавая, что Екатерина II простила майора, а генерал-поручик Заборовский присвоил его флотилии официальный статус «российской Императорской флотилии».

Когда Г.А. Гребенщикова пускается в рассуждения о том, что сам генерал И.А. Заборовский, уже после войны, в переписке с «Комиссией для свидетельства счетов и рассмотрения претензий по флотилии, бывшей в Средиземном море в последнюю с турками войну» (которую Г.А. Гребенщикова в своих публикациях как только не называет: и «Комиссия по делам Архипелагской флотилии в войну с Турцией», и «Комиссия о рассмотрении архипелажских дел», и «Комиссия по архипелагским делам», и «Российская Комиссия для исследования и признания законности делаемых арматором Ламбро Качони добычей») указывал, что «Ламбро Качони отправлен им был из Триеста с флотилиею в море совсем на арматорском правиле» («Российские флотилии...», с. 104), то забывает, что это «арматорское правило» касалось только содержания флотилии, причем, Качонису предоставлялось право оставлять себе все призы, не отчисляя каких-либо процентов.

Что же касается обвинений Г.А. Гребенщиковой Л. Качониса в том, что он «в казну ничего не вернул», то достаточно вспомнить разгром части его флотилии в 1792 г., чтобы понять бессмысленность таких нападок. Потерпев поражение и потеряв свое флагманское судно, подполковник Л. Качонис лишился большей части платежных средств, другой же значительной части средств он лишился с уходом принадлежавшего ему судна – сантии «Святая Елена. Ее генерал-майор В.С. Томара отправил на Черное море в составе уцелевших судов флотилии, а там она была «взята в казну». (Кондратенко Р.В. «Ламброс Качонис...», с. 339–340, 358).

Замечание доктора наук Г.А. Гребенщиковой, будто «большинство греческих корсаров, в том числе и сам начальник каперской

флотилии Ламбро Качони, не хотели воевать по цивилизованным правилам» («Российские флотилии...», с. 107) для историка, тем более, по ее утверждениям «почти двадцать лет профессионально занимавшегося историей Российского флота», выглядит крайне странным. Не только в XVIII в., но и в наши дни война – занятие бесчеловечное, весьма жестокое и кровавое, безжалостное и бескомпромиссное и, конечно, никаким «цивилизованным правилам» она никогда, по сути, не подчинялась. Утверждение же, будто Л. Качонис и моряки его флотилии «не хотели подчиняться начальству и предпочитали оставаться вольными арматорами» не соответствует действительности. Л. Качонис, как это впоследствии признавалось генерал-майором В.С. Томарой, строго следовал положениям ордера генерал-поручика И.А. Заборовского, позднее, он не оказывал сопротивления капитану генерал-майорского ранга А.К. Псаро и выполнял его приказания, также как и командиры судов его флотилии. Они, в отличие от моряков казенной флотилии, не устраивали бунтов против начальства и действовали отнюдь не как «вольные арматоры», а согласно приказам вышестоящих начальников, что в целом подтверждали и командующие, как капитан генерал-майорского ранга А.К. Псаро, так и генерал-майор В.С. Томара. Положение это сохранялось вплоть до окончания войны, и лишь после подписания мира полковник Л. Качонис, действительно, стал саботировать предписания своего тогдашнего начальника В.С. Томара. Он не подчинился его приказам и увел часть судов флотилии к берегам Мореи, решив самостоятельно продолжить вооруженную борьбу с Оттоманской Портой, за освобождение своего народа от османского ига, за воссоздание независимой Греции.

Процитировав всеподданнейшее донесение генерал-поручика И.А. Заборовского от 24 апреля 1789 г., в котором тот сообщал, что он с целью «не оставить свободного плаванья неприятельским судам в водах Архипелага ... видел необходимость обратить паки в море майора Ламбро Качони», Г.А. Гребенщикова цитирует затем и фрагменты «отчета из Константинополя от Я.И. Булгакова», полученного Д.М. Голицыным в Вене 28 марта (8 апреля) 1789 г., один из которых гласит, что турецкие власти «приготавливают эскадру на Белое море по получении известия, что там появилось 11 судов под нашим флагом, из коих главное о 48 пушках под командою славного Гвильгельмия» («Российские флотилии...», с. 107). Видимо, Г.А. Гребенщиковой, которая привела эту выдержку из дипломатического документа, кажется, что эта фраза доказывает

ведущую роль подполковника Г. Лоренцо в борьбе на морских коммуникациях противника. Однако в действительности дело обстояло совсем не так.

«Отчет», написанный Я.И. Булгаковым в заключении, по разнхарактерным сведениям и малодостоверным слухам, разными путями поступавшим в Семибашенный замок, в отношении российских каперов явно неточен, носит характер предположений. Причем, если то обстоятельство, что 50-пушечный фрегат «Фама» («La Fama») фигурирует в «отчете» как 48-пушечный, существенного значения не имеет, то динамика появления в Архипелаге каперских отрядов и флотилий, напротив, позволяет оценить достоверность полученных сведений. Если Г.А. Гребенщикова в своем тексте не ошиблась с датировкой «отчета», и он действительно попал в руки князя Д.М. Голицына «28 марта (8 апреля)», то можно с уверенностью говорить, что данное сообщение не соответствует истине. Первый отряд казенной флотилии, во главе с лейтенантом С.Я. Дешаплетом, состоявший из шести небольших судов, вышел из Сиракуз 2 марта 1789 г., позднее к нему присоединилось еще одно судно, а вот второй отряд, из трех фрегатов, под командованием Г. Лоренцо, лишь два месяца спустя – 3 мая, вышел в море (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 154, 163). Другими словами, если об отряде лейтенанта Дешаплета Я.И. Булгаков еще мог узнать приблизительно в середине марта, то об отряде Г. Лоренцо, с тем самым «главным» фрегатом, – нет. Это лишний раз показывает, насколько точны были такого рода донесения дипломатов, основанные на слухах, которым столь безоговорочно верит Г.А. Гребенщикова. Из выборочных цитат «отчета» не видно, говорилось ли в нем что-нибудь о флотилии Л. Кацониса и о действиях ее судов. Впрочем, она к тому времени еще не вышла из Триеста. Вторая боевая кампания для судов Л. Кацониса, теперь уже в ранге официально признанной флотилии, началась выходом из Триеста в море 8 апреля 1789 г. Поэтому, если точны даты, связанные с названным «отчетом», то о флотилии Л. Кацониса Я.И. Булгаков сведений мог и не иметь.

В тексте «дополнения-монографии», вслед за цитатами из «отчета» Булгакова Г.А. Гребенщикова упоминает ордер контр-адмирала С.С. Гибса Г. Лоренцо от 14 мая 1789 г., который датирован по новому стилю. Автор ссылается на дело о переписке Гибса, хотя там он имеет двойную датировку 3/14 мая, а из 14 пунктов данного ордера она кратко пересказывает только нужные ей 3 пун-

кта. Характерно, что Г.А. Гребенщикова утверждает, будто в названном документе, «в конце имеется приписка: “Майор Ламбро обязан из своих приобретений возратить казне те издержки, которые на вооружение судов его употреблены”» («Российские флотилии...», с. 107), тогда как в действительности подобные слова можно найти в пятом пункте данного ордера, где сказано: «Приобретенные флотилиею майора Ламбра, на основании предписанных правил, призы предоставляются в пользу майора Ламбра, который обязан из своих приобретений возратить казне те издержки, кои на вооружение судов его употреблены ...» (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 160).

Разумеется, забывает Г.А. Гребенщикова и уточнить, что «издержки казны» на вооружение судов флотилии Л. Кацониса – это те самые деньги, которые были потрачены по приказанию генерал-поручика И.А. Заборовского в Триесте, зимой 1788/89 гг., на ремонт, а затем и на снабжение их перед выходом в море, так как Л. Кацонис не стал тогда продавать призы, а ввел их в состав флотилии, поэтому собственными средствами не располагал.

В связи с выявленными искажениями в содержании документа, заслуживают особого внимания два обстоятельства: то, что Г.А. Гребенщикова предпочла утаить от читателя то положение ордера адмирала Гибса, которым лишний раз подтверждается, что взятые флотилией Кацониса «призы предоставляются в пользу майора Ламбра», без отчисления процентов, а также и то, что предложенная Г.А. Гребенщиконой датировка 14 мая делает еще более очевидным тот факт, что «отчет» Булгакова основан на слухах.

Очередная порция упреков Г.А. Гребенщиконой, на С. 108 текста ее «дополнения-монографии», в адрес Л. Кацониса выражена в том, что он «не выполнил мартовского ордера И.А. Заборовского. Майор не соединился с Лоренцо в назначенной точке randevu и не пошел вместе с ним к Дарданеллам» (Российские флотилии ... С. 108). На этот раз данное обвинение является уже откровенной фальсификацией. Причем, это очевидно даже согласно тем пунктам ордера от 9/20 марта, которые профессор Г.А. Гребенщикова сама уже цитировала. Майору Л. Кацонису предписывалось: «1-е. Выступив из Триеста, с возможною поспешностию следуйте прямо в Архипелаг, не заходя в Сиракузу, дабы не упустить времени. 2-е. Достигши Дарданелльского залива, займите линию...» («Российские флотилии...», с. 102). То есть, генерал И.А. Заборовский предписывал Л. Кацонису идти прямо в Архипелаг и оттуда к Дар-

данеллам, перед которыми «занять линию чрез Афонскую гору, Лемнос, Тенедос». О соединении с Г. Лоренцо в том же порядке третий пункт, опять же, цитировавшийся Г.А. Гребенщиковой, гласит, что суда флотилии Г. Лоренцо «отправясь из Сиракузы, поплывут также прямо к Дарданельскому заливу, дабы соединиться с вами. Я не обязываю вас действовать всегда с ним, ни его с вами, и как никто из вас не подчинен друг другу...» («Российские флотилии...», с. 102). Иначе говоря, Л. Кацонис не обязан был соединяться с флотилией Г. Лоренцо, равно как и последний с ним – это предоставлялось на их усмотрение. Что же касается «занятия линии», то этого, по сути дела, не исполнил ни один из командующих флотилиями, причем, по вполне объективной причине – из-за сильного противодействия флота турок.

Что касается критической оценки Г.А. Гребенщиковой перспектив выполнения предложенного Л. Кацонисом плана овладения о. Негропонт, который она датирует туманной фразой – «через некоторое время после получения высочайшего прощения», то здесь можно сказать лишь одно. Имеют место ошибочные представления автора о численном составе судов флотилии Кацониса, незнание о наличии при ней значительного отряда албанцев под командованием Андруццо Ливадити. А главное, сетуя о том, что Кацонис «не соединился с Лоренцо», она заведомо не принимает в расчет боевые возможности совместных действий двух флотилий, если бы они были целеустремлены командованием на захват о. Негропонта. Однако то обстоятельство, что на практике реального взаимодействия не получилось, еще не означает, что оно не могло быть достигнуто в принципе, особенно при наличии приказа, подписывающего флотилиям совместными усилиями взять названный остров. Если же допустить, что Г. Лоренцо действовал бы в рамках ордера генерала Заборовского, т.е. на условиях равноправности с Л. Кацонисом, а не пытался грубо, нахраписто и незаконно подчинить себе самолюбивого и гордого грека-командующего, знающего свои права, то возможности для взаимодействия, особенно при решении единых, согласованных задач, были бы более реальны. Вместе с тем, остров Негропонт (Эвбея) столь велик, что высадить там войска можно было бы вдали от турецких береговых укреплений, с последующей их блокадой, а может быть, и штурмом при поддержке корабельной артиллерии, что делало предложение Л. Кацониса вполне достижимым и реальным.

Таким образом, в данном случае необоснованным является

уверенное заявление автора, явно не специалиста по десантным операциям того времени, что план Л. Кацониса не реален, и безапелляционная характеристика его как «заведомо невыполнимого», не приняв при этом в расчет всех фактов и обстоятельств, связанных с возможностями его успешной реализации. Выглядит странным, что Г.А. Гребенщикова, работавшая с архивным делом по переписке контр-адмирала С.С. Гибса, уверенно пишет о том, что «для взятия такого крупного острова, как Негропонт требовались значительные военные средства и живая сила», а затем упоминает о высадке на о. Негропонт «в августе 1771 года ... около трех тысяч человек» («Российские флотилии...», с. 108). Вместе с тем, она умалчивает о том, что «в начале мая контр-адмиралу (С.С. Гибсу. – *Авт.*) довелось говорить с “греком Александром Царламба”, прибывшим от “капитана Андруццо, управляющего областью от Лепанта до Тебы, Негропонта и Воло”, якобы готового повести против турок 5000 своих подчиненных» (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 174). Так как «капитан Андруццо» вскоре присоединился к Кацонису, то возникает закономерный вопрос? Так ли уж неисполним был план атаки на о. Негропонт, разумеется, при должном к нему отношении и подготовке необходимых сил и средств? Или же подобная оценка профессора Г.А. Гребенщиковой, данная плану Л. Кацониса, на деле призвана лишний раз унижить, дискредитировать грека-командующего, отметая беспочвенно его разумное, перспективное предложение?

Повторное обращение Г.А. Гребенщиковой к рассмотренным уже действиям Л. Кацониса вновь заставляет задаваться вопросом – учитывает ли она цитируемые ею же самой документы при оценке событий? Как можно было, описывая нападение судов флотилии Л. Кацониса на дульциниотов, заявить, будто «это действительно являлось необходимостью, но непосредственно в зоне боевых действий, в Архипелаге и у Дарданелл, а не в Адриатике» («Российские флотилии...», с. 109). Ведь в пункте 8 ордера, цитируемого Г.А. Гребенщиковой, всего несколькими страницами выше, Л. Кацонису генерал-поручиком И.А. Заборовским была поставлена конкретная боевая задача и ее цели, определены место и время ее выполнения. Флотилия под командованием майора Л. Кацониса успешно выполнила боевую задачу, в точности исполнив требования ордера генерала И.А. Заборовского. Но как ни странно, именно это, чувствуется, и вызывает неприкрытое возмущение доктора исторических наук.

Кроме того, нам вновь приходится повторять, что в Средиземном море не было особой «зоны боевых действий», кроме тех мест, где в тот момент находились и решали поставленные им боевые задачи суда российских флотилий. Именно они, находясь на морских коммуникациях, и создавали «зону боевых действий».

Утверждение Г.А. Гребенщиковой, будто «в это же время греческий арматор Христуло, действовавший автономно, встретился в Архипелаге с турецкой шебекой и вступил с ней в бой» («Российские флотилии...», с. 109) не соответствует действительности. Пакетбот «Российский Орел», принадлежавший Христуло Сапунцоглу, 3 марта 1789 г. на самом деле, вышел в море как флагманский корабль отряда лейтенанта С.Я. Дешаплетта. Поэтому и заявление о том, что «пленную шебеку, как и положено, Христуло привел в Сиракузы, где присоединился к команде Гвильермо Лоренцо», явная фантазия автора, абсолютно не соответствующая истине. Казалось бы, Г.А. Гребенщикова должна глубоко знать предмет, так как ранее уже писала о Христофоре-Христуло Сапунцоглу, однако она предпочла грубо исказить истину. Доказательством этого, наряду с уже вышесказанными аргументами, могут, также, служить следующие неоспоримые факты: во время нападения флотилии Л. Кацониса на дульциниотов, в середине апреля 1789 г., фрегаты, составлявшие отряд Г. Лоренцо, находились еще на о. Мальта и в порту Мессина на о. Сицилия, где был и сам Г. Лоренцо, который покинул названный порт лишь спустя некоторое время (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...» С. 157–158, 193). В Сиракузе его не было, а судно Христуло, по-прежнему являлось флагманским кораблем в отряде лейтенанта С.Я. Душаплетта, и, конечно, не могло в это время присоединиться к команде Г. Лоренца в Сиракузе.

Примечательно, что серьезные сомнения в реальности данного боевого эпизода, будто бы имевшего место в боевых действиях «греческого арматора Христуло», уже высказывались в брошюре критиков Г.А. Гребенщиковой (Гертсос А., Николопулос И., Пряхин Ю.Д. «Ради установления истины...», с. 45–46). Так же как указывалось и на неоднозначность и неточности ее рассказа об «еще одном греческом корсаре с российским патентом – капитане корабля “Святой Иоанн Евангелист” А. Ликардопуло» («Российские флотилии...», с. 109), который назывался ею в числе наиболее отличившихся и успешных каперов, в противовес «лжецу» Л. Кацонису. А ведь, судя по архивным документам, этот капитан (Ан-

дрей-Фотино Ликардопуло) позднее командовал одним из судов флотилии Л. Кацониса и отличился, находясь именно в ее составе. Кстати, если бы Г.А. Гребенщикова, оценивала действия Ликардопуло во время его нахождения в казенной флотилии по тем же критериям, которые она применяет при оценке действий командиров судов Л. Кацониса, то действия судна Ликардопуло были бы, как минимум, признаны ею неправомерными и даже преступными. Однако явно запутавшись, она его всячески превозносит, не в пример Л. Кацонису, ставшему позднее его начальником.

Прочитывая далее в тексте всеподданнейшее донесение контр-адмирала С.С. Гибса от 11/22 августа 1789 г. об успешных действиях отрядов казенной флотилии, Г.А. Гребенщикова, видимо, для того, чтобы противопоставить их действиям флотилии Кацониса и усилить эти впечатления у читателей, сразу же в тексте приводит критический отзыв контр-адмирала С.С. Гибса на действия Л. Кацониса. Изыскивая способы дальнейшего очернительства Л. Кацониса и его подчиненных, автор использует, также, и результаты анализа переписки. Так, она с негодованием обращается к письму, а по ее словам, к «доносу матроса из флотилии Ламбро Кацони Анастасия Пангалая», в котором «он обвинял Лоренцо в том, что 24 июня того года недалеко от острова Сиро в Эгейском море он встретил турецкую эскадру, но побоялся ее атаковать и «безстыдно ретировался». А майор Ламбро, наоборот, «ободрил всех своих капитанов и служителей», храбро вступил в бой и разгромил турок. В этом же письме, по мнению Г.А. Гребенщиковой, «в доносе», Анастасий Пангалай, якобы, необоснованно обвинил Г. Лоренцо в жестоких преступлениях против мирных жителей острова Идро, в совершении моряками его судов грабежей и убийств «идриотов». Отвергая как лживые эти и другие данные из письма подчиненного Л. Кацониса, доктор наук Г.А. Гребенщикова пытается убедить читателя в бессовестном наговоре на Г. Лоренцо и его подчиненных, заявляя «при повторно проведенном автором этих строк объективном историческом расследовании никакими фактами не подтвержденное» («Российские флотилии...», с. 111–112).

Между тем, как и во множестве других случаев, это «объективное историческое расследование» при ближайшем рассмотрении оказывается несостоятельным. Так, например, отступление казенной флотилии Г. Лоренцо перед противником подтверждается всеми источниками, в том числе и теми, о которых Г.А. Гребенщикова

сознательно умалчивает, в частности, известным рапортом лейтенанта С.М. Телесницкого, писавшего о том, что казенная флотилия ретировалась. Для того же, чтобы понять, что на деле отступление затем не стало контратакой, достаточно всего лишь внимательно перечитать источники и, прежде всего, всеподданнейший рапорт контр-адмирала С.С. Гибса от 11/22 августа, написанный адмиралом со слов Г. Лоренцо. В нем адмирал сообщал о том, что Г. Лоренцо, якобы, сначала пытался «выиграть ветер» у турок, после чего вступил с ними в перестрелку, а затем «июня 25 дня исправясь и пустясь в след за неприятелем к острову Тину услышал в дали пальбу, и признав сие за сражение неприятеля с флотилиею майора Ламбра Кацони, умножил парусов, однако ж тихий ветер не позволил достигнуть того места» («Российские флотилии...», с. 113). Поэтому все написанное далее Г.А. Гребенщиковой по поводу сражения «24 июня» выглядит жалкой попыткой нарисовать героический образ Г. Лоренцо, причем, на деле далеко расходящийся с многочисленными данными архивных источников, включая и цитируемые ею же самой.

Что же касается высказанных матросом А. Пангалю, в адрес Г. Лоренцо, обвинений в «преступлениях против мирных жителей острова Идро», то само пребывание мальтийца на этом острове, как до, так и после упомянутого сражения, подтверждается рапортами самого Г. Лоренцо, финансовыми документами. А обстрел им «города Идро» – итальянским периодическим изданием «Gazzetta Universale» от 1 и 22 сентября 1789 г. (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 184–185). Таким образом, упомянутые и «проанализированные» Г.А. Гребенщиковой положения письма, по ее мнению, явного «доноса» со стороны подчиненного Л. Кацониса, «Анастасия Пангалая», на деле полностью подтверждаются фактами, изложенными в документах архивов.

Вообще все, написанное Г.А. Гребенщиковой по поводу сражения «24 июня», а в действительности 23–25 июня 1789 г., хотя и сопровождается цитированием источников, но преимущественно всеподданнейшего рапорта контр-адмирала С.С. Гибса. Этот документ объявлен ею единственно истинным, хотя нередко сопровождается комментариями автора, зачастую не соответствующими положениям даже самого этого документа. Предпринятый авторами брошюры анализ материалов в попытке установить, что же происходило на самом деле, позволяет заключить, что не соответствует истине и утверждение Г.А. Гребенщиковой, будто «началь-

ник арматоров Кацони не подчинился приказам контр-адмирала Гибса» («Российские флотилии...», с. 116). Это – явный наговор, потому что до сражения «24 июня» С.С. Гибс не отдавал никаких приказаний Л. Кацонису, который действовал исключительно в соответствии с орденом генерала И.А. Заборовского от 9/20 марта 1789 года.

Недоброжелательно настроенный по отношению к Л. Кацонису контр-адмирал С.С. Гибс во всеподданнейшем рапорте искажал истину, утверждая, будто майор «упустил соединиться», хотя тот вышел именно на соединение, но по пути вступил в бой с турками. Г. Лоренцо же в это время, даже по словам самого Гибса, до 25 июня не трогался с того места, куда успел отступить. Писал С.С. Гибс и о «непослушании» Кацониса, хотя согласно ордера генерала Заборовского оба начальника флотилии были равноправны, не зависели друг от друга и не обязывались действовать совместно, что предоставлялось на их усмотрение, обоюдное согласие и собственное понимание «пользы службы» и т.д.

Не отвечает истине утверждение Г.А. Гребенщиковой, будто контр-адмирал Гибс «привык выполнять приказы», в то время как после смещения его в 1790 г. с занимаемого им поста, он не подчинился приказанию явиться в Россию. Под разными благовидными предлогами он больше года проживал в Италии. Фантазией автора и явным искажением действительности является попытка Г.А. Гребенщиковой представить дело так, будто согласно «четким повелениям Екатерины II» существовала всего одна – казенная флотилия, под командованием Г. Лоренцо. Между тем как флотилий фактически было две. Причем, как до отъезда генерал-поручика Заборовского, так и после того, как он покинул Италию и убыл в Санкт-Петербург. Единственное, что изменилось, причем, уже в декабре 1789 г., после сражения «24 июня», так это официальное подчинение обеих флотилий контр-адмиралу С.С. Гибсу.

Примечательно, что сам Гибс, во всеподданнейшем рапорте от 19 декабря 1789 г. писал: «Что принадлежит до флотилии майора Ламбро Качони, во оной почитаю я только два ему принадлежащих фрегата, купеческого строения судна, прочие, малое число судов, его флотилию составляющих, принадлежит грекам...» (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 234). Таким образом, существование отдельной флотилии Ламброса Кацониса контр-адмирал С.С. Гибс подтверждает уже после того, как получил Высочайшее повеление об утверждении его командующим обеими

флотилиями. И такое подтверждение не единично. Так, 7 июня 1790 г. контр-адмирал сообщил, что «Ламбро... старался отдаляться от соединения с казенною флотилиею», тем самым признавая обособленность соединения Л. Кацониса (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 234). Но, несмотря на множество документов, находящихся в известном Г.А. Гребенщиковой деле по переписке Гибса, она упорно пытается нарисовать нужную ей картину истории, зная, конечно, что она не соответствует истине. Так, автор, несколько не смущаясь, публично утверждает, что флотилия подполковника Л. Кацониса в 1789 г. уже перестала существовать. На самом деле, обе флотилии объединились воедино лишь после замены контр-адмирала С.С. Гибса генерал-майором В.С. Томара, а в общее командование объединенной флотилией вступил уже произведенный Екатериной II в чин полковника Ламброс Кацонис.

По свидетельству генерал-майора В.С. Томара: «Г-на генерал-майора Псаро застал я с четырьмя судами казенной флотилии при острове Итака. Все прочие суда казенной и вольной флотилии были в крейсировании в Архипелаге... соединение обеих флотилий было главным предметом моего отправления от покойного фельдмаршала» (Архив графов Мордвиновых. Т. 2. С. 405). Однако Г.А. Гребенщикова слова последнего начальника из числа тех, кто руководил в годы Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. морскими силами в Средиземноморье, вполне сознательно утаивает от читателя. С завидным упорством стремится скрыть, отвергнуть заслуги полковника и кавалера Ламброса Кацониса в данной войне, и тем, видимо, утвердить свое «особое» мнение, сочинить и преподнести грекам и россиянам некую «горькую правду» о действиях российских флотилий, о боевой деятельности и заслугах национального героя Греции, российского полковника и кавалера Ламброса Кацониса.

Заметим, что контр-адмирал С.С. Гибс, судя по всему, лишился своего поста потому, что оказался не в состоянии руководить своими подчиненными, а вместо этого активно интриговал против Л. Кацониса, засыпая Петербург жалобами на него. Это, правда, лишь косвенно, признает и профессор Г.А. Гребенщикова, упоминающая как «в августе 1789 года контр-адмирал Гибс отправил графу А.А. Безбородко несколько рапортов», порочащих Л. Кацониса («Российские флотилии...», с. 117).

Видимо, продолжая нужную ей тему, на очередных страницах своего текста Г.А. Гребенщикова вновь заявляет, будто Л. Кацо-

нис нарушил Морской устав. При этом она, как и прежде, уклоняется от истины, заставляя своих рецензентов возвращаться, к многократно рассмотренному вопросу. Приходится в очередной раз отметить, что нормы Морского устава, регулировавшие службу моряков регулярного флота, на каперов не распространялись. Не подпадал под них и лично Л. Кацонис, как пехотный офицер. Отчасти поэтому, контр-адмирал Гибс, оказавшийся не в состоянии подчинить себе Л. Кацониса, был вынужден апеллировать к высшему начальству и к самой императрице. Примечательно, что Екатерина II предпочла сместить незадачливого адмирала, поручив верховное командование всеми силами на Средиземном море генерал-фельдмаршалу Г.А. Потемкину, а тот отправил туда свое доверенное лицо – генерал-майора В.С. Томара. Произведенный в полковники Л. Кацонис не только сохранил должность, но и принял командование соединенными флотилиями, что лишний раз показывает отношение к нему первых лиц государства.

К сожалению, осознать все это профессор Г.А. Гребенщикова оказалась не в состоянии. Думается, поэтому она и не смогла объяснить, почему же, несмотря на то, что «в отчетах графу А.А. Безбородко Гибс докладывал о ситуации в Архипелаге, о том беспорядке, который ежедневно происходит от действий майора Кацониса и о его совершенно недопустимых поступках» («Российские флотилии...», с. 118), к суровым наказаниям Л. Кацониса в Петербурге так и не прибегли, а отстранили от должности его начальника, контр-адмирала Гибса. Судя по всему, не осознала Г.А. Гребенщикова и того, что С.С. Гибс и его единомышленники среди подчиненных, прежде всего, генерал майор А.К. Псаро, создавали видимость многочисленных «нарушений» Л. Кацонисом некоего порядка, раздувая до невероятных размеров и многократно упоминая все несколько случаев нарушений. Так, постоянные сетования на «разорение обывателей» в действительности подразумевают, в том числе, и реквизицию провизии и дров у вице-консула Г. Пангалиса и нескольких других богатых жителей о. Зеа, и другие действия по обеспечению жизнедеятельности экипажей судов, поддержанию их в боеготовом состоянии, к действиям на коммуникациях турок.

Надо сказать, что наряду с многочисленными ошибками и намеренными искажениями истины, «дополнение-монография» Г.А. Гребенщиковой не лишено и нескольких правдоподобных заключений. Так, автор предполагает, что за фразой контр-адмирала Гибса, писавшего, будто Л. Кацонис заявил, «что он одного из

таковых, как я, выжил уже из здешних стран», последний «имел в виду князя Василия Мещерского» («Российские флотилии...», с. 119), это, возможно, близко к истине. Впрочем, В.Н. Мещерский тогда имел чин бригадира, а контр-адмирал Гибс в письме А.С. Мордвинову от 3/14 октября 1789 г. и от 5 сентября того же года к президенту Коллегии иностранных дел А.А. Безбородко, видимо уточняя, изложил эту фразу иначе: «...Одного генерала выжил уже из здешних стран...», что заставляет подозревать здесь интригу, опиравшуюся отнюдь не на действительные слова, сказанные Л.Кацонисом (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 222).

Высказав свое предположение, Г.А. Гребенщикова тут же без комментария излагает слова контр-адмирала С.С. Гибса, который «настойчиво просил главу коллегии Иностранных дел выслать инструкции, как ему относиться к Кацони, в каком статусе он находится, потому что самовольно называл себя начальником не корсарской, а казенной императорской флотилией хотя Гибсу и Лоренцо не подчинялся» («Российские флотилии...», с. 119). Здесь заслуживают внимания слова адмирала «самовольно называл» и «хотя не подчинялся». То, что Г.А. Гребенщикова их не поясняет, весьма показательно, так как независимых подтверждений тому, что Л. Кацонис называл себя начальником именно «казенной» флотилии, нет. Более того, сама Г.А. Гребенщикова цитировала ордер В.Н. Мещерского Л. Кацонису от 14/25 января 1789 г., правда, выдавая его за «ордер Заборовского от 29 января», в котором майору предписывалось следовать «прямо в Сиракузы под званием легкой российской флотилии» («Российские флотилии...», с. 119), но никак не «корсарской». Стало быть, ни о каком самовольстве Л. Кацониса при обозначении статуса флотилии речи быть не может. Ее статус – «российская Императорская флотилия», был официально определен многократно приводимым в данном тексте ордером генерала Заборовского. К слову, именно это признание и давало Л. Кацонису право поднимать российский флаг на всех судах флотилии. Что же касается подчинения, то никакого подтверждения тому, что Л. Кацонис не подчинялся контр-адмиралу Гибсу, кроме слов последнего, нет. А о подчинении Г. Лоренцо, ввиду положений ордера Заборовского от 9/20 марта 1789 г., не могло быть речи – оба командующих флотилиями являлись равноправными и независимыми друг от друга.

Упомянув протест французского посланника Л.-Ф. Сегюра по

поводу захвата моряками флотилии Кацониса судна «французских подданных» «в августе 1789 года», Г.А. Гребенщикова надуманно утверждает, будто «Екатерина II не могла допустить повторения ситуации с французами как в прошлую войну» («Российские флотилии...», с. 119). При этом она забывает уточнить, что в действительности «повторения ситуации» и не могло быть, что, надо полагать, понимала и Екатерина II: именно в августе 1789 г. восставшее население Парижа овладело Бастилией, а королевская власть пошатнулась. В октябре же 1791 г. императрица подписала конвенцию со Швецией, предполагавшую участие России в формировании экспедиционного корпуса для подавления французской революции.

Не соответствует истине утверждение Г.А. Гребенщиконой, будто в 1789 г. имел место «категорический отказ полковника Кацони выполнять приказы командования в Архипелаге» («Российские флотилии...», с. 119). Никаких документальных подтверждений «отказа» не найдено. С выходом в море в апреле 1789 г. Л. Кацонис в точности исполнял ордер И.А. Заборовского от 9/20 марта, который так и оставался единственным документом, определявшим его задачи и права, даже после отъезда генерал-поручика, так как этого ордера никто официально не отменял. Другое дело – не все пункты этого ордера, прежде всего, предписание «занять линию» перекрывавшую подступы к Дарданеллам, Л. Кацонис сумел исполнить, однако в этом отношении он не отличался от командовавшего казенной флотилией Г.Лоренцо, которого автор, за это же самое упущение, почему то критике не подвергает.

Удивительной представляется интерпретация Г.А. Гребенщиконой итогов «весенне-летней кампании российской казенной флотилии» 1789 года. По ее словам, «успешные действия моряков» под командованием Г. Лоренца «привели к смене паши полуострова Мореи. Султан Селим III назначил в Морею нового пашу, которого специально для этого вызвал из Боснии. Прибыв в Морею, паша “лишил жизни четырех главнейших деев греческих”, а остальным грекам пригрозил, что убьет еще нескольких, если они будут плохо воевать на стороне Турции. Многие греки бежали из Мореи» («Российские флотилии...», с. 119). Другими словами, по ее утверждению, успех казенной флотилии привел к репрессированию греческой знати и ужесточению оккупационного режима, вызвавшему массовую эмиграцию греков. Но если это действительно так, то стоило ли доктору Г.А. Гребенщиконой тратить так много

слов на очернительство Ламброса Кацониса, для объявления его преступником, грабящим и убивающим своих соотечественников-греков?

Между тем, сказанное Г.А. Гребенщиковой не стыкуется, даже противоречит утверждениям С.С. Гибса, цитируемого ею в следующем же абзаце текста «дополнения-монографии». Она приводит слова контр-адмирала о том, что своими действиями Г. Лоренцо «не подал ни малейшего случая к оскорблению и к неудовольствию находившимся в команде его, ни к жалобам на него народов нейтральных и греческих, но приобрел себе похвалу в показании оным всевозможной помощи» («Российские флотилии...», с. 119). Однако явного противоречия, возникшего в тексте «дополнения-монографии», Г.А. Гребенщикова почему-то не замечает и не пытается объяснить нестыковку, видимо, оставляя на долю читателя поиск и выбор той стороны, которая, на их взгляд, искажает истину, историческую правду.

Далее в тексте, Г.А. Гребенщикова публикует тенденциозный «Отчет Ивана Базилевича контр-адмиралу С.С. Гибсу от 30 июля 1789 года», представляющий собой бесчестный навет, видимо, затем составивший основу некоторых, более поздних жалоб контр-адмирала Гибса. Именно слова Базилевича о том, что Л. Кацонис греков «разоряет столь безчеловечно, что все в Архипелаге вопиют на него», судя по всему, повторялись адмиралом Гибсом, например, «в отчетах графу А.А. Безбородко», где утверждалось, что Кацонис «разорил обывателей довольно число» («Российские флотилии...», с. 119, 120). Показательно, что из упоминавшегося выше письма «Анастасия Пангалая», с обличением Г. Лоренцо, Г.А. Гребенщикова процитировала лишь незначительный фрагмент, объявив его «доносом». Налицо двойная мораль (двойной стандарт) и весьма избирательный подход к источникам, подбор и ссылка лишь на определенные архивные документы, что удаляет от истины, но создает видимость подтверждения избранной автором позиции. Примечательно, что Г.А. Гребенщикова не принимает во внимание, не интересуется тем обстоятельством, что по ее же данным «отчет» И. Базилевича, который некоторое время являлся секретарем, по сути, доверенным лицом Л. Кацониса, а затем порвал с ним личные и служебные отношения, датирован 30 июля 1789 г. Это дает основание предполагать, что «отчет» предшествовал письму «Анастасия Пангалая», датируемому «концом лета 1789 г.».

Что же касается «преступных действий» Кацониса, то при внимательном чтении «отчета» И. Базилевича оказывается, что он обвинял своего бывшего начальника в том, что у того «не было порядка в службе», в «гордости и славолубии», в «разорении греков», в «битии линьками идриотов», в казни турка, «якобы притворившегося сумасшедшим», в переманивании к себе людей из казенной флотилии, в намерении повесить сыновей некоего примата, агитировавшего против Л. Кацониса. Приписывать майору убийства, совершенные его подчиненными при аресте этих сыновей, невозможно, так как, по словам самого И. Базилевича, Л. Кацонис «послал туда своего офицера и тридцать человек арнаутов с тем, чтоб оного примата привезти к нему» («Российские флотилии...», с. 120), т.е. для ареста, а не для убийства.

Вместе с тем, весьма важные сведения, фактически опровергающие настойчивые попытки Г.А. Гребенщиковой представить Л. Кацониса «обычным пиратом», заключаются именно в словах И. Базилевича. Удивительно, но именно эти самые слова, видимо, не вдумываясь в их смысл, приводит сама автор, что у «майора Ламбро главное намерение и ежеминутные мысли приглася греческий народ к возмущению, возвратить от турок греческое царство и потом зделаться первенствующим» («Российские флотилии...», с. 121). Собственно, именно об этом и пишут многие исследователи, всерьез занимавшиеся биографией Л. Кацониса, включая Г.Л. Арша, Ю.Д. Пряхина, Паноса Стаму и других. Ламброс Кацонис, действительно, думал и боролся за освобождение Греции от турецкого ига и делал для этого все возможное постоянно и целеустремленно. При этом он стремился использовать все возможности и предпринимать все действия, которые в его понимании были обязательными, и добиваться избранной цели во что бы то ни стало.

Дальнейшие попытки Г.А. Гребенщиковой объявить, что «честные греки считали его “мятежником и злодеем”, который вознамерился “стать князем в какой либо области Греции ...”» («Российские флотилии...», с. 121), уже настолько выходят за рамки науки, что не требуют серьезных комментариев. Тем не менее, заметим, что методикой определения «честности» греков Г.А. Гребенщикова, к сожалению, с читателем не поделилась. Учитывая же множество отступлений самого автора от истины, прямых фальсификаций: политической обстановки, боевых действий в Средиземноморье, содержания архивных документов, многочисленных

ошибок, допущенных ею самой, трудно теперь поверить в добросовестность Г.А. Гребенщиковой, в достоверность и точность приводимых ею данных, в научную обоснованность ее позиции. Поэтому в содержании заявлений и оценок «честных греков», приведенных автором, можно усомниться, особенно если учесть, что до 1792 г. называть российского офицера Л. Кацониса «мятежником» даже и у «честных греков» не было никаких оснований. Разумеется, если не предполагать, что «честные» греки беспокоились о сохранении турецкого владычества, против которого выступал Кацонис. Поэтому помещать в текст эти надуманные утверждения, при описании событий боевой кампании 1789 г., значит рисовать заведомо искаженную, ложную картину событий, зачем-то, видимо, нужную автору.

Весьма далеки от истины утверждения Г.А. Гребенщиковой, будто «за подобные преступления, какие совершал Л. Кацони, офицеров всегда предавали суду: за нарушение Морского Устава, за разбой на море и жестокое обращение с пленными, за неподчинение начальству и самовольные действия в условиях военного времени, за саботаж приказов» («Российские флотилии...», с. 121). Здесь мы, в который уже раз, вынуждены напомнить, что Л. Кацонис не мог нарушать Морской Устав, так как тот не имел к нему никакого отношения, не проявлял он и явного неподчинения начальству, равно как неких «самовольных действий», особенно если учесть широкие полномочия, предоставленные ему И.А. Заборовским.

Затем, Г.А. Гребенщикова почему-то умалчивает, что ряд перечисленных ею деяний, совершенных другими офицерами, и среди них нарушения Морского устава и неисполнение приказов, оставалось безо всякого внимания со стороны начальства. Далеко за примерами ходить не нужно, достаточно вспомнить упорное неисполнение контр-адмиралом С.С. Гибсом приказа главнокомандующего Г.А. Потемкина вернуться в Россию, или безнаказанность лейтенанта С.М. Телесницкого, несмотря на то, что капитан генерал-майорского ранга А.К. Псаро уличил его в продаже казенного имущества (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 251, 263).

Рассуждения Г.А. Гребенщиковой насчет использования Ю.Д. Пряхиным и П. Стаму только рапортов Л. Кацониса не соответствуют действительности. Оставляя в стороне работы П. Стаму, написанные преимущественно на греческом языке и отечествен-

ному читателю недоступные, скажем лишь о трудах Ю.Д. Пряхина, опирающихся на материалы нескольких архивов (РГАВМФ, РГИА, РГВИА) и опубликованные документы, исходившие как от Л. Кацониса, так и его начальников: от И.А. Заборовского, Г.А. Потемкина, С.С. Гибса, В.С. Томара и других лиц. Стоит лишь заглянуть в приложение к книге Ю.Д. Пряхина «Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов» и ознакомиться с опубликованными там 165-ю архивными документами. А так как профессор Г.А. Гребенщикова это приложение в своем «дополнении-монографии» упоминает, то приходится вновь констатировать, что она, мягко говоря, и здесь намеренно искажает истину.

Надо сказать, что в отличие от вышеупомянутых исследователей, измышления Г.А. Гребенщиковой зачастую противоречат ей же цитируемым документам. Происходит это потому, что документы ею глубоко не осмысливаются. Неверно или целенаправленно истолкованные документы, их фрагменты, нередко привлекаются автором для подкрепления разных измышлений. При этом содержание и значение некоторых документов недооцениваются, ложно трактуются, а другие, наоборот, переоцениваются, а их достоверность абсолютизируется. Как можно судить по данной публикации, да и по предыдущим работам автора, ею переоцениваются, как правило, донесения российских дипломатов. Удивительно, но Г.А. Гребенщикова не дифференцирует бумаги, исходящие от дипломатических представителей разного ранга, хотя степень их достоверности весьма различна. Так, зачастую донесения дипломатических агентов опираются на информацию, поступавшую, например, от А.К. Псаро или С.С. Гибса, других должностных лиц морского и военного ведомства, а в основном основывалась на слухах, циркулировавших в местах аккредитации или нахождения различных российских дипломатических представителей, прежде всего, консулов.

В этом легко убедиться, перечитывая такие донесения. Бросятся в глаза, что подавляющее большинство сведений в них излагается с чужих слов, причем, у консулов, зачастую, без каких-либо конкретных сведений об источнике, без должной проверки достоверности, а у министров, нередко, по донесениям этих консулов. Весьма странно, что сама Г.А. Гребенщикова не испытывает сомнений когда цитирует, например, упоминавшиеся выше донесения консула Варуки, который сам, называя источники информации, сообщал об их случайности, например: «...Через прибывшего

сюда из Смирны венецианского шкипера известился». Странно, когда автор безоговорочно верит красочным рассказам консула Загурижского о «сражении 24 июня», которое происходило за сотни миль от о. Занте. Ведь историкам давно известно, что многое, что выходило тогда из под пера консулов, в большинстве случаев, написано с чужих слов, причем, до этого последовательно передававшихся от человека к человеку, которые сами слышали что-то от третьих лиц, также не являвшихся участниками и свидетелями событий. Но даже опора на сведения от непосредственных участников сражения не дает объективной картины, тем более когда эти сведения не задокументированы должным образом, а передаются произвольно.

Разумеется, для определения степени достоверности донесений, получаемых от дипломатических агентов России в странах Средиземноморья в период войны 1787–1791 гг. следовало бы провести отдельное исследование, но и без него, ориентируясь на опубликованные материалы, можно усомниться в надежности и абсолютной точности изложенных в них фактов. Так, в донесении консула Загурижского от 29 июля 1790 г. утверждается, будто «все награбленное у греков судами господина майора Кацония было почти публично и по самой низкой цене продано в портах» Венецианской республики («Российские флотилии...», с. 131, 143). Выглядят это как наговор, особенно в силу известной взаимной неприязни Загурижского и Кацониса, а также ввиду свидетельства генерал-майора В.С. Томара, писавшего после войны, что «полковник Ламбро оставшееся малое количество вещей от приза подполковника Лоренци продал по ценам генерал-майора Псаро» (Архив графов Мордвиновых. Т. 2. С. 381). Как представляется, если Л. Кацонис остатки чужого приза продавал «по ценам Псаро», то и свои собственные призы едва ли сбывал по бросовым ценам.

Строго говоря, призовые товары, из-за своего специфического происхождения, едва ли могли продаваться по рыночным ценам, за исключением отдельных случаев (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 276). Поэтому суждения по поводу того, сбывались ли призы Кацониса слишком дешево или нет, могли бы обрести убедительность только после сопоставления его цен с ценами других российских и иностранных каперов.

Возвращаясь к донесениям дипломатических агентов, следует заметить, что Г.А. Гребенщикова в большинстве случаев воспринимает их не только без должной критики, но и без должного

осмысления. Так, цитируя донесение того же Загурижского от 7/18 сентября 1789 г., она пишет о том, что Кацонис, покидая «остров Зея» под давлением превосходящих сил турок в августе 1789 г., «разорил сделанные им тамо укрепления». И тут же, сопровождает его своим комментарием, оскорбляющими грека-командующего, заявив, что «Кацони вместо того, чтобы обеспечить защиту острова Зея, сознательно уничтожил и без того слабые укрепления острова, состоявшие всего из четырех пушек» («Российские флотилии...», с. 123). Спрашивается, что помешало автору вдуматься и понять, что эти «укрепления», сооруженные по приказу Л. Кацониса, представляли из себя примитивную, наскоро сделанную земельную насыпь для защиты четырех пушек, установленных на берегу, что без людей Л. Кацониса ни эти пушки, ни сами «укрепления» никакой ценности не представляли. А главное, если майор принял решение в данном случае не рисковать российской флотилией и отступить, то сохранять «укрепления», а тем более использовать их для обороны, – значило подвергать население смертельной опасности. Из-за своей слабости данные «укрепления» не могли остановить турок, но вызвали бы еще большее их ожесточение. И турки, не ограничиваясь тем, что «отрубили головы четырем начальникам помянутого острова», умертвили бы гораздо большее число его жителей, как это и практиковалось ими, после подавления малейшего вооруженного сопротивления, о чем Г.А. Гребенщикова должна хорошо знать.

Заметим, что анализируя упомянутое выше донесение Загурижского, трудно не обратить внимание на характерную деталь: консул, упоминая о боевых действиях в Архипелаге нескольких судов флотилии Кацониса, пишет: «Капитан Пиетро команды майора Каччиони вошел с судном своим в Патрасский залив, атаковал турецкий кирлангич ... и с великим уроном неприятельское судно село на мель», «капитан Митро Мустаки, предводительствующий кирлангичем команды майора Каччиони, промеж мысом Баба и крепостью Молимо встретился с 7 турецкими судами хорошо вооруженными, вступил с ними в бой». Обо всем этом рассказывается уже после слов о занятии турками «острова Зея». И тут же говорится о том, что «г-н подполковник Гульелми Лоренци отправился в Сиракузу вместе с г-м Шаплетом» («Российские флотилии...», с. 123). Другими словами, согласно данным Загурижского, когда казенная флотилия уже покидала воды Архипелага, некоторые суда флотилии Кацониса там все еще действовали, причем, именно против турок.

Однако Г.А. Гребенщикова это обстоятельство обходит молчанием, указывая лишь, что «после появления в Эгейском море сильной турецко-алжирской эскадры, российская казенная флотилия под командованием подполковника Гвильермо Лоренцо была вынуждена покинуть опасный район» («Российские флотилии...», с. 124). Зато вопрос о том, что «майор Ламбро оставил остров Зею очень скоростно» она муссирует с настойчивостью, достойной лучшего применения, но без подобающих комментариев, что характерно для нее. Между тем, если «опасный район» вынуждена была покинуть казенная флотилия, то имел весомые причины на это и Л. Кацонис. За что же тогда он подвергается унижающей критике с ее стороны?

Цитируя далее письмо консула на Корфу Л. Бенаки некоему «коллеге-дипломату» от 2 (13) октября 1789 г., Г.А. Гребенщикова без комментария приводит слова о том, что «часть г-на майора Ламбра не можно почтеть Российскою императорскою флотилиею» («Российские флотилии...», с. 124). Между тем, она сама выше цитировала ордер В.Н. Мещерского (преподнося его как ордер И.А. Заборовского), где говорилось, что соединение Кацониса отправляется в море «не яко корсары, но как российская легкая флотилия», причем, этой флотилии надлежало «приобрести честь российскому флагу» («Российские флотилии...», с. 93). Здесь налицо противоречие между словами бригадира Мещерского, несомненно, пересказывавшего наставления генерала Заборовского, и словами контр-адмирала Гибса, на заявления которого ссылался консул Л. Бенаки. Очевидно, что С.С. Гибс стремился отменить явочным порядком то, что установил генерал-поручик Заборовский, но Г.А. Гребенщикова этих действий контр-адмирала старается не замечать и не комментировать.

Далее консул Бенаки писал «коллеге», что тот должен «объявить всем капитанам оной майора Ламбра по прибытии в сей порт, чтобы их начальник после кампании отправился в Сиракузу для получения патентов и инструкций от Его Превосходительства г-на контр адмирала Гибса, иначе впредь будет почтен публичным морским разбойником. Должно однако быть осторожными вверяя таковые известия одним только капитанам судов, дабы предупредить действиям могущим произойти от обнародования. Старайтесь сколько можно менее входить в дела с г-ном майором Ламбро» («Российские флотилии...», с. 124). Здесь налицо интрига, направленная на деморализацию командиров судов флотилии и

фактическую ликвидацию этой флотилии, так как из инструкции, выданной генерал-майору С.С. Гибсу адмиралом С.К. Грейгом, отнюдь не следовало непременно изъятие всех уже выданных патентов, а лишь у тех, кто «учинил грабительство». Между тем, Гибс, прикрываясь высочайше утвержденными «Правилами», отбирал патенты у всех, требуя за новые внести залог в 20 000 руб. или предлагал служить на совершенно иных основаниях, а именно, в составе казенной флотилии, весьма стесненной в распоряжении призами, на что далеко не все каперы могли согласиться. Не говоря уже о том, что такие действия сужали возможности каперов, по отношению к Л. Кацонису они являлись произволом, особенно учитывая предоставленное ему генералом Заборовским, о чем говорилось выше, полное право действовать «на арматорском правиле» и брать призы, без отчислений в казну (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 67, 72–75, 78–79).

Примечательно, что это обстоятельство Г.А. Гребенщикова также оставляет без внимания и предлагает читателю свое заключение, будто «флотилия Кацони уже представляла угрозу безопасности нейтральным и греческим судовладельцам» («Российские флотилии...», с. 125), хотя из текста письма консула Бенаки это совершенно не следует. В нем говорится лишь о намерениях контр-адмирала Гибса подчинить себе флотилию Л. Кацониса. При этом адмирал явно угрожал Л. Кацонису, что в том случае, если он не явится в Сиракузы, то «впредь будет почтен публичным морским разбойником». Более того, учитывая, что «греческие судовладельцы» и составляли львиную долю турецких морских перевозчиков, свобода их плавания между портами Османской империи во время Русско-турецкой войны отвечала интересам неприятеля, так как нередко обеспечивала снабжение турецких гарнизонов на островах или Константинополя.

Разбирать множество неточностей, которыми переполнен текст Г.А. Гребенщиковой, описывающей политические события 1789 года, нет смысла. Для примера можно прокомментировать один-два. Так, касаясь мер, принятых новым султаном Селимом III, который, по словам Г.А. Гребенщиковой, «подкрепил себя и на политических флангах: как упоминалось, до войны он заключил договор со шведским королем Густавом III» («Российские флотилии...», с. 125). При этом доктор наук не поясняет, каким образом Селим III, ставший султаном лишь 7 апреля 1789 г., мог заключить договор с Густавом III «до войны»?! Хотя, ранее Г.А. Гребен-

щикова писала, что «весной 1789 года турецкий султан Селим III заключил со Швецией наступательный и оборонительный союз» («Российские флотилии...», с. 99). Быть может она подразумевает Русско-шведскую войну? Но ее «дополнение-монография» посвящено событиям в Средиземноморье, поэтому выходящие за рамки обозначенной темы вопросы следовало бы оговаривать. Приходится лишний раз удивляться небрежности автора.

Г.А. Гребенщикова также утверждает, будто «формально три державы Пруссия, Швеция и Турция образовали тройственный союз, который поддерживала Англия на основе союзного трактата с Пруссией от 1788 года. Этот политический блок становился мощным фактором на фоне разваливающегося русско-австрийского союза» («Российские флотилии...», с. 125). Однако «тройственного союза» в данном случае, именно «формально», не было, хотя фактически о нем есть некоторые основания говорить. Что касается «разваливающегося русско-австрийского союза» применительно к началу 1790 г., то союз это продолжал «разваливаться» еще несколько месяцев, во время которых и Россия, и Австрия вели боевые действия с Турцией и сдерживали Пруссию, а Швеция вынуждена была пойти на мирное соглашение с Россией.

Не без оснований драматизируя ситуацию, сложившуюся в 1790 г., Г.А. Гребенщикова пишет, что в этот период «численность турецких морских сил в Архипелаге возросла, и, даже объединившись, отряды Г. Лоренцо, Г. Войновича и С. Шаплета уже не могли в полной мере противостоять противнику» («Российские флотилии...», с. 127). Между тем как «объединившихся отрядов» не существовало изначально. Сформированной в 1789 г. казенной флотилией, три месяца находившейся в море, командовал мальтийец Г. Лоренцо. Первоначально три фрегата под начальством мальтийца запаздывали с ремонтом, поэтому в море первым вышла часть этой флотилии, возглавляемая лейтенантом С.Я. Дешаплетом. Отряд же Г. Войновича вовсе не формировался. Этот офицер командовал двумя торговыми судами, с парусным вооружением фрегатов, назначенными в состав казенной флотилии, и возглавлял этот импровизированный отряд только во время перехода из Триеста в Сиракузы. Поэтому необоснованные утверждения насчет «объединившихся отрядов» на деле искажают истину.

Попытка Г.А. Гребенщиковой внушить читателю, что «Екатерина II назначила командующим казенной флотилией контр-адмирала генерал-майорского ранга Антона Константиновича Пса-

ро», и что императрица, якобы, «аналогичное приказание переда-ла» («Российские флотилии...», с. 127) – фантазия, которую даже неловко комментировать. Императрица не назначала А.К. Псаро, а он сам предложил контр-адмиралу Гибсу свою кандидатуру на этот пост письмом от 19 декабря 1789 г. В тот же день контр-адмирал донес императрице: «Рассмотрев предложение господина генерал-майора Псаро и уверен будучи о подробном его сведении о свойстве народов, его единоземцев в Архипелаге и о положении тамошних мест, за полезное признал вверить ему начальство над эскадрою...» (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 231–232). Разумеется, в Петербурге такое назначение утвердили. Сам А.К. Псаро не мог быть «контр-адмиралом генерал-майорского ранга» – такого чина не существовало, он был капитаном генерал-майорского ранга, а попросту, как это обозначалось в переписке того времени, генерал-майором. И конечно, Екатерина II никаких приказаний, касавшихся «соединения флотилий», Л. Кацонису не передавала – это очередная фантазия профессора Г.А. Гребенщиковой. Такое приказание послал 19 декабря 1789 г. подполковнику Л. Кацонису контр-адмирал С.С. Гибс, ссылаясь на повеление императрицы о назначении его, Гибса, на место убитого в Россию генерала Заборовского и о подчинении теперь ему обеих флотилий.

Подробно муссируя недоразумения между Л. Кацонисом и консулом в Триесте Варукой, Г.А. Гребенщикова цитирует «объяснения» генерал-майора В.С. Томара, кстати, необоснованно выдавая их за «показания»: «Обязательство полковника Ламбра, кое он тут опровергает, засвидетельствовано рукою консула Варуки. Кажется, за то он на него и жалуется» («Российские флотилии...», с. 128). Понять истинный смысл происходящего из этой цитаты трудно. Между тем, генерал В.С. Томара пояснял, что Кацонис «опровергает часть того же своего долгу купцам Пластару; жалуется на поступки консула Варуки в разсуждении своих заимодавцев». В отношении того же купца В.С. Томара сообщал, что «знатная часть из претензий некоторых кредиторов, в том числе и Пластары, признаны мною несправедливою» (Архив графов Мордвиновых. Т. 2. С. 379). То есть, речь идет о том, что Л. Кацонис обвинял консула Варуку в свидетельствовании сомнительных векселей. Но Г.А. Гребенщикова о признании генералом Томарой «несправедливости претензий» естественно умалчивает. Думается потому, что это не отвечает ее задаче – шельмования личности Л. Кацониса.

После перехода от финансовых вопросов к военным, Г.А. Гребенщикова цитирует донесение контр-адмирала С.С. Гибса вице-канцлеру графу И.А. Остерману от 7 июня 1790 г., в котором упоминается посланный к Л. Кацонису, с приказанием соединиться с флотилией А.К. Псаро, капитан Е. Палатино. В этом донесении утверждалось, что Л. Кацонис не оставил о. Зея и не соединился с Псаро («Российские флотилии...», с. 128). Документ автором не комментируется, и далеко не всякий читатель сумеет сопоставить даты написания этого донесения и сведения из цитируемого далее документа Д. Загурижского от 22 мая 1790 г., в котором упоминается, что Кацонис со своей флотилией 5 мая «отправился к острову Скиру», а 6 мая вступил там в бой с неприятелем и на следующий день был разбит и потерял большую часть судов своей флотилии («Российские флотилии...», с. 129).

Однако даже без такого сопоставления дат абсолютно понятно, что флотилия Л. Кацониса в июне уже никак не могла соединиться с флотилией генерала Псаро, а упреки контр-адмирала Гибса по этому поводу явно надуманны. Ведь, из письма капитана Палатино, также цитируемого Г.А. Гребенщикова, следует, что он отыскал Л. Кацониса на о. Зея только 29 апреля. Грекомандующий, «понеже генерал Заборовский, дав ему инструкцию, коею делал его уполномочным в Архипелаге, — пишет Е. Палатино, — не хотел слушаться», но в итоге «пред всеми своими офицерами объявил мне, что он повинуется воле Ея Императорского Величества, а чтоб возвратится в означенное ему место, никак не хотел. А коль скоро генерал Псаро приедет в Архипелаг с надлежащим повелением явиться к нему в команду» («Российские флотилии...», с. 131 – 132). Очевидно, что Л. Кацонис явно не хотел возвращаться из Архипелага на Ионические острова, как предписывал ему контр-адмирал Гибс, но выразил готовность подчиниться генералу Псаро, как только тот прибудет в Архипелаг, однако не сумел, точнее, не успел этого сделать. Как видно из документов, еще и потому, что генерал Псаро лишь в июне покинул Триест (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 242–243, 253). Всего этого Г.А. Гребенщикова читателю не разъясняет, упорно создавая у читателя представление о Л. Кацонисе, как о неуправляемом, преступном нарушителе Морского Устава, тех или иных норм и традиций военно-морской службы, этики и чести офицера, чего в действительности не было.

Примечательно, что цитируя слова Гибса о «славолюбии»

Л. Кацониса, желании «всегда быть начальникам ни от кого не зависящим», «презрении общей пользы» («Российские флотилии...», с. 128), Г.А. Гребенщикова, почему-то, не задается вопросом о славолюбии контр-адмирала Гибса и генерал-майора Псаро, их властолюбии и желании подчинить себе всех каперов, которое, зачастую, явно не оправдывались пользой для дела. Не случайно оценивая деятельность Гибса и Псаро главнокомандующий Г.А. Потемкин 3 августа 1790 г. писал Екатерине II, что «первый не годится, а другой и вреден по худому обхождению с греками и что он много начтет расходов, а не выстрелит ни разу». При этом генерал-фельдмаршал обосновывая свое мнение, указывал также и на «письмо от министра Мордвинова мною полученное» (Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1790–1793 гг. СПб, 1895. С. 129). Разумеется, эту оценку светлейшего князя главнокомандующего Г.А. Гребенщикова от читателя утаивает.

Цитируя на С. 129 донесение Загурижского от 22 мая 1790 г. Г.А. Гребенщикова к словам «Трикере (последний мыс в заливе называемом Волло)» делает примечание, демонстрирующее ее незнание географии региона: «Залив в Адриатике» («Российские флотилии...», с. 129). На эту ошибку, допущенную ею еще в книге «Черноморский флот в правление Екатерины II», указывалось в брошюре Ю.Д. Пряхина и его соавторов (Гертсос А., Николопулос И., Пряхин Ю.Д. «Ради установления истины...», с. 67). Видимо, что-то и в этот раз помешало доктору наук Г.А. Гребенщиконой обратиться к картам и узнать, наконец, что залив Воло располагается севернее Негропонта, на побережье Фессалии, омываемом Эгейским морем. Но автор и в этом случае, как и во многих других, предпочла запутывать читателя, вводить в заблуждение, не реагировать на рекомендации, пожелания и замечания своих коллег.

Цитируя донесения консула Д. Загу-

Район залива Воло и Трикере на карте Греции

рижского от 22 мая 1790 г. и полномочного министра в Неаполе П.М. Скавронского от 15 (26) июня 1790 г., Г.А. Гребенщикова не замечает, что сама же разоблачает еще одно свое ложное утверждение о том, что в подчинении Л. Кацониса находилось «всего 68» человек и что лишь «позже, после окончания войны, их стало намного больше» («Российские флотилии...», с. 82). Не говоря уже о том, что экипажи нескольких, пусть и небольших судов, явно превосходили указанную цифру, по словам Д. Загурижского, Л. Кацонис «оставил на острове Цее капитана Андруца с 400 албанцев», подтверждал эту цифру и П. Скавронский, упоминавший «капитана Андруццо с четырьмястами албанцев в Зее» («Российские флотилии...», с. 129, 130). Удивительно, но вопрос о численном составе экипажей судов флотилии Ламброса Кацониса раскрывается в документах известных Г.А. Гребенщикова фондов. Например, эти сведения можно получить в неоднократно цитировавшемся Г.А. Гребенщиковой деле РГАВМФ (Ф.150. Оп. 1. Д. 34. Л. 173 – 173 об., 174), а также в приложении неоднократно упомянутой ею книги Ю.Д. Пряхина, на страницах 338, 377, 378 и т.д.

Касааясь затем состоявшегося у острова Андрос сражения, Г.А. Гребенщикова пишет: «Располагая всего семью малыми судами и не соединившись с казенной флотилией, он вознамерился атаковать эскадру в количестве 23-х единиц. Гордыня и амбиции этого человека привели к трагическим последствиям» («Российские флотилии...», с. 130). Здесь налицо целенаправленное искажение действительности, несомненно, для дискредитации командующего. Поэтому Г.А. Гребенщикова, ссылаясь на письмо капитана Е. Палатино, сознательно умалчивает о том, что согласно этому письму, противники «за ночным временем разошлись; и как не потерпели никакого урону от неприятеля», то Л. Кацонис решил утром еще раз атаковать турок. Однако положение существенно изменили подошедшие ночью алжирцы. И «как только рассвело, увидели еще 11 судов неприятельских, – писал капитан Палатино, – кои нас и атаквали. Флотилия ж наша состояла в 7 маленьких судах. Дрались до обеда». Данное сражение, в результате, закончилось для флотилии Л. Качиони тяжелым поражением, но не уничтожило ее полностью. Спасся и получивший ранение командующий, который вскоре собрал оставшиеся суда и продолжил борьбу.

Таким образом, даже один лишь источник, использованный Г.А. Гребенщиковой, показывает, что ситуация была не столь уж однозначной, как пишет она. Очевидно, что Л. Кацонис имел все

основания вступить в бой с неприятелем, веря в готовность экипажей своих судов сражаться и победить врага. Более того, даже после неожиданного изменения соотношения сил, характер боя изменился отнюдь не сразу, а лишь многие часы спустя. К слову, Г.А. Гребенщикова, как это принято ею, цитирует известное письмо капитана Е. Палатино по архивному документу, хотя оно было полностью опубликовано (Пряхин Ю.Д. «Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов...», с. 309–310), стремясь этим подчеркнуть, убедить читателя, что она «первооткрыватель» новых, ранее неизвестных архивных документов.

И уж совсем нелепо выглядит цитирование Г.А. Гребенщиковой статьи Морского Устава, касающейся тех, кто «во время бою оставляют свои места» после упоминания о том, что Кацонис «сжег свой фрегат и ушел на кирлангиче» («Российские флотилии...», с. 130). Впрочем, Г.А. Гребенщикова строит изложение исторического материала так, что читателю трудно понять, в какой именно момент боя отступил командующий флотилией. Однако достаточно вспомнить, что по словам Е. Палатино судов флотилии было 7, неприятель захватил «три их судна и два кирлангича», фрегат сжег сам Кацонис и, будучи раненым, сумел все же, с помощью своих верных соратников, уйти от неприятеля на оставшемся кирлангиче. Исходя из текста и самой Г.А. Гребенщиковой очевидно, что Л. Кацонис успел уйти от врагов в самом конце боя, когда остальные суда уже были потеряны, чем не нарушил статьи и требования уставных положений. Более того, статья Морского Устава, не говоря уже о том, что этот устав не действовал в отношении каперов, неприменима к командующему флотилией, так как именно он определял момент начала и окончания боя и все другие решения. Впрочем, Г.А. Гребенщикова неоднократно доказывала, что она постоянно стремится притягивать за уши все, чем можно бросить тень на образ Л. Кацониса, ошельмовать его, не брезгуя и явными подтасовками фактов, и фантазиями.

Рассказывая о сражении, исходом которого Г.А. Гребенщикова старается показать «безрассудство» Кацониса, она еще раз, видимо, не замечая этого, изобличает себя в искажении истины утверждением, будто на флотилии Л. Кацониса было «всего 68» человек, так как пишет, что «сражение, развязанное Кацони, завершилось взятием в плен 180 человек» («Российские флотилии...», с. 130). Этим Г.А. Гребенщикова не оставляет от собственной же «концепции» камня на камне. Действительно, если из числа моряков

7 судов флотилии взято в плен 180 человек, то учитывая экипаж спасшегося кирлангича, на который сумели перебраться 17 человек с уничтоженного флагманского фрегата, а также упоминаемых консулом Загурижским еще двух кирлангичей («спасся с тремя токмо кирландесками»), и принимая в расчет погибших в бою и взятых турками в плен, можно смело говорить о нескольких сотнях моряков, находившихся в составе флотилии. Разумеется, такого расхождения со своими прежними утверждениями о численности личного состава флотилии Г.А. Гребенщикова не замечает и не комментирует.

Однако необходимо отметить, что расчет числа моряков на основе данных Г.А. Гребенщиконой будет неверен, так как ею допущена ошибка в определении числа потерянных судов. Цитируя текст письма капитана Е. Палатино, она произвольно разбила его на предложения, причем, с искажениями и представила его следующим образом: «Взяли три наших судна, два кирлангича. Наши ушли. Майор сжег свой фрегат и ушел на кирлангиче. Я был на кирлангиче и так управляли артиллериею, что во все время неприятели не осмеливались к нам подойти. Люди увидя что мы остались одни, взбунтовались. Уже стало смеркаться, взяли судно на буксир и подходя к острову Андрос, бросили якорь» («Российские флотилии...», с. 132). Внимательно читая этот отрывок и сравнив его с архивным текстом, видно, что здесь неверно расставлены знаки препинания. Следовало читать письмо так: «Взяли три наших судна. Два кирлангича наши ушли». Тогда становится понятно, что из 7 судов потеряно только три, именно на них, в основном, и пленены 180 человек. Сожжен флагманский фрегат и спаслось три кирлангича (согласно данным Загурижского, которому Г.А. Гребенщикова в других случаях безотчетно верит). Капитан Палатино был на борту одного из кирлангичей, которые вышли из боя, но его у берега Андроса «наутро взяли неприятели». С учетом таких поправок, общая численность моряков флотилии представляется еще большей. Соответственно, прежние утверждения Г.А. Гребенщиконой совершенно не достоверны.

При внимательном чтении и анализе текста «дополнения-монографии» профессора Г.А. Гребенщиконой видно, насколько вольно и безответственно она обращается с архивным материалом. В частности, цитируя не датированный ею ордер полковника Л. Кацониса капитану Н. Кассими от 13 сентября 1790 г., она заявляет, будто «таких ордеров Кацони не имел права выдавать», что не

соответствует истине. Являясь командующим флотилией, Кацонис имел полное право приказывать своему заместителю, тем более, что согласно указа Екатерины II от 22 декабря 1789 г., высшее командование в Средиземном море передавалось генерал-фельдмаршалу

Район острова Андрос

Г.А. Потемкину. Последний же Л. Кацониса от командования не отстранял. Однако важнее то, что Г.А. Гребенщиконой, цитируя ордер Л. Кацониса, завершает его на словах «Жители острова Идро ежели обещанных денег вам недали, то ловить их» («Российские флотилии...», с. 140). Это прямая фальсификация документа. Таким образом, она, видимо, старается нарисовать нужный ей образ Л. Кацониса – угнетателя и грабителя греков. Между тем, в действительности концовка ордера предписывала: «Жителей острова Идры, ежели обещанных денег вам не дали, то ловить их, а когда дали таким никакого вреда не причиняйте, и судна которые по вашему призыву являться не будут, то вы их также ловите. Ежели будут греки, то вы их оставляйте в покое, ибо они наши единоверцы, и чтоб наши люди на островах не делали притеснений и грабежей» (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 271).

Упрекая Л. Кацониса в том, что будучи в Вене он «едва не спровоцировал дипломатический конфликт», поведав канцлеру Кауницу о том, что не сумел «возвратить свободу ста семидесяти пяти пленникам австрийским, которые одно время везены были морем из Рагузы в Царь Град на корабле, Республике Рагузской принадлежащем, который им преследуем был, но не достиген» («Российские флотилии...», с. 140), Г.А. Гребенщиконой заявляет, что «инцидент в Вене вызвал недовольство Екатерины II». Однако никаких ссылок на документы или литературу, подтверждающие факт недовольства императрицы, автор не приводит. Между тем, никаких сведений о данном Высочайшем недовольстве, в известных исследователям документах, пока не найдено.

На 142-й странице Г.А. Гребенщиконой цитирует не датированное ею донесение Загурижского, в котором консул утверждал,

Канцлер князь В. Кауниц

что торговая конкуренция Венецианской республики с населением о. Идра «побудила адмирала Эмо тайно поощрять Кацония, чтобы он грабил идриотские суда и истреблял их, что он и исполнил, не желая наблюдать повелений Ея Императорского Величества, данных в пользу христиан греков» («Российские флотилии...», с. 142). Как и следовало ожидать, никаких комментариев к этому пассажиру нет, хотя Г.А. Гребенщикова уже указывали, насколько эти слова далеки от истины (Гертсос

А., Николопулос И., Пряхин Ю.Д. «Ради установления истины...», с. 76–77). Здесь приходится напомнить, что указание при необходимости репрессировать идриотов, преданных Порте, Л. Кацонис получил в порядке генерала И.А. Заборовского, поэтому в «тайном поощрении» со стороны венецианского адмирала Эмо, как это утверждает консул, враждующий с Л. Кацонисом, не нуждался. А то, что он продавал захваченные у идриотов призы во владениях Венецианской республики, прежде всего на Ионических островах, легко объясняется тем, что он часто их посещал и там базировался в зимнее время.

Г.А. Гребенщикова, заявляя о выявлении новых документов, касающихся казенной флотилии, повторяет при этом свои прежние фантазии, утверждая, что «контр-адмирал (неточность, на самом деле, капитан генерал-майорского ранга. – *Авт.*) А.К. Псаро провёл в крейсерстве все лето и осень 1790 года и остался в Архипелаге на зимовку» («Российские флотилии...», с. 145). Этим надуманным утверждением она, видимо, хочет противопоставить вымышленные «боевые успехи» казенной флотилии, реальным действиям корабельного соединения Л. Кацониса. Однако созданная автором картина не соответствует действительности. Как свидетельствуют документы, в том числе цитируемые самой Г.А. Гребенщико- вой, о

чем уже упоминалось выше, Л. Кацонис отправился в Архипелаг 28 февраля 1790 г., а 6 мая сразился с неприятелем и был разбит, но уцелевшие корабли его флотилии продолжали крейсерство в Архипелаге. Именно об этом, уже после поражения Л. Кацониса, писал консул Загурижский, когда упоминал в своем донесении о двух кирлангичах, которые ушли «в Левант и там страшным образом теперь разоряют бедных греков христиан» («Российские флотилии...», с. 142). Так, указанный российский консул называл реквизиции, подчиненными Л. Кацониса необходимого им имущества и денег у турецких подданных, для содержания судов и их экипажей, для поддержания их боеготовом состоянии, продолжения боевых действий.

Казенная флотилия, к тому времени разделенная на две части, лишь в середине мая начала свой путь в Архипелаг: три корабля из Ливорно вышли в боевой поход 12 мая 1790 года, а еще три, под командованием генерал-майора Псаро, из Триеста лишь 11 июня. Эти два отряда соединились у о. Корфу в конце июня. От о. Корфу суда Псаро ходили к о. Итака, чтобы отобрать у Л. Кацониса два захваченных призовых судна, в том числе одно идриотское. Оттуда флотилия Псаро перешла к о. Занте, а затем ходила к Наварину, но в Архипелаг так и не пошла. Она возвратилась и действовала в Адриатике, где задержала французское судно, которое отвела в Бриндизи. Вскоре после этого суда казенной флотилии вернулись на Ионические острова, где и остались на зимовку (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 261–264).

Весьма характерно для Г.А. Гребенщико- вой, что она зачастую не замечает, как сама же разваливает свою, изложенную ранее версию событий. В частности, когда она пишет, что Псаро «отправил к берегам Сирии и Египта фрегат “La Fama” под начальством капитана Г. Лоренцо и два вольнослужащих судна», но только после того, как узнал «о возвращении главных турецких сил из Архипелага в Константинополь на осеннее и зимнее время» («Российские флотилии...», с. 146). Очевидно, что этим утверждением она сама изобличает свои прежние утверждения и вымыслы генерал-майора, будто он активно действовал против турок.

Цитируя слова генерал-майора Псаро о том, что на захваченной подполковником Г. Лоренцо шебеке оказалось «некоторое число из турок, жидов и греков, а между матрозами и греки, служившие на оном судне» («Российские флотилии...», с. 146). Описывая данный эпизод, Г.А. Гребенщикова не замечает, что своими

Шебека

действиями Г. Лоренцо также беззастенчиво «разорял бедных греков христиан», в чем она всегда гневно обвиняла Л. Кацониса. Примечательно, что с этой шебекой Г. Лоренцо «прибыл в Цефалонию», которая принадлежала Венецианской республике. Таким образом, он в точности повторил все то,

что имело место при захвате призов судами флотилии Кацониса и что Г.А. Гребенщикова с возмущением ставила в вину последнему. Правда, взятую шебеку, несмотря на греков-матросов и пассажиров, генерал Псаро и адмирал Гибс выдавали затем за «турецкую». Однако в настоящее время было бы корректнее, объективнее говорить о судне, принадлежавшем турецкому подданному, так как личность его владельца Г.А. Гребенщиковой не установлена.

Когда Г.А. Гребенщикова в «дополнении-монографии» утверждает, что «успешное крейсерство российской казенной флотилии в Архипелаге в течение лета-осени 1790 и зимы – весны 1791 годов нарушило коммуникации противника между Египтом и Константинополем» («Российские флотилии...», с. 146 – 147), она опять фантазирует и сознательно грешит против истины. Фрегат Г. Лоренцо и два небольших «вольнотружущих судна» совершили один только рейд, во время которого, судя по донесениям генерал-майора Псаро и контр-адмирала Гибса, взяли только один скольконибудь заслуживающий внимания приз – упоминавшуюся выше шебеку. Этим они, разумеется, никак не могли «нарушить коммуникации», особенно если учесть, что речь идет об обычных путях торгового судоходства, хотя, конечно, определенный резонанс от потери шебеки с грузом, естественно, имел место. Впрочем, поставив перед собой задачу любой ценой опорочить Л. Кацониса и его заслуги, профессор Г.А. Гребенщикова стремилась преподнести все бумаги, исходившие от его явных недоброжелателей, а именно: контр-адмирала С.С. Гибса, генерал-майора А.К. Псаро, консула Д. Загурижского – как истину, не подвергая их должному научному анализу и осмыслению.

Не анализирует Г.А. Гребенщикова и события, описываемые другими лицами. В частности, процитировав, якобы, ордер В.С. Томара консулу Д. Загурижскому: «В рассуждении ваших лет, чтобы дать вам желанное спокойствие, заблагорассудил я уволить вас, не входить более в дела относительно моей линии в Занте. Вы ограничите себе должность свою консульства», заявляет, будто бы генерал-майор «не имел таких полномочий, чтобы ограничивать прерогативы консулов» («Российские флотилии...», с. 148).

В данном случае Г.А. Гребенщикова искажает текст ордера, который выглядит иначе: «В рассуждении ваших лет, чтоб дать вам желанное спокойствие, за благо рассудил я уволить вас, не входить более в дела относительно моей миссии в Занте. Вы ограничите себя должностью своего консульства, а господин Анагности Андриянопуло, капитан в службе Ее Императорского Величества, пребывающий в оном городе, будет способствовать в надобностях наших судов, которые туда придут...» (Кондратенко Р.В. «Ламброс Кацонис...», с. 303). Из подлинного текста ордера видно, что генерал-майор Томара, действовавший по приказанию главнокомандующего Г.А. Потемкина, которого, в свою очередь, Екатерина II назначила «заведовать делами, Средиземного моря касающимися», всего лишь разграничил функции консула и капитана Андриянопуло, которому поручалось удовлетворение нужд флотилии. К сожалению, Г.А. Гребенщикова не ставила перед собой цели разобраться в происшедшем, проявила свойственную ей небрежность в работе с документами и в изложении их содержания, что искажило существенно суть события, его содержание и смысл.

Столь же далека Г.А. Гребенщикова от истины, когда заявляет, будто «главнокомандующим морскими и сухопутными силами в Архипелаге Потемкин назначил самого себя» («Российские флотилии...», с. 148). Видимо, она полагает, будто никто из читателей не возьмет в руки ни сборника документов генерал-фельдмаршала Г.А. Потемкина-Таврического, ни книг Ю.Д. Пряхина, где можно прочесть письмо светлейшего князя Екатерине II от 20 июля 1790 г., где сказано: «Поручены дела тамошние мне, но я сообразить не могу и поистине самую правду доношу. Гибс пьян, Псаро никуда не годится, грабитель греков и не терпим ими. Гвилиelmi стар, католик, разоряет греков и они его не терпят...» («Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1790–1793 гг. СПб, 1895. С. 122; Пряхин Ю.Д. «Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов...», с. 303.

В последнем с опечаткой в дате). У историков-специалистов нет никакого основания подозревать главнокомандующего Г.А. Потемкина в лицемерии и необъективности. И если уж Г.А. Гребенщикова считает, что не Екатерина II назначила светлейшего князя распоряжаться «делами Архипелага», а он сам себя назначил, то автору следовало привести веские, документально подтвержденные аргументы, или, по меньшей мере, объяснить свое заявление какими-то обоснованными соображениями.

Когда Г.А. Гребенщикова пишет, будто суда казенной флотилии, а именно фрегаты графа Войновича и Г. Лоренцо, «почти непрерывно находились в боевой кампании» («Российские флотилии...», с. 149), то она опять фантазирует, уклоняется от истины. Даже определение «непрерывно в кампании» применительно к ним будет натяжкой, а по отношению к фрегату Войновича сомнительно и само определение «боевой кампании». Суда казенной флотилии больше стояли в гаванях Ионических островов, чем ходили в море, даже если учесть рейд Г. Лоренцо к берегам Сирии.

Цитируя ордер генерала от инфантерии, графа М.В. Каховского, который после смерти Г.А. Потемкина принял начальство над армией и Черноморским флотом, генералу В.С. Томара от 11 декабря 1791 г., Г.А. Гребенщикова изображает удивление тем, что «арматорская (каперская) флотилия полковника Кацони находилась на казенном обеспечении, что, по сути, представляло собой нонсенс» («Российские флотилии...», с. 154–155). Однако удивительно другое – почему, несмотря на множество процитированных ею же самой документов, Г.А. Гребенщикова так и не сумела понять статус флотилии Кацониса – каперской по форме, но казенной по содержанию. Ведь флотилия действовала в соответствии с приказами и инструкциями генерал-поручика И.А. Заборовского, а также отчасти ремонтировалась и снабжалась на казенный счет.

Станным также выглядит и то, что Г.А. Гребенщикова, старательно рисуя образ Кацониса-пирата, сообщает читателю о том, что «в архивных делах имеется реестр долговых расписок полковника Кацони разным лицам за провизию, купцам за материалы, лекарства и вещи». Казалось бы, какая нужда могла быть у пирата, грабившего все встречные суда, в долговых расписках? Однако Г.А. Гребенщикову такая мысль явно не посетила. В том же абзаце она пишет, что «никакого контроля в Эгейском море за действиями его флотилии не осуществлялось» («Российские флотилии...», с. 155), хотя ранее в тексте «дополнения-монографии»

постоянно и настойчиво внушала читателю мысль, что Л. Кацонис не покидал Адриатического моря и не был в Архипелаге. Налицо явное противоречие автора: намеренное искажение реальных событий и действий флотилии Л. Кацониса и ее же утверждения, по сути, отрицающие прежние заявления и оценки.

Утверждение Г.А. Гребенщиковой, что отказавшись прибыть в Сиракузы весной 1792 г. и объявив, что он «именем Ея Императорского Величества Екатерины Вторья и ея нации, под российскими флагами отправляется туда, где только может что сделать по своему», Л. Кацонис допустил «прямой саботаж приказов вышестоящего начальства и нарушение инструкций российских консулов – официальных представителей Екатерины II. Другими словами Кацони в очередной раз нарушил Морской Устав и совершил воинское преступление» («Российские флотилии...», с. 158), во многом ошибочно. Приходится в очередной раз подчеркивать, что действия Л. Кацониса не подпадали под требования Морского Устава. Он не обязан был подчиняться и консулам в тех случаях, когда они выступали от своего имени. Фактически, согласно «Правилам для партикулярных корсеров», Кацонис должен был следовать указаниям консулов лишь в отношении призов. При этом «Правила» строго определяли, каким именно дипломатам надлежало ведать делами о призах и направлять их, это: «в Неаполь к графу Скавронскому или в Венецию к Мордвинову» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 22. СПб, 1830. С. 969).

Цитируя донесение Загурижского от 4 мая 1792 г., в котором живописуется избиение и грабеж матросами флотилии Кацониса жителей острова Идра, перебравшихся на Пелопоннес, в город Кастра, чтобы спастись от «от моровой язвы», Г.А. Гребенщикова, говоря о Л. Кацонисе, пишет, что этого «он не отрицал в ходе следственного разбирательства в Петербурге в 1794–1795 годах» («Российские флотилии...», с. 162). И в этом случае приходится, в какой уж раз повторять, что никакого «следственного разбирательства» не было, это фальсификация событий. «Комиссия по свидетельству шетов и рассмотрению претензий по флотилии бывшей в Средиземном море в последнюю с турками войну» занималась уточнением того, какие суммы были потрачены на создание и содержание каперских флотилий, каковы претензии местных землевладельцев, на какие выплаты претендуют моряки флотилии и т.п. В процессе этого своеобразного аудита Комиссия собирала проше-

ния разных лиц и обращалась к начальствовавшим лицам во время войны в Средиземном море с вопросами, на которые они давали свои письменные «разъяснения». Поэтому неоднократные рассуждения Г.А. Гребенщиковой о «следствии», «расследовании» надуманны, не имеют под собой никакого основания.

Позиция Г.А. Гребенщиковой в отношении действий, планов и целей «мятежа» Л. Кацониса по окончании войны, в первой половине 1792 года, на деле не определена должным образом. Чувствуется, что автор, видимо, не захотела детально разбираться в событиях того времени, в действиях полковника Ламброса Кацониса, которые знаменовали собой начало нового этапа в греческом освободительном движении, что и сделало его героем нации, а этого Г.А. Гребенщикова категорически не признает. Поэтому она излагает, в основном, вопросы неповиновения командованию, «пиратские» действия судов мятежного полковника, жалобы и разбирательства по данному поводу. Дается, также, искаженное и краткое сообщение о его разгроме. Вместе с тем, в книгах Ю.Д. Пряхина, в брошюре Пряхина и его соавторов рассмотрены, и данный период деятельности Л. Кацониса, и вопросы, возникающие в связи с «бунтом Кацониса». В этих публикациях объективно и достаточно полно, с опорой на имеемые документы, проанализированы события того времени, связанные с попыткой Л. Кацониса продолжить, независимо от позиций России, борьбу с турками за освобождение Греции от османского ига. Доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации Г.Л. Арш, в противовес публично объявленной позиции Г.А. Гребенщиковой и материалам ее публикаций, считает, что: «Восстание Кацониса стало важным подготовительным этапом к греческой национально-освободительной революции 1821–1829 гг.». Поэтому не случайно, что руководители тайной освободительной организации Филики Этерия, подготовившие данную революцию, «среди имен героев, – пишет Г.Л. Арш, – подвиги которых вдохновили народ на решающую битву за свободу, этеристы, называли имя Ламброса Кацониса» (Российская Академия Наук, Институт славяноведения. Г.Л. Арш. «Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I». Очерки. М.: «Индрик», 2013. С. 96).

В заключение отметим, что полистный анализ текста, к сожалению, выявивший серьезные, а местами намеренные искажения истины, исторической действительности, грубые, принципиальные ошибки в тексте «дополнения-монографии», заставляют сделать следующие выводы и обобщения:

1. Дополнение «Российские флотилии в Средиземном море и морская политика России при Екатерине II» (изд. в 2014 г.) к монографии «Черноморский флот в период правления Екатерины II» (изд. в 2012 г.) рассматривает фактически две независимые темы, причем, наибольшее внимание уделяется очернению Л. Кацониса. Поэтому неожиданное превращение, по воле автора, данного «дополнения» в новую монографию – нонсенс. Складывается впечатление, что автор забыл, или не знает, что монография – «научный труд, посвященный исследованию одной теме», как это трактуют все энциклопедические издания. Подобная небрежность в определении статуса своего научного труда едва ли допустима для доктора исторических наук и, в определенной степени, характеризует уровень подготовки автора данного «дополнения-монографии».
2. Призывая своих критиков основываться на анализе «максимально возможного объема» документов, сама Г.А. Гребенщикова, как показывает изучение текста ее работы, зачастую привлекает документы выборочно, без должного анализа, глубоко их не осмысливает, трактует весьма произвольно, нередко, фальсифицирует их содержание, создавая тем нужную ей доказательную базу. Такой подход к архивным документам дает возможность автору излагать исторические события и характеризовать их участников в нужном ей свете, даже и в тех случаях, когда содержание документов не дает для этого достаточных оснований. При этом автор не пытается определить достоверность архивной информации, не учитывает ее прямую зависимость от человеческого и других факторов, а также от возможностей получения и весьма продолжительных сроков доставки сведений адресатам или руководящих документов – исполнителям, что было характерным для XVIII века.
3. Досадно, что профессор Г.А. Гребенщикова, снабдив «дополнение-монографию» указанием, что она предназначена «для студентов, аспирантов», сама подает студентам, молодым исследователям дурной пример небрежности и даже непрофессионализма. Она как правило пренебрегает сколько-нибудь полным обзором историографии, отказывается от непредвзятого подбора и анализа документов. Автор нередко произвольно и предвзято, без должного учета предшествующих научных работ и публикаций историков-профессионалов, стремится описывать внешне-политическую обстановку, морскую политику России и действия

флотилий под российским флагом в Средиземном море, заслуги их командующих, исходя при этом из своих личных представлений и взглядов, симпатий и антипатий. Регулярно ссылаясь почти исключительно на архивные материалы, она, видимо, старается предстать перед читателем их первооткрывателем, даже и в тех случаях, когда в распоряжении исследователей имеются эти архивные документы, давно уже опубликованные и хорошо изученные. Такой подход, несомненно, представляет собой шаг назад даже по сравнению с работами историков XIX столетия и никак не может служить руководством при подготовке студентов и аспирантов в XXI веке.

4. Несмотря на весьма значительный массив архивных документов, в том числе известных автору и цитируемых ею, а также, на наличие большого числа научных публикаций, в которых подчеркивается ведущая роль флотилии Ламброса Кацониса в борьбе на морских коммуникациях в годы Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., Г.А. Гребенщикова упорно пытается данный факт отрицать. Для доказательства и навязывания читателю своей позиции, она вынуждена осуществлять определенные, не украшающие историка-профессионала, действия. Так, искажая истину, она отвергает боевые успехи флотилии Л. Кацониса и стремится выпятивать роль казенной флотилии, заслуги ее командующих: в 1789 г. Гульельма Лоренца (три месяца) и в 1790 г. капитана генерал-майорского ранга А.К. Псапро (год), в противовес успехам флотилии Ламброса Кацониса. При этом, автор, применяя двойные стандарты, старается выдать реквизиции торговых судов и их грузов корабельным соединением Л. Кацониса за пиратство и разбой, а подобные же реквизиции, но судами казенной флотилии, как необходимые и законные действия в ходе войны, как боевой успех экипажей судов и их командиров. Описывая различные боевые эпизоды, морские сражения, Г.А. Гребенщикова сознательно принижает роль флотилии Ламброса Кацониса и всячески стремится подчеркнуть успех и заслуги флотилии казенной, нередко при этом фантазируя, искажая события и факты, имевшие место в тот период времени. В итоге, «дополнение-монография», к сожалению, представляет читателю весьма искаженную картину боевых эпизодов, действительных событий, боевых действий флотилий и их реальных успехов, а также боевых заслуг экипажей судов и командующих флотилиями.

5. Анализ текста «дополнения-монографии» Г.А. Гребенщиковой дает все основания считать, что нарисованный ею образ «Кацониса-пирата» и «преступника» не соответствует действительности. Взвзвись необоснованно развенчивать и отрицать заслуги офицера-грека, воевавшего с врагами России во главе флотского соединения за тысячи миль от российских берегов, без налаженного снабжения и финансирования, профессор Г.А. Гребенщикова, возможно, преследует некие, ей одной ведомые цели, но никак не занимается исследованием действительных событий. А ведь, самостоятельно организовав флотилию из захваченных и добровольно присоединившихся судов, укомплектовав их экипажи преимущественно из греков, не имевших должного военно-морского опыта, Л. Кацонис сумел затем повести свое соединение к победам, сквозь различные невзгоды, включая тяжелые поражения в сражениях с неприятелем. На протяжении нескольких лет, начиная с 1788 г., флотилия под его командованием, в целом следуя полученным от высшего начальства приказам, эффективно действовала на морских коммуникациях, приковывала внимание османского руководства к бассейну Средиземного моря, вынуждала посылать туда эскадры боевых кораблей, содержать усиленные гарнизоны прибрежных и островных крепостей. И хотя, начиная с 1789 г., в борьбу включилась также и казенная флотилия, боевой вклад ее, по реальным результатам, оказался заметно скромнее. Непонятно, по какой причине, но Г.А. Гребенщиковой такая реальность не устраивает, поэтому она стала прилагать значительные усилия, чтобы исказить ее в своих работах. Так, она стала рисовать совершенно противоположную картину, стремясь своими спорными, а иногда просто надуманными данными поменять местами результаты деятельности флотилий, чтобы как-то убедить читателей в своей правоте, показать им других, будто бы ранее неизвестных, а ныне выявленных ею «настоящих героев», их боевые заслуги и тем развенчать «пирата» и «лжеца» – российского полковника Ламброса Кацониса, более 200 лет незаслуженно, по мнению Г.А. Гребенщиковой, почитаемого в Греции национальным героем.
6. В своих рассуждениях о морской политике России и международной обстановке Г.А. Гребенщикова совершает массу более или менее существенных ошибок, пытаясь подогнать реальные, весьма сложные отношения между крупными державами и малыми государствами Средиземноморья под надуманную схему,

позволяющую лишний раз заявить о неких «нарушениях» Л. Кацонисом повелений императрицы Екатерины II, действиях, противоречивших ее политике. Здесь, как и в монографии 2012 года, проявилось упорное стремление Г.А. Гребенщиковой очернить и унижить полковника Ламброса Кацониса, фальсифицируя его управленческую и боевую деятельность, заслуги перед Россией и Грецией.

7. Неумное желание Г.А. Гребенщиковой дискредитировать российского офицера Л. Кацониса выглядит весьма странным, если не сказать фанатичным. Своим стремлением очернить, развенчать общепризнанного национального героя Греции, который является таковым свыше 200 лет, она, несомненно, наносит серьезное оскорбление греческой нации. Осуществляя свою акцию, автор попросту игнорирует, отбрасывает результаты научных исследований многочисленных российских и зарубежных исследователей, необоснованно отвергает их публикации с положительными оценками личности, с признанием заслуг Ламброса Кацониса, его мобилизующей роли в обретении греками национальной независимости. А ведь ученый-историк должен быть предельно внимательным и осторожным в поисках исторической истины, не поддаваться эмоциям и влияниям обстоятельств, быть честным, предельно объективным профессионалом и, конечно, всегда «отстаивать достоинство и интересы России, не ущемлять их и не принижать», как гласят цитируемые Г.А. Гребенщиковой слова президента Российской Федерации В.В. Путина. Между тем, сама она в «дополнении-монографии», не задумываясь, уже не в первый раз оскорбляет не только личность российского офицера Ламброса Кацониса, искажает его действия, осуществляемые в соответствии с приказом российского командования, но и унижает целый ряд его подчиненных, успешно затем служивших России и отличившихся на Черноморском флоте, выдавая их за пиратов и преступников, грабивших и убивавших мирных жителей, в том числе и своих бывших соотечественников-греков. Конечно, в некоторых архивных документах имеются явные попытки представить Л. Кацониса и командиров его судов пиратами. Эти попытки исходили, прежде всего, от «обиженных», пострадавших иностранных купцов и судовладельцев, перевозивших туркам различные грузы, включая запрещенные, а также от тех российских дипломатических представителей и чинов военной администрации, чьи личные интересы были как-то затро-

нуты или ущемлены Л. Кацонисом. Подобные недоброжелатели писали доносы, зачастую давали непроверенную информацию, дискредитирующую боевые действия судов флотилии Ламброса Кацониса, которые имели значительно больший боевой успех, чем суда казенной флотилии, разумеется, не задумываясь, что их действия являются «принижением чести и достоинства России». Однако об этом стоит задумываться историку-исследователю, изучающему плоды их активности.

8. В своем тексте Г.А. Гребенщикова берет на себя смелость без должного анализа судить о решениях воинских начальников, отвечавших за действия в Средиземноморье, считая, что российское командование, в лице генерал-фельдмаршала Г.А. Потемкина, генерал-поручика И.А. Заборовского, генерал-майора В.С. Томара и других принимали не те решения, которые, по ее мнению, требовались. Вместо того, чтобы решительно отстранить «преступника» Л. Кацониса от командования, арестовать его и судить, они постоянно потакали ему, позволяли командовать флотилией, предоставили исключительное право распоряжаться призами, стремились незаслуженно повышать в чинах, награждать орденами. Автор не задумывалась при этом, почему императрица Екатерина II, обладавшая всем объемом как положительной, так и отрицательной информации, все соответствующие представления командования о поощрении Л. Кацониса и его подчиненных утверждала. Вольно или невольно, но профессор Г.А. Гребенщикова своими сентенциями унижает Россию, заставляет читателя думать, что империей в те времена управляли люди слабо подготовленные, безответственные, с недостаточными умственными способностями, с отсутствием государственного мышления, доверчивые, легко поддающиеся обману и, при этом, абсолютно безнравственные, равнодушные к своей стране. Излишне говорить, насколько такой образ далек от действительности, но ведь он навеивается всем содержанием рассматриваемого «дополнения-монографии», рассуждениями и надуманными аргументами ее автора.

9. Анализ текста «дополнения-монографии» позволяет заключить, что, к сожалению, ее автор не прислушивается к мнению историков-коллег, к их рекомендациям и пожеланиям, к обоснованным критическим замечаниям, изложенным в ряде публикаций последних лет. Например, в известной брошюре «Ради установления истины. О некоторых аспектах книги Г.А. Гребенщиковой

“Черноморский флот в период правления Екатерины II”»; в материалах исследования Р.В. Кондратенко «Ламброс Кацонис и российские каперы на Средиземном море в 1788 – 1792 годах», текст которой завершается следующим выводом: «Это дает нам основание считать Ламброса Кацониса одним из выдающихся офицеров, греков по происхождению, оставивших заметный след в истории России». Удивительно, но Г.А. Гребенщикова не только категорически отвергает мнение коллег-историков, все критические замечания, высказанные по поводу ее работ, но продолжает упорно повторять свои многочисленные ошибки, искажения и фантазии в очередных публикациях, по-прежнему занимается фальсификацией содержания документов, событий, исторических фактов. По сути, использует одну и ту же, выработанную ею технологию формирования «нужной» доказательной базы, для создания трудов, отвечающих ее личным представлениям, взглядам и убеждениям, но не исторической правде, не научно доказанной истине, уже изложенной в известных трудах других историков. Это, естественно, вызывает теперь весьма настороженное отношение тех коллег-историков, кто владеет предметом, да и думающих читателей, к ее многочисленным и объемным публикациям, хотя в полиграфическом отношении оформленным хорошо, но имеющим зачастую спорное, путанное и, нередко, надуманное, тенденциозное содержание.

10. Что же касается общего вывода по результатам анализа текста «дополнения-монографии», то, к нашему сожалению, это исключительно сырая работа, с многочисленными ошибками и грубыми искажениями исторической действительности. В силу этого она не обладает познавательной ценностью, вносит путаницу в сознание читателей – любителей истории, вызывает недоумение и разочаровывает своей тенденциозностью, низкой достоверностью своего содержания, его доказательной базы. Очевидно, что данная публикация отвечает лишь целям и задачам автора, ее стремлению оспорить, опровергнуть критику в адрес своих «научных» работ. А также доказать необоснованность высказанных в ее адрес замечаний, подчеркнуть «злонамеренность» своих оппонентов и тем сохранить свое авторское лицо в глазах читателей. Однако именно эта работа Г.А. Гребенщиковой, по нашему мнению, в наибольшей степени подрывает имидж плодовитой писательницы-историка, упорно стремящейся обрести популярность. Вместе с тем, она

наносит также и удар по общим результатам работы профессора Г.А. Гребенщиковой, в полной мере показав недостаточную научную достоверность и тенденциозность ее публикаций, их спорную познавательную ценность, раскрыв весьма странную методику «исследовательской» работы доктора наук, особенно при формировании доказательной базы исследования, а также выявившийся при этом, возможно, подлинный научный и морально-нравственный уровень автора, далекий от научности и приближающийся к далеко не лучшим образцам исторической беллетристики.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

В конце 2014 года Петербургское издательство «Остров» выпустило в свет очередную книгу доктора исторических наук, профессора Г.А. Гребеншиковой «Российские флотилии в Средиземном море и морская политика России при Екатерине II». Детально ознакомившись с данной работой, считаем необходимым высказать читателям свое общее мнение по поводу данной публикации.

Прежде всего, следует отметить, что недоумение вызывает то обстоятельство, что в работе, преподносимой в подзаголовке как «Дополнение к изданию “Черноморский флот в период правления Екатерины II”», а в аннотации представленной как монография, в которой «исследованы боевые действия российских флотилий в Средиземном и Эгейском морях в русско-турецкую войну 1787–1791 годов и морская политика России в указанный период», на самом деле вопросы, имеющие некоторое отношение к морской политике, рассматриваются в первой главе, посвященной периоду 1770–1780-х гг., выходящему за обозначенные ранее хронологические рамки, а во второй почти не затрагиваются.

Далее, трудно понять, какая же новая, конкретная научная тема исследована, какие ранее неизвестные исторические факты введены в оборот, и в результате их анализа сделаны новые обобщения и выводы, изложенные в данной книге? Как представляется, это издание представляет собой компиляцию фрагментов двух ранее вышедших книг Г.А. Гребеншиковой – уже упомянутого двухтомника «Черноморский флот в период правления Екатерины II», увидевшего свет в 2012 г., и опубликованной в 2007 г. одноименной книги «Балтийский флот в период правления Екатерины II». Спрашивается, что же в ней действительно расширяет наши исторические знания, способствует развитию исторической науки, чтобы дать «дополнению» право быть представленным как монография?

«Дополнение» выпущено в свет уже после появления в 2013–2014 годах ряда научных изданий: книги Г.Л. Арша «Россия и борьба Греции за освобождение» (2013 г.); брошюры «Ради установления истины. О некоторых аспектах книги Г.А. Гребен-

шиковой “Черноморский флот в период правления Екатерины II”» (2014 г.), подготовленной двумя греческими и российским авторами: А. Гертсосом, И. Николопулосом, Ю.Д. Пряхиным. Это дает возможность высказать обоснованное мнение по содержанию названного «дополнения», опираясь на публикации названных авторов, а также книгу Р.В. Кондратенко «Ламброс Кацонис и российские каперы на Средиземном море в 1788–1792 годах» (2014 г.), в которых на основе тщательного научного анализа деятельности флотилии Ламбрoса Кацониса, событий в Средиземноморье фактически опровергаются уже опубликованные ранее Г.А. Гребеншиковой выводы и оценки. Изучение содержания вышедшего в свет «дополнения» позволяет, с привлечением архивных материалов и вышеприведенных научных исследований, сделать ряд обобщений и выводов:

- 1) Вышеназванные публикации полностью развенчивают многие утверждения новой книги Г.А. Гребеншиковой, так как в ней практически нет ничего принципиально нового, кроме увеличения числа цитируемых архивных документов, причем, отчасти вызывающих сомнение в датировке, точности и полноте воспроизведения текста, а потому представляющих собой сомнительную доказательную базу. Анализа приводимых документов, оценки их достоверности и степени личной заинтересованности конкретных составителей – должностных лиц, не произведено. Подобные замечания в адрес Г.А. Гребеншиковой делались и ранее (См. Гертсос А., Николопулос И., Пряхин Ю.Д. «Ради установления истины». СПб, 2014). Казалось бы, что нет особой необходимости возвращаться к уже детально изученной проблеме, однако содержание опубликованного ею «дополнения» вызывает необходимость еще раз обратить на внимание на систематически повторяющиеся ошибки и намеренные искажения.
- 2) Вместе с тем, следует особо отметить, что Г.А. Гребеншикова, в определенной мере, уже прореагировала обоснованную и справедливую критику в свой адрес. В тексте «дополнения» она убрала некоторые, наиболее одиозные утверждения, некоторые фантазии, позиции и оценки, которые легко опровергались не только специалистами-историками, но массовым читателем. Так, например, уже отсутствует утверждение, что «казенная» российская флотилия под командованием Г. Лоренца действовала на коммуникациях противника в боевой кампании 1788 года. Вследствие этого деятельность казенной флотилии, пре-

жде отнесенная к 1788 году, вернулись в свои реальные временные рамки, начиная с кампании 1789 года, что уменьшило невообразимую путаницу в событиях на морском театре военных действий, созданную научной недобросовестностью Г.А. Гребенщиковой в монографии «Черноморский флот в период правления Екатерины II» (2012 г.); отсутствуют теперь и прежние уверенные заявления, что императрица Екатерина II «передала командование легкой флотилией Гвильермо Лоренца», назначила его «командовать императорской легкой флотилией вместо преступника Ламбро Кацони»; в «дополнении» уже нет утверждений, что «на службу в Российский флот вступило 17 человек корсиканских офицеров», и среди них «лейтенант Самуэль де Шаплет», что «Кацони всего лишь присваивал себе заслуги» Гвильгельмо Лоренца и «уроженца Корсики» лейтенанта Самуэля де Шаплета. По непонятной фантазии автора, российский офицер, выпускник Морского корпуса 1786 года, который «1 мая 1788 года был произведен в лейтенанты и командирован в Сиракузы, где принял в командование фрегат», в упомянутой монографии, был объявлен автором – героическим корсиканским офицером, теперь этого нет.

Исчезли и многие другие подобные опусы. Однако и в своей новой работе Г.А. Гребенщикова не отказалась от оскорбительных утверждений и оценок в отношении личности и боевой деятельности Ламброса Кацониса и его флотилии, от отрицания его заслуг перед Грецией и Россией, от вымысла при трактовке архивных документов и исторических событий, за что уже подверглась обоснованной критике многими специалистами-историками. К сожалению, и это можно заключить из анализа рассматриваемой работы, должных выводов из рекомендаций и обоснованной критики она для себя так и не сделала. По-прежнему серьезно искажаются исторические события. Для доказательства своих утверждений доктор исторических наук из Санкт-Петербурга, также как и в своих предыдущих книгах, не гнушается голословными утверждениями и вымыслом, передергиванием фактов, подтасовкой данных документов. Вновь проявляется научная недобросовестность и небрежность, имеет место явная фальсификация сведений из источников и искажение событий. Таким образом, в данной работе, как и в прежних публикациях, нередко искусственно создается доказательная база. Для подтверждения сказанного приведем со-

ответствующие доказательства, опираясь на исследованный текст работы Г.А. Гребенщиковой.

А. Факты фальсификации сведений:

- 1) (С. 103) В ордере от 14-го, а не 29 января 1789 г. и от «бригадира князя Мещерского», а не от генерал-поручика Заборовского сказано: «Как уже отсюда отправляются суда сии не яко корсары, но как российская легкая флотилия под командою вашею, того ради надлежит вам учредить надлежащий во всех частях порядок российской дисциплине...». Таким образом, утверждение автора, со ссылкой на этот документ, что флотилия должна выйти из Триеста «как легкая казенная флотилия» – фальсификация текста документа. А чтобы замаскировать данное искажение, при публикации (С. 102) секретного ордера генерала Заборовского от 20 марта 1789 года сознательно опускается начало документа, где говорится: «Остается теперь вам отправится с оными в море под флагом Ея Императорского Величества в виде российской Императорской флотилии...». Сделано это автором для обоснования подробно излагаемых в данном разделе книги спорных рассуждений и, в конечном счете, утверждения своей неопределенной позиции по данному вопросу;
- 2) (С. 106) мельком упоминая в своем изложении о важном документе Воззвании (манифесте) к греческому народу генерала И.А. Заборовского, автор дополнения (монографии) вполне осознано фальсифицировала суть данного документа, привязав его к своим рассуждениям о «тщетности» усилий генерала «в составлении флотилии из арматоров». Вместе с тем, сутью документа является следующие основные положения Воззвания: «...Отряжаю я в Архипелаг Императорскую флотилию под командою одного из храбрых греков находящегося в Российской службе майора Ламбро Качони, предписав ему действовать против неприятеля с мужеством достойным усердия его к службе...», «...приглашаю каждого и всех к поднятию оружия вместе с сею Императорскою флотилиею, в отомщение врагу за вероломство и наглость, и в защищение себя от сего тиранства». Извращенно излагая суть документа, Г.А. Гребенщикова убрала из текста даже слово «храбрых» в сочетании – «храбрых греков», т.е. оценку Ламбросу Кацонису, данную генералом Заборовским;

- 3) (С. 140) приводится архивный документ от 13 сентября – ордер полковника Ламброса Кацонитса капитану Н. Кассими. Текст документа выхолощен и приводится искаженным, с серьезными сокращениями, т.е. в «нужном» для автора «доказательном виде»;
- 4) (С. 204) автор «дополнения» иронизирует: «... Почему такой опытный боевой офицер не отправился вместе со всеми? Кацони хорошо знал театр военных действий и мог бы оказать Ушакову существенную помощь и воевать против французов». В данном случае она целенаправленно фальсифицирует реальные исторические события. Ибо трудно представить, чтобы доктор исторических наук, работавшая с документами того периода, не знала, что существуют: а) Записка генерал-адъютанта Г.Г. Кушелева в Государственную Адмиралтейств-коллегию от 24 октября 1798 года (РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 67. Л. 231), в которой сказано: «Его Императорское Величество Государь Император, по представленному от полковника Ламбр-Качони желанию вооружить своим коштом для разезда противу французов судно, Высочайше повелеть соизволил вооружение сие ему дозволить», б) протокол заседания Адмиралтейств-коллегии от 26 октября 1798 года, который заключается словами: «Приказали: во исполнение Его Императорского Величества повеления, полковнику Ламбро Качони по предъявленному желанию вооружить своим коштом для разезды противу французов судно дозволить. О чем ему Качони дать от канторы Главного командира Черноморских флотов и вице-адмиралу Ушакову послать указы». Таким образом, Л. Кацонис ходатайствовал о разрешении принять участие в борьбе с французами, хотя результаты этого ходатайства исследователям пока установить не удалось, высказываются лишь предположения, что вополотить свое намерение ему не удалось по не зависившим от него причинам. Можно также привести и другие примеры фальсификаций, обнаруженных в тексте рассматриваемого «дополнения». Они являются важным звеном в псевдоаргументации автора.

Б. Примеры необоснованности и тенеденциозности, научной недобросовестности и небрежности, передергивания фактов, игнорирования научного анализа:

- 1) Неясно, в каких «ведущих отечественных журналах» монография 2012 года, как утверждает автор во «Введении» (С. 5) к

- «дополнению» 2014 года, «получила положительные отклики и рецензии»? Почему не указаны названия этих журналов, фамилии «специалистов-историков флота», давших положительные оценки, не цитируются полученные заключения? Ведь к специалистам по истории боевой и повседневной деятельности флотов нельзя отнести д.и.н., профессора Г.А. Санина, а также оставшихся неназванными советников Историко-документального Департамента МИД РФ. При всем уважении к ним, следует все же заметить, что они – специалисты в другой области исторических знаний. К тому же, если они и давали некие заключения, то надо полагать, не ознакомившись с рецензируемым текстом должным образом, а положившись на ученую степень Г.А. Гребенщиковой, которую сочли достаточным ручательством доброкачественности работы.
- 2) Утверждение Г.А. Гребенщиковой, что авторы брошюры «Ради установления истины. О некоторых аспектах книги Г.А. Гребенщиковой “Черноморский флот в период правления Екатерины II”» – греческие ученые А. Гертсос, И. Николопулос и российский д.и.н., профессор Ю.Д. Пряхин некомпетентны, как историки, в вопросах исследованного ими раздела ее книги – никак не обосновывается. Заявлено также и о некомпетентности кандидатов исторических наук А.А. Лебедева – специалиста по истории Черноморского флота парусного периода, и Р.В. Кондратенко, т.е. ученых, предоставивших авторам брошюры некоторые материалы и соображения по ее содержанию. Подобные публичные оценки коллег вызывают удивление. Ведь профессор Ю.Д. Пряхин – автор книг: «Ламброс Кацонис в истории Греции и России» (2004 г.), которая переведена на греческий язык и издана в Афинах в 2005 г.; а также книги «Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов» (2011 г.) и ряда других публикаций по греческой проблематике. Удивительно, но неоднократно упоминая в своем «дополнении» книгу Пряхина 2011 года, она выбрасывает из ее названия концовку – «документы архивов», что искажает характер издания. Складывается впечатление, что это делается вполне сознательно и целенаправленно. «Неспециалист-историк», по утверждению Г.А. Гребенщиковой, это и к.и.н. Р.В. Кондратенко, автор книги «Ламброс Кацонис и российские каперы на Средиземном море в 1788–1792 годах» (2014 г.), всестороннего исследования, относящегося к тому же предмету, что и тот раздел монографии

Г.А. Гребенщиковой (2012 г.), который ранее уже подвергался анализу и критике в вышеназванной брошюре. Интересно, что на обороте обложки своего «дополнения» Г.А. Гребенщикова использовала рисунок «капитан греческого купеческого судна», который помещен на обложке русского издания книги греческого историка Иоанниса Николопулоса «Греки и Россия XVII–XX вв.» (2007 г.), которого Г.А. Гребенщикова также безапелляционно обвиняет в некомпетентности.

- 3) Совершенно верна занятая Г.А. Гребенщиковой позиция (С. 6), что «исторические документы нужно подавать не избирательно, а объективно и не предвзято». Однако в своих работах, в отношении личности и боевой деятельности, заслуг Ламброста Кацониса, «историк флотов», почему-то, сама зачастую действует наоборот. Публикует массу специально отобранных ею документов, причем, без должного их изучения и анализа, без учета вероятной тенденциозности авторов, личных качеств деятелей, без оценки обстановки и реальных условий, конструктивных возможностей судов флотилий и т.д. При этом автор абсолютно верит содержанию только тех документов, которые отвечают ее концепции, взглядам, поставленным ею целям и задачам. Тогда она безоглядно использует их, невзирая на степень достоверности, в качестве «надежных аргументов». На недопустимость такой методики работы ей неоднократно, в том числе и вполне доброжелательно, указывали рецензенты, специалисты-историки.
- 4) Поражают домыслы доктора наук и игнорирование фактов, циничные рассуждения (С. 138) по поводу «лестного и заманчивого» письменного предложения, полученного Л. Кацонисом от турок по повелению султана Селима III. Примечательно, что Г.А. Гребенщиковой естественным кажется предположить, что такое предложение оказалось «заманчивым» и было принято, в то время как факты свидетельствуют, что оно было «отвергнуто с признанием» неподкупным российским офицером и греческий патриотом Л. Кацонисом.
- 5) Заявление, что Ю.Д. Пряхину неоднократно предлагалось «привести научную дискуссию, что «все обращения и предложения Ю.Д. Пряхин категорически отверг», не соответствует истине. В данном случае поражает откровенная фальсификация, на которую идет Г.А. Гребенщикова, не опасаясь разоблачения, в то время как никаких официальных устных и письменных предложений на этот счет Ю.Д. Пряхину не поступало, более того,

даже простого общения по этому поводу, хотя бы по телефону, не предпринималось. Впрочем, в одном Г.А. Гребенщикова права – всерьез обсуждать выдвигаемую ею версию событий и образа Л. Кацониса ученому не пристало, это уровень плохой исторической беллетристики. Затем, никакого шквала «доносов и оскорблений, причем в самой грубой форме», – как заявляет автор «дополнения» (С. 7), со стороны перечисленных ею лиц не было. На деле имел место объективный научный анализ работ Г.А. Гребенщиковой, а также содержания ее публикаций, которые осуществил Ю.Д. Пряхин и другие исследователи. В данных рецензиях и сообщениях, в том числе и опубликованных, были даны строго обоснованные, доказанные документами, объективные оценки конкретных разделов ее работ, а также подвергнуты критике оскорбительные публичные заявления Г.А. Гребенщиковой в отношении личности полковника Ламброста Кацониса и его заслуг, действий его флотилии, основанные на домыслах, изложенных в ее книгах, в публикациях средств массовой информации, выставленные в интернете.

- 6) Утверждение, что в своей кандидатской диссертации гражданин Греции П. Стаму, будто бы, единственный грек, присоединившейся к оценкам Ю.Д. Пряхина, «ограничился только теми материалами, которые предоставил ему Ю.Д. Пряхин» (С. 8), не соответствует действительности. Диссертация написана, в основном, на материалах Венецианских, Австрийских, Голландских, Британских архивов, хотя исследователем использовались также и опубликованные документы российских архивов Греческий морской офицер П. Стаму в 2009 году успешно защитил кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук в Санкт-Петербургском институте истории Российской Академии наук по теме: «Офицер Ламброс Кацонис и его флотилия», что явно раздражает Г.А. Гребенщикову, ибо содержание диссертации и ее выводы полностью опровергают то, что пишет и говорит о национальном герое Греции историк-профессор из Санкт-Петербурга.

Следует особо заметить, что свое удивление и возмущение необъективными, надуманными, оскорбительными утверждениями Г.А. Гребенщиковой, в отношении национального героя Греции, высказали не только греческие ученые: П. Стаму, А. Гертсос, И. Николопулос, Т. Янници, но и целый ряд российских ученых. Это – доктора исторических наук: Г.Л. Арш,

- А.Н. Цамутали, С.Б. Шаргородская, к.и.н. С.А. Пинчук-Галани и др.
- 7) Поражает то, что в рассматриваемом «дополнении» Г.А. Гребенщикова, несмотря на уже опубликованную критику ее надуманных утверждений, не желает к ней прислушиваться. Так, например, автор-профессор по-прежнему убежденно, но бездоказательно утверждает, что в двух своих донесениях Екатерине II главнокомандующий генерал-фельдмаршал Г.А. Потемкин оценивает личности и деятельность морского командования: контр-адмирала С.С. Гиббса, генерал-майора А. Псаро и капитана 2 ранга (подполковника) Г. Лоренцо (С. 138), на основе характеристик, предоставленных ему Ламбросом Качонисом (?!). Исходя из характера светлейшего князя и его должностного положения, важной роли в жизни империи, подобная фантазия автора ставит в тупик – ведь главнокомандующий имел все возможности получать нужную ему объективную информацию по многим, причем, независимым друг от друга каналам. У него просто не было необходимости пользоваться «доносом» для обращения к императрице с целью замены морского командования. Опираясь же, при этом, только на мнение одного подчиненного ему офицера в чине подполковника, на его личные оценки своих начальников и «недругов», тем более было бы странно. При ближайшем же рассмотрении оказывается, что значительную роль в оценках и выводах Г.А. Потемкина сыграли сведения от министра в Венеции генерал-майора А.С. Мордвинова.
- 8) Удивляет непроходящая научная небрежность Г.А. Гребенщиковой. Так, и в этот раз капитана генерал-майорского ранга А.К. Псаро (С. 134, 135, 145) автор числит контр-адмиралом, а на С. 127 даже «контр-адмиралом генерал-майорского ранга» (?!).
- 9) Стремясь убедить читателя, что «преступник» – российский полковник Ламброс Качонис – был прощен Екатериной II не из-за его значимых боевых заслуг, а «снисходя к семейной трагедии Качони», автор, демонстрируя недюжинное воображение, целенаправленно фальсифицирует сведения документа – записи в Камер-фурьерском журнале от 20 сентября 1795 года. Она утверждает, что на приеме, данном Екатериной II, во время «краткой встречи с приложением к руке, полковник напомнил ей (императрице, – Ю.П.) об участии своей семьи и совершенных им подвигах в Архипелаге, попросил о милосердии...»

- (С. 215, 195). При этом профессор сознательно подтасовывает события, игнорирует известные, давно опубликованные документы, а именно: Письмо графа П.А. Зубова к графу А.Н. Салтыкову от 25 марта 1795 года о повелении Екатерины II выдать Ламбросу Качонису «за 8 лет жалованье, за службу его во всю прошедшую турецкую войну в Архипелаге на флотилии Российской». Собственно, уже это письмо показывает, что императрица за полгода до упомянутого приема облагодетельствовала и тем самым показала свое расположение к полковнику. Кроме того, следует учитывать: Рескрипт Екатерины II от 10 ноября 1795 года «Нашему полковнику Ламбро Качони»; Повеление Павла I от 7 ноября 1797 года Государственному казначею барону А.И. Васильеву; Свидетельство от 23 февраля 1798 года: «Дано сие Свидетельство от Комиссии учрежденной о рассмотрении претензий по флотилии бывшей в Архипелаге в последнюю с турками войну капитану 1 ранга и кавалеру Ламбро Качони для собственного его ограждения от исков иногда несправедливо предъявляемых на него могущих». Удивительно, но профессор Г.А. Гребенщикова спустя более чем два столетия эти иски реанимирует, активно предъявляет их Ламбросу Качонису и пытается обосновать в своих «научных» трудах их «справедливость».
- 9) По утверждению Г.А. Гребенщиковой, «на протяжении многих лет» Ю.Д. Пряхин «намеренно и целенаправленно создавал из полковника Ламбро Качони образ борца за свободу Греции от османской тирании» (С. 9). Это утверждение доктора исторических наук звучит весьма странно. Ю.Д. Пряхину не было нужды «создавать из полковника Ламбро Качони образ борца», так как такой образ создан самим греческим народом задолго до него. На протяжении более чем двух столетий греки считают Ламброса Качониса своим национальным героем. Именно его личность, его боевые заслуги, как писали руководители «Филики Этерия» и как считают многочисленные греческие и российские исследователи-историки, явили собой зовущий пример, поднимавший греков на вооруженную борьбу за освобождение от османского ига. Ю.Д. Пряхин всего лишь подтвердил полную обоснованность такого отношения в своих работах, основанных на изучении широкого круга архивных материалов.
- 10) Греческий исследователь Ольга Катсиарди-Херинг «не обосновала иную версию о деятельности Качони», как утверждает

Г.А. Гребенщикова (С. 10). Такое утверждение можно считать целенаправленным искажением содержания публикации. Гречанка-историк в своей работе 1994 г., которая носит название не «Мифы и история финансирования Кацониса», а «Миф и история. ЛамбросКацонис, его спонсоры и политическая тактика», в основном рассматривала и излагала вопросы финансирования Ламброса Кацониса, политической тактики. Она не исследовала подробно боевую деятельность флотилии, однако полностью признавала боевые заслуги Ламброса Кацониса перед Грецией и Россией, как и многие другие греческие исследователи: К. Сагас, Г. Кремос, П. Майакос, Такис Лаппас, Эмм. Протопсалгис, Д. Вайакакос, а также греческие историки, которые в основном опирались в своих исследованиях на французские, венецианские, австрийские архивы и сумели вскрыть немало новых фактов и сведений из жизни и боевой деятельности героя нации, это: К. Мердзиос, И. Георгиу, Панос Стаму и др.

- 11) В «дополнении» (С. 10), а также в других публикациях и заявлениях Г.А. Гребенщикова вполне справедливо подчеркивает, что «достаточно эффективно действовали греческие добровольцы А. Ликардопуло (Личардопуло), Христопуло и другие». И в этом случае мы имеем дело с научной небрежностью. Майор Андрей Ликиардопуло воевал в составе флотилии Ламброса Кацониса, а некоторое время и в «казенной» флотилии, являясь командиром кирлангича «Ахиллес», и на собственной галере «Беллона», вооруженной 14 пушками, с экипажем в 80 человек. Он принимал участие в основных морских сражениях, в действиях на коммуникациях во флотилии Ламброса Кацониса (РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 63–68, 174; или см.: Пряхин Ю.Д. «Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов...», с. 154, 378, 403). Таким образом, боевые заслуги хотя бы одного из командиров судов флотилии Л. Кацониса все же оценены положительно. Ведь, в целом, успешную боевую деятельность его флотилии, боевые успехи ее кораблей Г.А. Гребенщикова всегда безапелляционно и активно отвергает. Эта же позиция вновь прослеживается и в рассматриваемом «дополнении».
- 12) Обвинения Ламброса Кацониса в том, что он не реагировал на требования и решения по выплате долгов (С. 210, 211), предъявленные уже после завершения четырехлетней работы «Ко-

миссии...», Высочайшего утверждения итогов ее деятельности и сдачи всех материалов по повелению Павла I от 4 апреля 1798 года в архив, означает только одно – автор «дополнения» целенаправленно передергивает документы, отбрасывает те, которые не отвечают ее целям – шельмованию героя греческой нации. Так, в очередной раз, профессор Г.А. Гребенщикова не принимает во внимание важнейший документ «Комиссии...» от 23 февраля 1798 года, который был выдан Ламбросу Кацонису – Свидетельство «для собственного Его ограждения от исков, иногда не справедливо предъявится на него могущих». Названный документ полностью отвергает ее обвинительные утверждения, отмечает документы от 9 июля 1799 года и 22 марта 1800 года, предъявленные ею, в качестве аргументации своих утверждений. При этом ею не принимается во внимание, замалчивается, что все поступившие жалобы и заявления в течение четырех лет были всесторонне изучены и по ним приняты окончательные решения, после чего на государственном уровне данный вопрос был закрыт окончательно.

- 13) Удивительно, но в «Списке источников и литературы» «дополнения», в разделе «исследования» почему-то не называются работы по обсуждаемой теме, опубликованные наиболее известным эллинистом в Российской Федерации – доктором исторических наук, главным научным сотрудником Института славяноведения Российской академии наук, почетным доктором Афинского университета Г.Л. Аршем, а именно: изданная в 2010 году статья «Российская флотилия Ламброса Кацониса на Средиземном море: попытка освобождения Греции (1788 – 1792)»; в 2013 году книга «Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки». Указанные и другие работы Г.Л. Арша, по всей вероятности, игнорируются только лишь потому, что известный ученый-историк уже давно указывает Г.А. Гребенщиковой на ее «научную недобросовестность», а также, видимо, из-за того, что его позиции и оценки личности, боевой деятельности, заслуг Ламброса Кацониса научно опровергают надуманную «горькую правду» Г.А. Гребенщиковой, преподносимую ею читателям в своих публикациях.

Таким образом, даже лишь некоторые, приведенные в данных «Заметках на полях» факты из длинного ряда подобных, обнаруженных почти на каждой странице текста анализируемой книги,

дают возможность сделать следующие обобщения и выводы по «дополнению» 2014 г., опубликованному Г.А. Гребенщиковой:

- I. Очевидно что «дополнение» является ответом ее автора на выход в свет брошюры греческих и российского ученых. Не случайно поэтому, что она весьма активно, но бездоказательно, во введении и постскрипуме клеймит авторов брошюры и особенно ожесточенно Ю.Д. Пряхина, обвиняя всех в научной некомпетентности. Вместе с тем, чувствуется, что профессор из Г.А. Гребенщикова еще не ознакомилась с книгой кандидата исторических наук Р.В. Кондратенко «Ламброс Кацонис и российские каперы на Средиземном море в 1788–1792 годах» (2014 г.). Автор последней работы также пришел к выводу, что Г.А. Гребенщикова в своих работах и публикациях нарисовала «карикатурно утрированный образ» Ламброса Кацониса («Ламброс Кацонис и российские каперы...», с. 6). Можно полагать, что только по этой причине он персонально не подвергся «уничтожающей» критике, как и все другие авторы, которые «посмели» критиковать содержание ее публикаций, усомниться в научном качестве ее «монографий».
- II. Результаты анализа «дополнения» приводят к заключению, что хотя в данной книге отсутствуют некоторые прежние, наиболее одиозные позиции и оценки, однако для ее текста по-прежнему характерны: остро негативное отношение к личности и боевой деятельности полковника Ламброса Кацониса, бездоказательные утверждения о непричастности его флотилии к успешным действиям на морских коммуникациях Оттоманской Порты, упорное отрицание его заслуг перед Россией и Грецией, хотя более 200 лет греческий народ заслуженно чтит его своим национальным героем;
- III. Изучение и анализ содержания «дополнения» показывает, что последние публикации Г.Л. Арша, Ю.Д. Пряхина, Паноса Стаму, Р.В. Кондратенко и других исследователей, опирающиеся на широкий круг должным образом проанализированных архивных документов, полностью, как и прежние исследования историков-ученых, рисуют диаметрально противоположную картину, чем статьи и соответствующие разделы книг Г.А. Гребенщиковой, связанные с личностью Ламброса Кацониса и боевой деятельностью судов подчиненной ему флотилии;
- IV. Приходится вновь констатировать актуальность обобщений и выводов, сделанных греческими и российским учеными

А. Гертсосом, И. Николопулосом, Ю.Д. Пряхиным, по результатам всестороннего изучения раздела книги Г.А. Гребенщиковой «Черноморский флот в период правления Екатерины II», связанного с событиями в Средиземноморье в 1788–1792 годах. Итоги данного исследования изложены в их брошюре «Ради установления истины. О некоторых аспектах книги Г.А. Гребенщиковой “Черноморский флот в период правления Екатерины II”». Обобщения и выводы данной брошюры полностью согласуются и с наблюдениями, сделанными в книге Р.В. Кондратенко «Ламброс Кацонис и российские каперы в Средиземном море в 1788–1792 годах», в которой исследователь, после тщательно изучения и анализа архивных документов, пришел к заключениям, по сути полностью опровергающим многие надуманные утверждения и оценки различных публикаций Г.А. Гребенщиковой. «Это дает нам основание, – пишет Р.В. Кондратенко, – считать Ламброса Кацониса одним из выдающихся офицеров, греков по происхождению, оставивших заметный след в истории России».

- V. Как можно видеть, ознакомившись с «дополнением», его автор явно не желает прислушиваться к обоснованной критике и рекомендациям своих коллег-историков, тем более некоторых подготовленных читателей, успевших высказать свое мнение в интернете, упорно отказывается признавать очевидное даже для неспециалистов. Видимо, Г.А. Гребенщикова утратила способность к самокритике, уверовала в свою непогрешимость и преподносит свои заключения как «истину в последней инстанции». Думается, поэтому она отказывается осмыслить и устранить свои ошибки. В результате же в ее публикациях постоянно проявляется научная недобросовестность и небрежность, нередко встречается фальсификация сведений документов и событий, вымысел, необоснованные утверждения, обобщения и выводы. Все это серьезно снижает научную ценность работ Г.А. Гребенщиковой, вызывает сомнение в научной достоверности предлагаемого ею описания исторических событий, в объективности ее оценок исторических личностей, их повседневной и боевой деятельности, их заслуг перед своим Отечеством, своим народом. Складывается впечатление, что Г.А. Гребенщикова ступила на путь завоевания дешевой популярности ценой громких заявлений, «разоблачений» и «раскрытия тайн», что она стремится создать себе дутый авторитет, имитируя публикацию ранее, якобы, не вводившихся в научный оборот документов, выявление

прежде, будто бы, не известных исследователям фактов, а также занимаясь «ниспровержением» старших коллег, работы которых голословно отвергаются или вовсе игнорируются. И это вызывает удивление не только владеющих предметом коллег-историков, но и просвещенных читателей, хотя и вводит в заблуждение массового читателя-потребителя ее объемистых, обильно иллюстрированных трудов.

VI. Итак, как это ни печально, приходится констатировать, что за многообещающим названием «дополнения» Г.А. Гребенщиковой скрывается наукообразная пустышка, не соответствующая высокой научной степени и ученому званию автора, подрывающая авторитет исследователя в кругу владеющих предметом историков-профессионалов, но что важнее – наносящая немалый ущерб историческим познаниям неподготовленных читателей, формирующая у них ложное представление об истории своего Отечества, его героях и антигероях. Такого рода «труды» вредят исторической науке и вызывают серьезные сомнения в научной ценности, достоверности содержания предыдущих публикаций названного историка.

*Капитан I ранга,
доктор исторических наук,
профессор
Ю.Д. ПРЯХИН*

*Заслуженный работник культуры
Российской Федерации,
член Союза писателей
Б.А. КОСТИН*

*25 марта 2014 года,
Санкт-Петербург*

СОДЕРЖАНИЕ

Ламброс Кацонис: как создаются и рушатся мифы	3
Заметки на полях	168

**Афанасий ГЕРТСОС
Иван Николаевич НУЖНОВ
Александр Сергеевич ТАРАСОВ**

**ЛАМБРОС КАЦОНИС:
КАК СОЗДАЮТСЯ
И РУШАТСЯ
МИФЫ**

Подписано в печать 26.08.2014. Формат 84×108 $\frac{1}{32}$. Печать офсетная.
Гарнитура NewtonС, Hermes. Усл. печ. л. 17,01 + 1,68 (вклейка).
Тираж 1000 экз. Заказ № 343. Изд № 473.